

Дагестанский филиал АН СССР
Институт истории, языка и литературы
им. Г. Цадасы

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том I

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

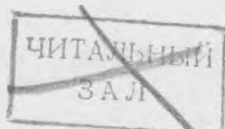

instituteofhistory.ru

Махачкала — 1986.

9(сд)
И 712

Дагестанский филиал Академии наук СССР
Институт истории, языка и литературы
им. Г. Цадасы

Ученые записки

ТОМ I

instituteofhistory.ru

Махачкала—1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Г. ГАДЖИЕВ, Г.-А. Д. ДАНИЯЛОВ (ответственный редактор), В. И. КАНИВЕЦ, Ш. И. МИКАИЛОВ, Г. Б. МУРКЕЛИНСКИЙ, А. С. ОМАРОВ, Г. Г. ОСМАНОВ (зам. отв. редактора), Е. В. СКАЗИН, Р. Ф. ЮСУФОВ.

№ 2750

13504

Дистанционный филиал
Академии Наук СССР
Научная Библиотека

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР приступает к изданию «Ученых записок». Редакционная коллегия предполагает помещать в «Ученых записках» исследования по истории, археологии, этнографии, литературе, фольклору, языкам и искусству народов Дагестана.

Важнейшей задачей «Ученых записок» является освещение вопросов экономического и политического развития народов Дагестана, борьбы трудящихся Дагестана под руководством Коммунистической партии за построение социалистического общества. Особое внимание будет уделено статьям и документам, посвященным Великой Октябрьской социалистической революции и установлению Советской власти в Дагестане.

В «Ученых записках» будут также публиковаться исследования, посвященные проблемам художественного и национального своеобразия устной народной поэзии и литератур народов Дагестана, труды по вопросам истории дагестанской советской литературы и ее взаимосвязей с литературами братских народов.

В области языкознания в первую очередь будут печататься статьи, посвященные сравнительно-историческому изучению языков и диалектов Дагестана, их фонетической системы, грамматического строя и лексики.

Редакционная коллегия просит читателей направлять для напечатания статьи и документы, а также высказывать свои критические замечания и пожелания.

Адрес: Махачкала, ул. Ленина 14. Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы.

ИСТОРИЯ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

В. Г. ГАДЖИЕВ
кандидат исторических наук

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ДАГЕСТАНА К РОССИИ

Марксистско-ленинское освещение и оценка присоединения к России нерусских народов является одной из актуальных проблем, стоящих перед советской исторической наукой. Частью этой важной проблемы является вопрос о присоединении Дагестана к России. Поэтому вполне закономерен интерес, проявляемый к этому вопросу в советской историографии.

До последнего времени не создано специальных монографических исследований, в которых всесторонне и исторически правдиво освещалось бы присоединение к России Дагестана. В имеющихся работах рассматриваются лишь отдельные стороны данной проблемы. Здесь прежде всего следует отметить работы Е. Н. Кушевой¹ и Р. Г. Маршаева², посвященные русско-дагестанским отношениям в XVI-XVII вв., составляющим как бы предисторию присоединения Дагестана к России. Заслуживают внимания также работы Х.-М. О. Хашаева, И. Р. Нахшунова и Г. Ш. Каймаразова³.

Названные авторы правильно оценивают присоединение Дагестана к России, рассматривая его как явление объективно-исторически прогрессивное.

Иное освещение присоединения Дагестана к России давали некоторые другие советские историки. Не считаясь с исторической действительностью, они отрицали прогрессивность этого факта. Выпячивая колониальную политику царизма, они в

¹ Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI-XVII вв. Материалы к сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954.

² Р. Г. Маршаев. Сношения Кайтага и Казикумуха с русским государством в первой половине XVII в. (материалы к сессии). Махачкала, 1954.

³ Х.-М. О. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. (материалы к сессии). Махачкала, 1954. И. Р. Нахшунов. «Прогрессивное влияние России на экономику дореволюционного Дагестана» (материалы к сессии). Махачкала, 1954. Г. Ш. Каймаразов. Прогрессивное влияние России на развитие культуры и просвещение дореволюционного Дагестана (автореферат). Махачкала, 1955.

то же время не видели тех важных положительных перемен, которые произошли вопреки намерениям царизма и против его воли в жизни народов Дагестана. Они явно преувеличивали агрессивность царской России и не видели захватнических стремлений Англии, Турции, Ирана, особенно двух последних стран, веками разорявших и истреблявших народы Дагестана.

В дореволюционной русской литературе, освещавшей присоединение нерусских народов к России и его значение, существовало два направления: прогрессивно-демократическое и реакционно-колонизаторское.

Первое из них, характеризующееся именами декабристов и великих революционных демократов Герцена, Чернышевского и Добролюбова, признавая историческую необходимость присоединения народов Кавказа к России, осуждало великодержавную колонизаторскую политику царизма, сочувственно относилось к присоединенным народам и решительно отстаивало их права, тогда как дворянско-буржуазная историография присоединение нерусских народов, в том числе и народов Дагестана, рассматривала с точки зрения великодержавной колонизаторской политики царизма (О. Евецкий, Н. Данилевский, П. Зубов; В. Потто, Н. Дубровин, П. Ковалевский и многие другие).

В трудах дворянско-буржуазных историков собран и систематизирован огромный и очень ценный фактический материал. Но всем им присуща классовая ограниченность. В их трудах исторические события освещаются без классового анализа, тенденциозно. Как представители своего класса, все они идеализировали великодержавную политику русского царизма. Отношение самих народных масс к России, общение их с русским народом, прогрессивные последствия всего этого не привлекали внимания названных авторов.

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, мы стремимся дать объективно-историческое освещение присоединения Дагестана к России и показать значение этого акта в исторических судьбах народов Дагестана.

Для освещения данной проблемы нами использовано большое число архивных материалов, хранящихся в ряде центральных и местных архивов (ЦГАДА, ЦГВИА, ЦГИА, Груз. ССР, ЦГА ДАССР), а также рукописный фонд Института истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. Наибольшее количество документов, отражающих подготовку и завершение процесса присоединения Дагестана к России, сосредоточено в ЦГВИА в фондах Потемкина Таврического, в ВУА, в ЦГИА Грузии в фондах Канцелярии наместника Кавказского, Канцелярии главного управления Закавказским краем и в др. Кроме того, нами использован ряд документов, опубликованных в разное

время в печати¹. Некоторые интересные материалы по изучаемой нами проблеме мы отыскивали в переодических изданиях².

Дагестан, за исключением узкой низинной полосы вдоль Каспия, представляет гористую местность и вполне заслуживает названия «страна гор». На территории Дагестана издавна обитают авары, даргинцы, лезгинцы, лаки, кумыки и др., всего здесь насчитывается до 30 народностей и этнических групп. Отсюда другое образное название Дагестана, встречающееся у древних авторов,—«гора языков» (Аль-Азизи, Абульфеда и др.). Данные о численности народонаселения Дагестана, относящиеся в основном к середине XIX в., представляют собой лишь приближенные оценки. Так, по данным А. Берже численность населения Дагестана составляла 327.761 чел.³, по подсчетам А. В. Комарова — 449.534 чел.⁴, а по данным Г. Кастильона население Дагестана составляло 800 тыс. человек⁵.

Накануне присоединения к России Дагестан не представлял единого целого. Характерной чертой его была раздробленность на мелкие и мельчайшие феодально-политические единицы, неравномерность социально-экономического развития и этническая пестрота.

Основным занятием населения были земледелие и скотоводство, причем земледелие было ведущей отраслью хозяйства в плоскостной и предгорной части, а скотоводство—в нагорной части Дагестана. Земля обрабатывалась примитивными орудиями производства⁶. В рамках натурального

¹ Акты Кавказской археографической комиссии, тт. I—XII, под ред. Берже; С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Бумаги кн. Гр. Ал. Потемкина Таврического 1788-1789 гг. Под ред. Дубровина; Договоры России с востоком, политические и торговые. Подготовил и издал Юрфович. СПб, 1869; Материалы по истории Дагестана и Чечни. М.-Кала, 1940.

² Газеты «Кавказ», «Тифлиссские ведомости», журн. «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник для описания местностей и племен Кавказа», «Современник», «Вестник Европы», «Русский вестник», «Сын Отечества» и др.

³ А. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. «Кавказский календарь» за 1858 г., стр. 271.

⁴ А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. Записки Кавказского отдела Русск. географич. об-ва, кн. VIII. Тифлис, 1873, стр. 49.

⁵ Письма виконта Кастильона к Гизо. «Историк-марксист». № 5. 1936. стр. 116.

⁶ С.-Г. Гмелин. Путешествия по России, ч. III СПб, 1875, стр. 20; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Известия русского географического общества, в. 4. т. XX, 1884, стр. 382.

хозяйства развивались домашние промыслы. Торговля производилась «большей частью меною». Горды «собственных денег никогда не имели, между ними употреблялись... так называемые ханские. Они принимали также и российскую монету. Особенно почитали серебряные рубли»¹. Развитию торговли сильно препятствовали натуральное хозяйство и феодальная раздробленность.

Городов в Дагестане, за исключением Дербента, не было. Что же касается резиденций дагестанских феодалов, которые в исторической литературе именуются городами (Тарки, Хунзах, Кумух и др.), их ни в коем случае нельзя причислить к городам. Даже в резиденции одного из крупных дагестанских владетелей—шамхала Тарковского, где по данным Сереброва², в 1796 г. насчитывалось около 1500 домов, «посад был не велик», а внешне имел непривлекательный вид.

В описываемое время Дагестан был краем со сложными и пестрыми общественно-экономическими отношениями. Однако, несмотря на различия между отдельными частями, в Дагестане фактически господствовали феодальные отношения со значительными пережитками патриархально-родового строя.

В плоскостной и предгорной зонах земельные угодья находились в основном в собственности феодалов при сохранении в незначительной части общинного землевладения. Общество распадалось здесь на два класса: феодалов—шамхалы, ханы, уцмии, беки, сала-уездени и феодально-зависимых — уздени, догерек-уздени, азаты, чагары, раяты, кулы. Феодально-зависимые крестьяне платили владельцам земли высокую ренту. Господствующей была продуктовая рента.

В нагорном Дагестане, где основной отраслью хозяйства было скотоводство, в руках феодалов находились горные пастбища и скот. Это ставило в зависимое положение не только лично свободных узденей, но и так называемые «вольные» общества. Вместе с тем в самих «вольных» обществах существовало земельное и имущественное неравенство. На этой основе складывались зависимые отношения членов общества к «родовитой знати», «богатеям» и мусульманскому духовенству.

Эксплуатация непосредственного производителя была прикрыта пережитками патриархально-родовых отношений, идил-

¹ ЦГВИА, ф. ВУЛ, д. № 18503, л. 6. Отсутствие своей монеты в Дагестане подтверждают и исследования проф. Е. А. Пахомова. См. Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и др. республик и краев Кавказа. Труды Ин-та истории АН Азербайджанской ССР, вып. II. Баку, 1949.

² ЦГВИА, ф. ВУЛ, д. № 18474, ч. II, л. 6.

лическими обычаями и псевдородственными связями. Зависимые бедняки отдавали прибавочный продукт «богатеям», «родовитой знати» под видом «гвай», «мел» (родственная взаимопомощь), «дарений», «приношений» и т. п.

Таким образом, в нагорном Дагестане общество также распалось на два антогонистических класса, но классы эти были менее четко выражены, чем на плоскости—не было резкой классовой дифференциации, масса крестьян еще не была окончательно закрепощена. Здесь менее развиты были феодальные отношения и очень сильны были пережитки родового строя. Как здесь, так и во всем остальном Дагестане не утихла классовая борьба, которая принимала различные формы: порча и ломка орудий производства феодала, поджоги домов и хозяйственных построек, уклонение от уплаты податей и повинностей¹, бегство рабов и крестьян². Нередко классовая борьба принимала форму крестьянских волнений и восстаний. «Засулакские крестьяне,—читаем мы в газете «Кавказ»,—притесняемые князьями, соединялись между собой присягою и успешно отстаивали свои права»³.

Об открытых крестьянских выступлениях в плоскостной части Дагестана сообщают А. К. Бакиханов,⁴ П. Г. Бутков⁵. Активные выступления крестьян против феодального угнетения и наступление феодализирующей верхушки на общинные права наблюдаются и в других владениях и так называемых «вольных» обществах. Так, в Казикумухском ханстве крестьяне сел. Тулизма сделали покушение на жизнь хана. Известно также восстание узденей сел. Табахли. Это восстание было жестоко подавлено, аул разорен и сожжен, а уцелевшие жители переселились в уцмийство Каракайтагское⁶. В Рутульском «вольном» обществе родовитая знать «до того надоела своими захватами и претензиями», что крестьяне «созвали почти всех их на специально устроенный пир», устроили пожар и «многие из них сгорели»⁷.

Феодальная раздробленность порождала междуусобные войны. Из глубины веков и вплоть до присоединения Дагеста-

¹ Материалы по истории лакцев (на лакском языке). Рук. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, дело 1942, стр. 77.

² ЦГВИА, ф. 52, д. 366 ч. IV, л. 82. Известия Кавказского археол. ин-та, т. III, 1925, стр. 133-148.

³ «Кавказ», 1846, № 37.

⁴ А. К. Бакиханов. Гюлистан Ирам. Баку, 1926, стр. 89.

⁵ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 285.

⁶ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII и начале XIX вв. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1766, стр. 287.

⁷ М. В. Саидова. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным (кандидатская диссертация, стр. 136). Библиотека им. В. И. Ленина.

на к России тянется длинная цепь кровопролитных междуусобных войн. Характеризуя общее состояние края, шамхал Тарковский в письме к русскому командованию на Кавказе писал: «Ныне настало такое время, что брат против брата кроме вражды ничего недоумевает»¹.

Происки эмиссаров Турции и Ирана безусловно усугубляли феодальные распри². Бедствием для трудящихся горцев являлись и опустошительные нашествия татаро-монгольских и ирано-турецких захватчиков. Особенно опустошительным было нашествие Надир-шаха.

В условиях постоянной борьбы с внешним врагом, экономически и политически раздробленный, раздираемый непрекращающимися феодальными распрями многоязычный Дагестан не мог оставаться независимым краем. Его народы либо попали бы под власть Персии и Турции, либо должны были присоединиться к России. Шахский Иран и султанская Турция, насилия и гнет которых горцы Дагестана испытывали не раз, не могли быть по душе горцам. «Перспектива присоединения к Турции, — писал К. Маркс, — очень мало их воодушевляет»³. Сильным государством, способным прочно оградить горцев от нашествий иноземных захватчиков, была Россия. Поэтому в XVIII в. растет ориентация на Россию, активизируются дагестаинско-русские отношения.

Но было бы неправильным не видеть разницу в ориентации на Россию различных классов Дагестана. В то время как феодалы, руководствуясь принципом наживы, стремились укрепить свое положение, приумножить имущество, усилить феодальный гнет, трудящиеся массы горского населения Дагестана, «недовольные своими владетелями, как по тяжким на них наложенным податям, так и наиболее междуусобной брани и... нападениями, их вконец»⁴ разоряющим, рассчитывали с помощью России избавиться от постоянных нашествий и междуусобных войн, ограничить социальный гнет и произвол хауско-бекского сословия. Вот почему в обращениях к России, исходящих от народных масс, наряду с просьбой принять их в русское подданство, всегда подчеркивается просьба защитить их от феодалов⁵.

Здесь, конечно, сказывалась забитость трудящихся горцев, рассчитывавших с помощью царской России освободиться

¹ ЦГАДА, ф. 23, д. 13, л. 279.

² А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 124.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 139.

⁴ ЦГВИА ф. 52, д. № 296. л. 92. «Показание конфидента, посетившего Дагестан в 1783 г.»

⁵ Там же, д. 366, ч. II, л. 23.

от социального гнета. Царизм, разумеется, не имел и не мог иметь желания поддерживать подобные стремления.

Исторические связи Дагестана с Россией имеют многовековую историю, истоки которой восходят ко времени Киевской Руси¹. Но более или менее прочные связи установились после присоединения Казани и Астрахани, когда Россия утвердилась в низовьях Волги. С этого времени стала налаживаться и сравнительно быстро развиваться торговля России с Кавказом, в том числе и Дагестаном. «Звук оружия, — писал Н. М. Карамзин, — изгнал чужеземных купцов из Астрахани. Спокойствие и тишина возвратили их. Они приехали из Шемахи, Дербента, Шевкала², Тюмени со всякими товарами, весьма охотно платя в государственную казну установленную пошлину»³.

Из документальных и литературных данных явствует, что в конце XVI и XVII вв. купчины феодалов Дагестана приходили по торговым делам в Терки, Астрахань и даже в Москву. По данным Е. Н. Кушевой, с 1621, 1623, 1626 гг. только купчины Эльдара Тарковского привозили в Москву различных товаров на сумму 1980 руб., 2893 руб. и 3684 руб., а в 1642-43 гг. шамхал Сурхай привез товаров на 8110 руб. Купчины дагестанских феодалов «по челобитию обычно освобождались от уплаты таможенных пошлин». Что же касается торговых связей с Терками и Астраханью, то они «были постоянны»⁴.

Установление торговых связей с Россией способствовало укреплению ориентации Дагестана на Россию.

В XVI и XVII вв., как свидетельствуют дошедшие до нас документы, от феодалов Дагестана в Россию прибывали послы с просьбой принять их под покровительство Русского государства⁵. Первое посольство, прибывшее в Москву, относится к царствованию Ивана Грозного, а в последующее время послы «появлялись постоянно»⁶. За 28 лет (с 1614 по 1642 гг.) в Москву только от тарковских владельцев прибыло 13 посольств⁷.

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Москва, 1949, стр. 427-428.

² Шевкал-шамхал. Следует отметить, что вплоть до конца XVI в. во владения шамхала входила не только территория поздней известной шамхальства Тарковского, но и значительная часть нагорного Дагестана.

³ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Кн. II, ч. 8, стр. 138.

⁴ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 9. См. также С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1. 1578-1613. 1888, кн. III, стр. XIII.

⁵ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. 8, прилож. к гл. IV, стр. 60.

⁶ Е. Н. Кушева. Северный Кавказ в международных отношениях 16-17 вв. (обзор материалов русских архивов). Исторический журнал, № 1, 1943, стр. 61.

⁷ Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI-XVII вв., стр. 21.

Русское правительство не только охотно принимало посольства от феодалов Кавказа, в том числе и Дагестана, но и само отправляло послов, строило укрепленные городки по р. Терек¹ и принимало в вассальную зависимость феодалов Северного Кавказа и Дагестана. Так, грамотой Ивана Грозного был принят в подданство России «Шевкал», который «к Московскому государю послал служить внука своего с великими поминками»². Прибывшие из Москвы русские послы кн. Звенигородский и Антонов в Терском горсдке привели к присяге наряду с Черкесскими князьями и «Черного князя сына Гелея за своего отца и за брата Камбулука Нацалова и за весь свой род и за Оварскую и Черную землю»³.

В первой половине XVII века в подданство России вступили владетели Казикумуха, Кайтага и др.⁴

Но говоря об ориентации или о вступлении отдельных феодалов в подданство России, нельзя забывать, что шамхалы, ханы и другие владетели не только часто меняли внешнеполитическую ориентацию, но и порой присягали в подданство двум государствам. Так, например, в период походов на Кавказ шаха Аббаса некоторые владетели находились одновременно в подданстве России и Персии. У шамхала,— писал И. Попко, была печать, на одной стороне которой «была надпись, обозначающая персидское подданство, а на другой — московское, и он прикладывал к своим бумагам той или другой стороной куда писал в Шемаху или Астрахань»⁵.

В XVIII в. с развитием производительных сил и образованием всероссийского рынка России потребовались выходы к морям для расширения внешней торговли и овладения стратегическими пунктами. Государство помещиков и купцов в интересах обеспечения растущих потребностей господствующего класса стремилось утвердиться на южных морях.

В тех конкретно-исторических условиях Черное море для России было недоступно. Поэтому Петр I обратил все свое внимание на Каспийское море, ибо здесь он «видел истинное средоточие или узел всего Востока. Он думал обратиться к этому морю всю индоевропейскую торговлю»⁷, сделать Россию

¹ М. А. Полиевктов. Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в на Кавказе. Тифлис, 1932, стр. 10.

² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. I-III. См. там же, Н. М. Карамзин, Указ. соч., т. 8, стр. 415, примечание.

³ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. CII—CIII.

⁴ Р. Г. Маршаев. Указ. соч., стр. 7-8.

⁵ И. Попко. Терские казаки с стародавних времен. СПб. 1860, стр. 71.

⁶ В. В. Комаров. Персидская война 1722-1725 гг. Материалы для истории царствования Петра Великого. «Русский Вестник», т. 68, стр. 554, М. 1867 г.

посредницей в торговле между Востоком и Европой. Кроме того, все возрастающие потребности русской мануфактурной промышленности требовали обеспечения ее такими видами сырья, как шелк-сырец, хлопок, нефть, руда и т. д. Все это толкало Россию на Кавказ. Не менее важной причиной, требовавшей присоединение прикаспийских областей, являлась оборона южных границ, ибо юго-восточные границы в то время представляли собой едва ли не самое слабое место Русского государства.

С самого начала XVIII в. Русское государство устанавливает прочные связи с феодальными владетелями Кабарды, Дагестана и других областей. Из гребенских казаков, переселившихся на левый берег Терека, образовано было 5 укрепленных городков (Червленая, Щедринская, Новогладковская, Старогладковская и Курдюковская). «Право владения казаков затеречными угодиями,—пишет историк Терского казачества Попко,—не оспаривалось ни кумыками, ни кабарддцами»¹). Основанием 5 городков было положено начало образования «терской кордонной линии».

С конца XVII и начала XVIII в. Турция повела агрессивную политику по отношению к Кавказу. Пользуясь ослаблением Ирана, Оттоманская Порта решила прибрать к своим рукам Кавказ. Но не решаясь на открытую агрессию, Порта делала все, чтобы подчинить своей власти народы Кавказа, в том числе и Дагестана, через подчинение местных феодалов. С этой целью на Кавказ были отправлены многочисленные агенты с богатыми подарками феодалам и мусульманскому духовенству. По указке Порты, писал Бекович-Черкасский, от Крымского хана к владельцам Северного Кавказа прибыли «посланцы... дабы оные князья со владениями своими склонились под власть султана турского»².

В обстановке захватнических устремлений больших государств феодальные правители Дагестана, исходя из своих корыстных интересов, ориентировались то на Россию, то на Турцию. Однако большинство феодалов искали покровительства России. В своих многочисленных письмах к царскому правительству феодалы просили принять их в русское подданство.

В конце 20-х годов XVIII в. Турция открыто стала готовить агрессию на Кавказе³. Россия не могла допустить, чтобы Турция овладела Кавказом и поэтому по окончании Северной войны Петр I возглавил поход на Кавказ.

¹ И. Попко. Указ. соч., стр. 96.

² «Русский вестник», т. 68, 1867, стр. 558-559.

³ ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. I, д. № 18, л. I.

Во время персидского похода мирным путем были присоединены к России владения Костековское, Аксаевское шамхальство Тарковское. Только эндреевский владделец, в 1721 г. «причинивший толико вреда окольным городам Терки», а теперь ожидая «российского мщения», не только не изъявил покорность, но и оказал известное сопротивление¹. Сопротивление русским войскам оказал и султан Утемышский. В августе 1722 г. русские войска, встреченные «с отверстыми объятиями как бы своих из осады выручили»² вступили в Дербент. Вслед за этим в подданство России вступили уцмий Ахмедхан, Султан махмуд, владетель Бойнака, кадий Табасарана, Рустам-бек и майсум Махмуд-бек³. Таким образом, уже в бытность Петра I в Дербенте значительная часть Дагестана вступила в подданство России.

Вскоре, в силу сложившихся условий, Петр I, оставив гарнизон в Дербенте и других крепостях, вернулся в Астрахань.

Турция, зорко следившая за тем, что происходило на Кавказе, незамедлительно решила воспользоваться уходом основных сил России. «Турецкое правительство, — пишет историограф и министр турецкого двора Джевдед-паша, — весною 1723 г. поспешило завладеть столицей Гюрджистана, Тифлисом, посадило от себя правителя в Шемаху»⁴; постепенно турецкие войска стали продвигаться к пределам Дагестана.

По предложению Персии, напуганной вторжением турецких войск на Кавказ, между Россией и Ираном в 1723 г. в Петербурге был подписан договор, по условиям которого шах признавал за Россией прикаспийские области Кавказа. Это привело к резкому обострению русско-турецких отношений.

Враждебное отношение к России правящих кругов Турции подогревалось дипломатией Англии. Англия, стремясь к безраздельному господству на Востоке, с самого начала Персидского похода старалась во что бы то ни стало вызвать русско-турецкую войну с тем, чтобы, воспользовавшись взаимным ослаблением России и Турции, укрепить и усилить свои позиции. Об этом свидетельствует донесение русского посла при турецком дворе Неплюева. «Английский посол в Константинополе, — писал он в донесении от 18 июля 1722 г., — с

¹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. 1, стр. 21.

² Покоренный Кавказ. Очерки прошлого и современного Кавказа. Изд. Каспари, 1904, кн. I, стр. 83.

³ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. I, д. 18, л. 8.

⁴ Д ж е в д е д - п а ш а. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению Оттоманской империи от 1192 до 1202 гг. хиджры (1775-1784). Перевод с турецкого. Отрывок из «Истории Турции». «Русский архив», 1888, стр. 372.

целью разжигания вражды между обоими государствами во время беседы откровенно говорил визирю султана, что Россия усиленно готовится к войне против Турции»¹.

В 1723 году во время переговоров между Россией и Турцией западно-европейские державы, в первую очередь Англия и Франция, инспирировали выступление турок. Британские дипломаты уверяли султана, что многие европейские государства не в дружбе с Россией, а Англия и Дания готовы немедленно напасть на Россию, и обещали Турции в случае войны с Россией «щедрую помощь»².

Франция, игравшая роль «посредницы» в урегулировании между Турцией и Россией кавказского вопроса, фактически старалась разжечь войну между ними³.

Казавшуюся неизбежной войну все же удалось отвести благодаря заключенному в июле 1724 г. договору Турции с Россией. Согласно этому договору часть Кавказа—Грузия, Ширван, Эривань, Карабах признавались за Турцией. К России отошли часть Дагестана и прикаспийские провинции Азербайджана.

Народы Дагестана, оказавшиеся в зависимости от России, были в несравнимо лучшем положении, чем те, которые подпали под иго Турции. Подпавшие под гнет Турции народы, как писал Долгорукий, «были так ожесточены, вконец разорены и такое ругательство и тиранство турки делают, как больше того быть нельзя», что «все народы как христиане, так и басурманы,—все против них готовы, только просят, чтоб была им надежда на нас»⁴. Вот почему население той части Дагестана, которая не вошла в состав России, стремилось принять подданство России «с великою охотою»⁵. В 1726 г. России присягнули «акушинцы»⁶. В следующем 1727 году владелец Аварии после «учинения присяги» в крепости Святой Крест был принят в подданство России⁷, а в 1731 г.

¹ Архив ВПР МИД СССР, ф. «Сношения России с Персией», оп. 77/1, д. 17, л. 89-90. Цит. А. Абдурахманов. Азербайджан в русско-ирано-турецких отношениях первой половины 18 в. (рукопись кандидатской диссертации), стр. 63. Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина.

² Сборник русского исторического общества, т. 49. СПб. 1855, стр. 295-297, в дальнейшем Сб. РИО.

³ Там же.

⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 4, т. 16-20, стр. 955.

⁵ Там же.

⁶ Путешествие врача русской государственной службы И. Я. Лерха в Персию 1746-1747 г. «Новейшие ежемесячные сочинения», ч. 12, август. СПб, 1791, стр. 59.

⁷ П. Г. Бутков. Указ. соч. ч. I, стр. 83.

было оформлено вступление в подданство «вольного» Андийского общества¹. В то же время подготавливалось вступление в подданство России и других владений Дагестана.

Однако, хотя преобладающее большинство владетелей Дагестана и изъявило желание принять русское подданство, все же в то время присоединение Дагестана к России не получило своего завершения. Более того, после 13-летнего владения прикаспийскими провинциями, в силу внутренних затруднений и внешних осложнений, Россия по условиям Рештского (февраль 1723 г.) и Гянджинского (март 1735 г.) договоров уступила их Ирану².

С этого времени началась полоса кровавых вторжений полчищ Надир-шаха в Дагестан³. Но неоднократные нашествия персов, сопровождавшиеся разорением и истреблением целых аулов, не могли покорить горцев. Наоборот, в битве близ аулов Чох, Бухты и Мегеб объединенные силы горцев разбили захватчиков наголову. «Поражение,—доносил французский посол при русском дворе де-ля-Шетарди,—тем более значительно, что Кули-хан (шах Надир, В. Г.) дал заманить себя в ловушку и попал в ущелье, где скрытые с двух сторон войска проявили ужасную резню над большей частью его армии»⁴.

* * *

В середине XVIII в. вновь над народами Кавказа нависла угроза со стороны султанской Турции. «В царствование султана Махмуда,—писал Джеввед-паша,—задумано даже было овладеть Дагестаном»⁵. Одновременно крымские ханы вели подготовку к захвату Кабарды. Разумеется, осуществление всего этого ставило бы под угрозу юго-восточные границы России. Поэтому русское правительство вынуждено было активно усиливать свои позиции на Северном Кавказе. Русскими был укреплен Кизляр, из терских казачьих станиц, переселенных Петром I (1724 г.), была образована Кизлярская линия. В 1763 г. была заложена крепость Моздок.

Таким образом, в середине XVIII в. на Северном Кавказе возникли острые противоречия между Турцией и его вассалом—крымским ханом, с одной стороны, и Россией, с другой.

¹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 84.

² О борьбе народов Дагестана и Азербайджана за свою независимость см. «Хроника войн Джара». Баку, 1931, А.—К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, стр. 120-121. Г. Алкадари Асари Дагестан. Стр. 70-71.

³ Сб. РИО, т. 96, док. III.

⁴ Джеввед-паша. Указ. соч. 372.

⁵ Там же.

В длительных войнах с полчищами Надира народы Дагестана понесли огромные жертвы. Ограбленные и разоренные горцы пребывали в крайне тяжелых условиях. Бесконечные междоусобицы, усугублявшиеся происками иноземных захватчиков, еще больше ухудшали положение трудящихся масс. В этих условиях для Дагестана покровительство такой сильной державы, какой была Россия, стало практической необходимостью. В 1750-1751 гг. шамхал Тарковский «искал быть под покровительством российским», преемник его шамхал Муртазали в 1764 г. «уверял российский двор о своем к оному усердии». В 1753 г. владетель Аварии Магомед-Муса-хан «просил о принятии его с подвластными в Российское подданство». Немного ранее «Маматхан Сурхай, владетель Казикумухский, просил о принятии его в Российское подданство». В 1757 г. к России с изъявлением желания быть в российском подданстве обращалось «вольное» Андийское общество¹.

Несмотря на то, что подавляющая часть населения Дагестана ориентировалась на Россию и несмотря на то, что самодержавие было заинтересовано в присоединении его, все же политика царизма, в конечном счете направленная на занятие и присоединение Кавказа, в то время носила очень осторожный характер. Это объяснялось тем, что еще не была решена черноморская проблема.

В 1768 г. Порты развязала первую русско-турецкую войну.

До начала военных действий, и особенно в период войны Турция употребляла «всевозможные усилия, чтобы привлечь на свою сторону племена кавказские и приготовить из этого элемента силу против русских»². С этой целью Порты переправила на Кавказ, в том числе и в Дагестан, большое число своих агентов. Хотя некоторые феодалы и придерживались турецкой ориентации, все же настойчивые призывы агентов Турции не имели среди горцев успеха. Подготавливавшаяся авантюра провалилась.

Джеввед-паша³, официальный историк Турции, явно фальсифицируя исторические события, объяснял провал турецкой авантюры на Кавказе неумелым руководством правящих кругов Порты. Но этот провал скорее всего объясняется нежеланием народов Кавказа, в том числе и Дагестана, поддержать чуждую им агрессивную политику Турции.

Первая русско-турецкая война после ряда блестящих побед русского оружия закончилась полным поражением Османской империи и заключением в 1774 г. Кючук-Кайнарда-

¹ П. Г. Бутков. Указ. соч. ч. II, стр. 254.

² Джеввед-паша. Указ. соч., стр. 372.

³ Там же.

жийского договора¹. Согласно этому договору Россия присоединила Азов, Керчь, Еникале, Кинбурн. Было подтверждено присоединение Кабарды. Крым был объявлен независимым от всякой посторонней власти. Черное море и проливы были открыты для русского торгового флота. Турция признала за Россией право покровительства над Молдавией и Валахией, а также обязалась уплатить 4,5 млн. рублей контрибуции.

Кючук-Кайнарджийский договор имел большое значение не только для России, но и для народов Кавказа. Это был сильный удар по Турции. Он подорвал престиж султана, ослабил его влияние на кавказских мусульман.

После поражения Порты в войне 1768—1774 гг. Россия предприняла меры для дальнейшего упрочения своих позиций на Кавказе. В 1777—1780 гг. царизм образовал укрепленную линию от Моздока до Азова, продолжал налаживать политические и экономические связи с феодалами Дагестана и Закавказья. Характеризуя политику России на Кавказе в этот период, П. Г. Бутков писал: «Наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы кавказского края ссорить между собой разных кавказских народов, дабы они ослабляли силы свои»². Однако, проводя утонченную и очень осторожную колонизаторскую политику, царизм и после войны 1768—1774 гг. не решался присоединить прикаспийские провинции Кавказа. Это видно хотя бы из следующего факта. В 1775 г. русские войска под командованием ген. де-Медема, отправленные в помощь осажденному в Дербенте группировкой дагестанских феодалов Фатали-хану, близ аула Башлы разбили уцмий Каракайтага. Уцмий Амир-Гамза и Рустам-Кади Табасаранский присягнули на подданство России и представили в Дербент аманатов. Но русское правительство, не желая осложнять отношения с Персией и Турцией, «предписало г. Медему не считать подданство этих владельцев действительным и возвратить аманатов. В тех же видах не принято было подданство Фатали-хана и возвращены ему ключи Дербента»³.

¹ О подробностях заключения и значении договора см. Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир. Москва, 1955, стр. 349. В приложении № 3 автор приводит полный текст Кючук-Кайнарджийского мирного договора по современной копии, отличающейся от ранее опубликованного П. С. З. (т. XIX, № 1464) или др. изданиях следующим: а) заголовком, б) наличием секретных статей и ратификационных актов П. А. Румянцева, в) орфографией, г) переменной званий и наград при именах Румянцева, Репина.

² П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 137.

³ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. I, д. 18, л. 15.

Несмотря на все это феодалы Дагестана не переставали обращаться к России. В январе 1783 г. шамхал Тарковский Муртузали в письме к русскому командованию на Кавказе писал: «Я со всеми моими сыновьями и братьями и всеми мне принадлежащими людьми верно и усердно е. и. в. служить намерен»¹. Письма аналогичного содержания были получены и от других владетелей Дагестана².

В 1783 году по Георгиевскому трактату под протекторат России была принята Грузия. «Русский двор,—писал П. Г. Бутков, приняв в покровительство Грузию и обращая виды свои на Армению, старался усугубить число зависимцев своих в Дагестане»³.

Как только весть о подписании трактата стала известной (наиболее влиятельные владетели были извещены П. Потемкиным⁴), феодалы Дагестана также стали добиваться протектората России. «Первые андреевцы, вторые костековцы..., — говорится в официальном документе,—признали самодержавную власть российского двора»⁵. В подданство России было принято и «вольное» Андийское общество⁶. Подготавливалось вступление в подданство России шамхальства Тарковского, ханств Аварского, Казикумухского, удмийства Каракайтагского и др.

«Ужас в Анатолии был невероятен еще до присоединения Крыма к Российской державе,—писал П. Бутков,—принятие Грузии оный усугубило»⁷.

Начав задолго до этого подготовку к новой войне, с Россией, Порты усилила антирусскую агитацию не только среди мусульман Кавказа, но и среди астраханских и казанских татар. Агенты Порты, наряду с щедрыми подарками, раздаваемыми феодалам, распространяли фирманы султана, призывавшие всех мусульман подняться на защиту веры.

Каково было отношение мусульман Кавказа к антирусской пропаганде эмиссаров Турции? Ответ на это мы находим в показаниях русского лазутчика, посетившего Дагестан и Азербайджан. «В черном народе, свидетельствовал он, молва идет что в Персию⁸ придут русские войска и ожидают через прибытие оных избавиться от междоусобий, тяжких налогов»⁹.

¹ ЦГАДА, ф. 23, д. 13, л. 279; ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 137.

² ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. II, л. 161.

³ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 134.

⁴ ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 183.

⁵ ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. V, л. 198, ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 133.

⁶ Там же.

⁷ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 132.

⁸ Персией называли тогда также Дагестан и Азербайджан.

⁹ ЦГВИА, ф. 52, 286, л. 92.

В 1785 г. на Северном Кавказе возникает движение Ушурмы (шейха Мансура). Но огромное большинство народов Дагестана не примкнуло к этому движению. Просьба Ушурмы в Дагестане, доносил П. Потемкин, «во всех местах находит отказ»¹. Более того, многие феодалы, отвергнув домогательства Порты и Ушурмы, попрежнему добивались протектората России.

В 1786 году в подданство России было принято шамхальство². Намечалось также принятие под протекторат России и ханств: Дербентского, Аварского, Казикумухского, уцмийства Кайтагского, майсумства Табасаранского и др.³

Однако и на этот раз указанные владения не были приняты в подданство России ввиду того, что в 1787 году Турция развязала новую войну и международные отношения осложнились. Начало войны означало и усиление деятельности турецкой агентуры. Трудовые слои народов Кавказа, в том числе и Дагестана, не поддавались на призывы Турции, а что касается феодалов Дагестана, то большинство из них, узнав о начале русско-турецкой войны, поспешило заверить Россию о своей преданности. «Письма, в которых искали моей дружбы, — писал П. Потемкин, — были получены от всех владельцев Дагестана»⁴.

Тем не менее с начала войны для определения «касательно верности тех владельцев в расположении к России и выяснения нет ли подсылок от Порты»⁵ в Дагестан был направлен кизлярский татарин Навруз-Али Иманкулов. По возвращении он показал, что феодалы Дагестана «остаются верны России». Свидетельство Иманкулова не только подтверждает сообщения Потемкина, но и позволяет понять, почему дагестанские феодалы устояли перед богатыми подарками турок, не вняли корану Магомета и не приняли приглашения султана. Это произошло по той причине, «что все жители желают безмерно» быть «под покровительством России. Почему ханы и страшатся преклониться на приглашение Порты»⁶.

Весьма интересны в этом отношении также донесения другого русского лазутчика. В то время, когда Ума-хан Аварский совместно с другими феодалами готов был нанести удар своему недругу Фатали-хану Кубинскому, а прибывшие к предводителям ополчения турецкие эмиссары стали уговаривать напасть на Грузию и соединиться с войсками султана,

¹ ЦГВИА, ф. 52, д. 377, л. 47; «Кавказский сборник», т. 15, 1894, стр. 38-39.

² ЦГВИА, ф. 52, д. 366, ч. IV, л. 93.

³ Там же, д. 416, л. 67, 184, 299; д. 366, ч. II, л. 65.

⁴ ЦГВИА, ф. 52, д. 487, л. 17.

⁵ Там же, л. 25-30.

⁶ Там же.

«все войско» отказалось идти к туркам и «просило его (Ума-хана, В. Г.) возвращения в свои дома»¹. После этого Ума-хан Аварский через «нарочно присланного «Магомед-агу письмом от 27 января 1789 г. заверял русское командование, что «пребудет навсегда в благорасположении своем непоколебимом»².

Об ориентации горцев Дагестана на Россию свидетельствуют генералы Алексеев, Горич³ и даже официальные историки Турции⁴.

Вторая русско-турецкая война, несмотря на всестороннюю поддержку Порты западноевропейскими государствами, окончилась поражением Турции. Блестящие победы русских войск под командованием А. В. Суворова при Фокшанах, Рымнике и Измаиле заставили Турцию просить мир. В 1791 г. в Яссах между Россией и Турцией был подписан мирный договор, по которому Турция подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. и признала присоединение к России Крыма. Согласно статье III русско-турецкая граница была установлена по р. Днестру. Турция отказалась от притязаний на Грузию, обязалась обеспечить безопасность южных границ России, а также признала русский протекторат над Молдавией и Валахией.

Если бы в это время борьба с французской революцией не отвлекала внимания царской России, то несомненно Турции пришлось бы принять более тяжелые условия. Однако, несмотря на то, что условия Ясского договора далеко не соответствовали ни довоенным планам царизма, ни успехам русского оружия во второй русско-турецкой войне, все же для России этот договор имел важное значение. По условиям его Россия закрепила за собой все присоединенные земли на юге и жизненно-важное для страны Черноморское побережье, а также обеспечила свободу черноморской торговли.

В конце XVIII в. над Кавказом нависла угроза иранского нашествия, что задевало внешне-политические интересы России. В связи с этим в 1796 г. царское правительство направило на Кавказ русские войска под командованием В. Зубова. К России были присоединены Дербент и значительная часть Дагестана.

В 1797 году в связи с изменением внешне-политического курса царизма русские войска были отозваны с Кавказа. Согласно рескрипту Павла I граница России на Кавказе была определена по рр. Кубань, Терек и Сулак, а из владений Дагестана и Азербайджана решено было составить федеративное

¹ ЦГВИА, ф. 52 д. 487, л. 53.

² Там же, д. 516, л. 40.

³ Там же, д. 487 л. 57 д. 483, л. 2-4.

⁴ Д ж е в д е д - п а ш а. Указ. соч., стр. 331.

объединение, зависящее от России, «дабы в случае надобности соединенными силами они могли стать против покушающихся на них врагов» и самодержавие «меньше имело надобности вступаться за них вооруженною рукою». Главнокомандующему на Кавказе гр. Гудовичу предлагалось также «внушить Персии не устраивать на Кавказ нашествия»¹.

Попытка организовать на восточном Кавказе федерацию, зависимую от России, в тех исторических условиях была обречена на провал, так как не было силы, способной соединить воедино разнородные и вечно враждовавшие между собой феодальные владения Дагестана и Азербайджана. Утопичной была и мысль одними внушениями добиться прекращения нашествий персов на Кавказ. Однако, все это не означало, что самодержавие отказывалось от присоединения Кавказа.

Известно, что в этот период русский царизм вместе с Англией, Австрией и другими государствами принимал активное участие в борьбе с французской республикой. Вместе с английским и русским черноморским флотом против Франции был брошен и турецкий флот. Союзнические отношения между Россией и Турцией были закреплены русско-турецким договором, подписанным в Константинополе. Не вдаваясь в подробности подготовки, подписания и значения этого договора, отметим, что согласно секретным статьям Константинопольского договора, Россия получила право проводить черноморский флот через Босфор и Дарданеллы. В этих условиях не в интересах России было вести активную политику на Кавказе. Вот почему самодержавие вынуждено было на время отложить включение Кавказа в состав России.

Но после того, как среди участников коалиции возникли противоречия и царская Россия вышла из нее, самодержавие снова начало активизировать свою политику на Кавказе. В 1799г., одновременно с вступлением русских войск в Грузию, особой грамотой Павла I вновь было признано шамхальство Тарковское в подданстве России. Мегди-шамхал был возведен в генерал-лейтенанты русской службы с ежегодным жалованием в 6000 рублей для «содержания войск в готовности к службе ими всероссийскому двору и на защиту шамхалова владения»². Тогда же в подданство России вошли владения Аксаевское, Костековское, Андреевское и «вольное» общество Андийское.

В июле-сентябре 1799 г. в русское подданство были приняты следующие владения Дагестана:

а) удмийство Кайтага, владелец которого Рустем был возведен в чин 4 класса с ежегодным жалованием в 2000 рублей;

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 23, л. 18-20.

² Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940, стр. 58, в дальнейшем «Материалы».

б) Табасаран, владелец которого также был пожалован чином 4 класса, «кoему... за ревностность к службе русского двора производится по 1.500 (руб.) в год жалования»;

в) ханство Дербентское, хотя Ших-Али-хан «и оказал... некоторую превратность... принять... попрежнему в подданство и покровительство и пожалован чином в 3 классе»¹.

Летом 1801 года к Александру I с прошением о принятии в подданство обратились Рази-бек Табасаранский, Сограб-бек и брат его Махмуд-бек, дербентский Гасан-Али-хан, Рустам-хан, Рустам-кади и многие другие². Александр I, как отмечает Гасан Алкадари, оказал уполномоченным упомянутых владельцев «милость и внимание, и обещал осуществить указанное желание, а также, написав ответы тем владельцам приказал, чтоб они имели терпение, там спокойно друг с другом ладили»³.

Изменение внешне-политического курса самодержавия в начале царствования Александра I было причиной того, что феодальные владения Дагестана не были присоединены к России. Но такой курс длился весьма недолго, и уже в сентябре 1801 г. был предрешен вопрос в пользу окончательного присоединения Грузии. В ответ на неоднократные обращения феодальных владетелей Дагестана и Азербайджана Александр I указал главнокомандующему на Кавказе ген. Кноррингу «установить между помянутыми ханами и горскими владельцами, для... их и народов их блага... союз, под верховным моим покровительством»⁴.

Предпринимая такой шаг, царизм рассчитывал не осложняя отношений с Персией, которая продолжала претендовать на Азербайджан и Дагестан, обеспечить «безопасность и тишину», а главное наладить торговые связи с Кавказом и Персией.

Согласно рескрипту Александра I, владельцам было предложено для обсуждения условий союза прибыть в Георгиевск. В переговорах, начавшихся в сентябре 1802 г., принимали участие: от шамхала Тарковского—Оразай-бек; от Ших-Али-хана Дербентского — Медет-бек; от каракайтагского владельца уцмья Рустом-хана—Ахмет-Ага; от табасаранского кади Рустом-хана—Магомет-бек «и высоко степенных сей же табасаранской округи владельцев Сохраб-бек Маасума... Нур-Магомет Ага Мустафаев, и Магмута, брата владельца табасаранской, кадия Ших-Мулла», — а также посланники ханов Бакинского, Талышинского и Шемахинского. 26 декабря 1802

1 Материалы, стр. 58; То же, см. Акты, т. III, стр. 384.

2 Там же, стр. 71-78.

3 Г. Алкадари. «Асари Дагестан», стр. 112.

4 Н. Дубровин. Закавказье от 1803-1806 гг. СПб. 1866, стр. 66.

года переговоры закончились подписанием так называемого Георгиевского договора.

Договаривающиеся обязались соблюдать преданность России, «оставаясь все спокойными в своих владениях»; удерживать и ограждать свои владения, «принимая всегда заблаговременно надлежащие тому меры»; разбирать все споры по «дружески» и в случае несогласия решать третейским судом; «когда же спорящим будет сие неуютно, относиться им» за решением к русскому правительству; в случае нападения Персии «ополчаться единодушно» и оказывать посильную помощь своими войсками.

Рядом статей (5, 6, 7, 8, 9) договора предусматривалось обеспечить наилучшим образом развитие торговли России с Дагестаном, Азербайджаном и др., а также развитие судоходства на Каспии¹.

Георгиевский договор имел особое значение для укрепления и развития политических и торгово-экономических связей Дагестана с Россией.

В следующем 1803 г. в подданство России было принято Аварское ханство. Султан Ахмед-хан—владелец Аварии,—говорится в официальном документе,—в торжественной обстановке, «в собрании многих знаменитых подвластных» и «в присутствии капитана Мещерякова» дал клятву, принял и утвердил «собственноручным подписанием и печатью хана прочтенного и обнародованного приличным образом»² предложенные Россией условия. По ним Султан Ахмед-хан обязывался в случае нападения Персии на подвластные России владения оказывать помощь войсками. Российским купцам, приезжающим для торговли в Аварию, предоставлялись равные права с аварцами, как «людям одного государя». Хан Аварии принимал на себя обязательство не участвовать в нападениях на подвластных России горских владельцев; ограждать безопасность границ Грузии; разбирать ссоры с соседями третейским судом, а в случае затруднения обращаться за разрешением спора к императору России. И, наконец, в условиях было указано, что «постановление сие делается на вечные времена и для того всякой приемник владетеля Аварского, на что должен иметь высочайшее е. и. в. утверждение, яко подданный е. в., поступать обязан на самой истине по постановлению сему».³

Одновременно (март-апрель 1803 г.) русские войска под командованием ген. Гулякова присоединили к России Джаро-Белоканское «вольное» общество.

¹ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 485-491. Приложение № 2. Документ автором извлечен из Архива Мин. иностранных дел России.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 17, л. 3, д. 2231 л. 196.

³ Акты, т. 2 стр. 766.

Вступление Аварии в подданство России и присоединение Джаро-Белокан оказало огромное влияние не только на феодалов Дагестана, но и на феодалов Закавказья. Многие феодальные владетели и родовитая знать «вольных» обществ Дагестана поспешили заверить русское правительство в своей готовности вступить в подданство России.

Развязанные Ираном и Турцией русско-персидская 1804—1813 гг.) и русско-турецкая (1806—1812 гг.) войны задержали процесс включения Дагестана в состав России.

Правящие круги Персии и Турции, не без влияния западно-европейских государств, готовили агрессию на Кавказе задолго до упомянутых событий. Тем не менее историки Ирана и Турции в развязывании войны обвиняют Россию. «Прямой причиной войны, — пишет Джамил Гузанлу, — служила агрессия России на юге Кавказа и нападение ее на Иран без объявления войны»¹.

Нельзя не сказать несколько слов о том, какую оценку получила в трудах английских историков политика Великобритании на Ближнем Востоке и на Кавказе. Небезизвестный Керзон в своей книге «Персия и персидский вопрос» выставляет Англию как защитницу Персии и вообще слабых народов². А бывший английский посол в Иране (в годы второй мировой войны) Буллард, не останавливаясь ни перед чем, силился доказать, что якобы Англия в период русско-персидской войны 1804—1813 гг. выступала в роли «миротворца», «благородной посредницы» и «защитницы» интересов кавказских народов³.

Разумеется, объективный исследователь не может не отметить, что русско-персидская война для обеих сторон была несправедливой, захватнической. Вместе с тем участие в войне России способствовало подъему освободительного движения народов Кавказа против шахской Персии.

С началом военных действий на Кавказе, в том числе в Дагестане, усилилась подрывная деятельность не только ирано-турецких⁴, но и западно-европейских агентов⁵. Однако ирано-турецкие захватчики и их покровители и на этот раз не достигли желанных результатов. Горцы Дагестана, за исключением некоторых феодалов (Ших-Али-хана Дербентского,

¹ Цит. М. М. Эфендиев, «Русско-иранские отношения в 1803 — 1813 гг. и англо-французская дипломатия» (кандидатская диссертация), стр. 87. Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина.

² Керзон. «Персия и персидский вопрос» (на английском языке). Лондон, 1891, т. II, стр. 589.

³ Буллард. Британия и Средний Восток» (англ. язык), Лондон, 1951, стр. 33.

⁴ Акты, том II. стр. 144, 145, 161-167, 555, 556, 562-563, 785-786, 812, 820-826, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1664, г. 40, л. 103 и др. часть 50, д. 6171, л. 32 и др.

⁵ Там же, стр. 886.

Сурхай-хана Казикумухского и др.) отвергли домогательства зарубежных агентов. Для иллюстрации сошлемся на факты.

«Через... нарочного Баба-бека,—доносил ген. от инфантерии Булгаков,—Ших-Али-хан упрасивал дагестанских владельцев идти с войсками на Ширван и противостоять нам». Однако, заканчивает Булгаков, табасаранцы отказались помогать Ших-Али-хану»¹.

Жители Казикумухского ханства не только отказывались выступить против русских, но и высказывались за укрепление дружественных отношений с Россией. Так, один из жителей Кумуха по прозвищу Курлику (КъурликIу) прямо говорил Сурхай-хану: «Перестань без надобности беспокоить народ, иди на соглашение и дружбу с русскими»².

В 1806 г. к правителю Грузии Литвинову обратилась депутация 12 лезгинских деревень, возглавляемая Абакаром Муртузаловым. «Они, — доносил капитан-исправник Телава, — идут в подданство России по двум причинам: дабы обитать под владением монарха, славно превознесшегося непобедимым оружием и чтоб не возбранимый был им пропуск ездить для торговли в край под державою России находящийся». «Со своей же стороны, — продолжает он, — дают они обещание служить с выгодами Российскому правительству»³.

Народы плоскостного и предгорного Дагестана также отказались выступить против России. Более того, они оказывали посильную помощь проходящим через Дагестан войскам ген. Глазенапа—чинили и строили за свой счет «в удобных местах мосты», через «быструю реку Сулак учредили достаточное число паромов, так что через сие... неутомимое старание все войска с тяжелою артиллериею и обозом безостановочно прошли». Они сопровождали курьеров, «безопаснейшим образом доставляя в совершенной целости все с ним отправляемое»⁴.

В местечке Буйнак к Глазенапу присоединились военные отряды шамхала Тарковского Мехти-хана. Жители Дербента, узнав о продвижении русских войск, «возмущаясь беспорядочными действиями Ших-Али-хана... изгнали его из Дербента, и, избрав своим правителем Али-Пехан-бека, отправили навстречу русским войскам выбранную депутацию для изъявления своей преданности России». 21 июля русские войска вошли в Дербент. «При сем добровольном покорении, — читаем в документе, — ... жители дербентские, сами выгнавшие

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1664, ч. 50, л. 339.

² Материалы по истории лакцев (лакский язык). РФ ИИЯЛ Даг. фил. АН. СССР, д. 1642, л. 80.

³ ЦГИА Груз. ССР, ф. д. 446, л. 3.

⁴ Г. Алкадари. Асари Дагестан. Стр. 120; ЦГИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 50, д. 342.

Ших-Али-хана... на другой день приведены к присяге на вечную верность и подданство России»¹. За проявленную верность русское правительство объявило гражданам Дербента благодарность и освободило их «от повинности давать подводы для войск». Ханство же Дербентское в августе 1806 г. было передано в управление Мегди-Шамхалу Тарковскому².

Из Дербента русские войска выступили «покорить хамбу-тая»³ (Сурхай-хана В. Г.). Уцмий, кадий, майсум и другие более мелкие феодалы вышли навстречу русским войскам и дали клятву на верность России. Тогда же они были приняты в подданство России⁴.

Вслед за этим Ших-Али-хан, видя безвыходность своего положения, обратился к ген. Булгакову с просьбой простить ему «ошибки» и в знак покорности России прислал заложников. Ген. Булгаков, по собственному признанию, хотя и прекрасно знал цену его заверениям, все же решился привести его к присяге с тем, чтобы расстроить «вредный нам союз» его с Сурхай-ханом⁵. Одновременно Булгаков отправил к Сурхай-хану адъютанта Кривцова и майора Тарасова с «трактатом примерного руководства» для приведения хана к присяге. В декабре 1806 г. Сурхай-хан присягнул на верность России⁶ и обязался платить ежегодно по 3000 червонцев.

Между тем русские вооруженные силы одержали ряд побед над Ираном и Турцией, несмотря на всестороннюю помощь наполеоновской Франции. «Иранский шах, — писал официальный историк тегеранского двора Джамил Гузанлу, — был намерен продолжать войну, но ни денег, ни войск обученных и вооруженных в достаточном количестве не было. Две регулярные армии, созданные в последнее время, в течение трех лет войны были истреблены. Третий год войны был таким годом, что для ведения войны требовалось создать все снова»⁷. Все это, а также подписание между Россией и Францией Тильзитского соглашения, вызвали изменение внешнеполитической ориентации Ирана. Вместо союза с Наполеоном шах заключил договор с Великобританией. Теперь, получая из Англии вооружение, боеприпасы, а также ежегодную субсидию в сумме 120.000 фунтов стерлингов⁸, шахский

¹ ЦГИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 56, лл. 25-28.

² Об отдаче ханства Дербентского в управление шамхала см. Акты, т. III, стр. 408-410.

³ Акты, т. III, стр. 417.

⁴ Кавказский календарь на 1858 г., стр. 211.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, лл. 140-144.

⁶ Там же. Акты т. III, 378-379. В Актах т. III, стр. 377-380 опубликован ряд документов, касающихся приведения Сурхай-хана к присяге.

⁷ Цит. М. М. Эфендиев. Указ. соч., стр. 110.

⁸ С а й к с. История Персии (на англ. яз.). Т. II, стр. 405.

Иран сумел снова подготовиться к войне и, учинив нападение, « в разных пунктах открыл военные действия »¹.

В январе 1809 г. был подписан англо-турецкий договор, после чего Порта также возобновила войну с Россией. Тогда же ирано-турецкие агрессоры «для возбуждения жителей и лезгин»² переслали крупные суммы денег феодалам Кавказа, в том числе и Дагестана. Только грузинскому царевичу Александру было выдано 120 тыс. руб., а Ших-Али-хану отправлено было «судно с денежной казной и разными товарами, который на оные и будет нанимать лезгин против России»³. Непосредственное участие в антирусской пропаганде принимали и чиновники английского посольства в Иране⁴.

Ших-Али и другие феодалы широко применяли обман, подкуп, а где это не давало реальных результатов, — то и насилие. Али-Султан, сообщает очевидец, «силою выгоняет к Ших-Али акушинцев с угрозами, что, кто не пойдет, у того отнимут вола и разорят дом»⁵. Сколотив таким образом отряд и пользуясь тем, что русские войска из южного Дагестана были передвинуты к театру военных действий, Ших-Али-хан сделал было попытку овладеть Дербентом. Но горожане без помощи русских войск отразили это нападение⁶. Против Ших-Али-хана выступило большинство владельцев Дагестана. «Шамхал Тарковский, уцмий Каракайтагский, кадий Табасаранский и др., — писал Ших-Али к первому министру Ирана Мирза-Шефи, — изменили богу и шаху», они «усердны и соединены с русскими»⁷.

Летом 1809 г. к русским властям на Кавказе прибыл Гитинав Сагитов и объявил, что он прислан от Шадродинского и Ансальтинского обществ сообщить об их желании «вступить в повиновение» России. Если начальству будет угодно, — заявил далее он, — Каратинский старшина Курбит и сам Гитинав в помощь русским могут «привести сюда лезгинские войска»⁸. Тогда же с аналогичной просьбой обратились старшины Балхарского, Тиндальского и других «вольных» обществ южного и центрального Дагестана⁹. Вслед за этим для приятия в подданство России «вольных» обществ в Дагестан были отправлены офицеры Кавказской армии.

После того, как в присутствии русских офицеров и «всего народа» старшины от имени своих обществ «поклонились на

¹ Акты. т. IV, стр. 693.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, л. 85.

³ Там же, лл. 32-33.

⁴ Акты, т. IV стр. 576-577, 595.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, л. 284-285.

⁶ Там же, лл. 28-29; Акты т. IV, стр. 640.

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, лл. 68-69.

⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64 л. 281. Акты т. IV, стр. 609.

⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, л. 282. Акты т. IV, стр. 606.

верноподданство и подписали условия», отдали по обычаю времени аманатов из лучших семейств, в подданство России были приняты общества Балхарское, Ансальтинское, Шодродинское, Тиндальское, Рогенческое, Бижитинское, Калалакское, Мааламское, Чугское, а также «вольные» магалы: Ахтынский, Алтыпаринский, Мискинджинский, Докузпаринский и др¹. Осенью 1810 г. было принято в подданство России «вольное» общество Чох².

Вступление в подданство России так называемых «вольных» обществ Аварии и Самурской долины вместе с ростом ориентации трудящихся масс Кюра-Казикумухского ханства на Россию поколебало положение Сурхай-хана. Сурхай-хан, ранее заявлявший, что он никогда не был склонен «да и впредь не намерен» принять подданство России, вынужден был изменить свою политику. Теперь он готов был принять любые условия, предложенные русским командованием, «подписать трактат и обещал приехать куда угодно»³.

Летом 1810 г. в присутствии Джафар-Кули-хана, присланного русским командованием, и народа Сурхай-хан вторично присягнул на подданство России и отдал двух аманатов из «лучших казикумухских старшин»⁴.

В 1810 г. русские войска в Закавказье одержали ряд побед над Ираном и Турцией, в результате чего был нанесен серьезный удар по ирано-турецкому военному союзу. Блестящие победы русского оружия вызвали переполох в Иране и Турции и серьезно встревожили Англию. Правящие круги Великобритании приложили все усилия, чтобы не допустить прекращения войны Ирана с Россией. Англия выдала Ирану 600 тыс. туманов (трехгодичную субсидию), несколько тысяч ружей, артиллерию и другое военное снаряжение. Вместе с новым английским послом Аузли в Иран было отправлено много инженеров и военных инструкторов, «которые незамедлительно занялись обучением персидских войск..., литьем пушек, исправлением крепостей и построением новых»⁵. Одновременно в Иран не без влияния Фориен-Оффиса прибыл визирь турецкого султана Азим с чрезвычайными полномочиями «для подтверждения союзного трактата» и для выработки совместных действий в Закавказье⁶.

Готовясь к новым схваткам, Иран и Турция значительно усилили подрывную деятельность на Кавказе. Эмисары шаха и султана «с помощью английского золота» должны были

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6168, лл. 113-114. Акты, т. IV, стр. 630 и 953

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6168, лл. 113-114. Акты, т. IV, стр. 630.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64. л. 51.

⁴ Акты, т. IV, стр. 626-627.

⁵ Акты, т. IV, стр. 675.

⁶ Там же, стр. 761.

«возбуждать к возмущениям и пабегам» горцев Дагестана¹. К Сурхай-хану прибыли «турецкий хаджи и чиновник персидский с письмами и деньгами». От Баба-хана прибыл к Ших-Али-хану Галиб с деньгами и с лошадейю «с прибором в подарок»². В Аварию, Кайтаг, Табасаран, Ахты, Мискинджи, Докузпару и другие дагестанские владения и «вольные» общества вместе с щедрыми подарками были разосланы фирманы шаха и султана с призывами подняться на священную войну против русских, и оказывать содействие в Закавказье войскам Ирана и Турции.

Ших-Али и Сурхай-хану удалось вторгнуться в Кубинский уезд. Однако рядовые горцы, составившие ополчение Ших-Али-хана и сына Сурхая Нух-бека, поняли, что они были жестоко обмануты, и стали расходиться по домам.

Что же касается широких слоев народов Дагестана, то, как свидетельствует комендант Кубы генерал-майор Гурьев, «начиная от Тарков до Койсу и до Кизляра никто не согласен принять сторону Ших-Али...»³.

Тем не менее против Ших-Али-хана были отправлены русские войска под командованием генерал-майора Хатунцева. К ним присоединился и отряд Аслан-бека Казикумухского. В начале 1811 г. русские войска разбили и прогнали Ших-Али-хана и Нух-бека, после чего в ставку Хатунцева прибыли «почетные лица» от разных обществ южного Дагестана. Они изъявили покорность и просили принять их общество в подданство России.

В феврале 1811 г. было подтверждено и документально оформлено вступление так называемых «вольных магалов» южного Дагестана — Ахтынского, Алтыпаринского, Докузпаринского, Мискинджинского и других в подданство России на следующих условиях:

1. «Отрицая отныне и навсегда самовластие, обязались признавать над собой только власть России и подчиняться «русскому правительству, в Кубе находящемуся».

2. За разрешение беспрепятственно пасти скот на пастбищах Азербайджана упомянутые магалы обязались «с каждой сотни баранов отдавать одну в казну».

3. «Сверх того, в знак всеподданнейшего усердия обязались вносить с овечьих стад с сотни одну, где бы они ни паслись с 1813 г. в первые же зимние месяца без побуждения правительства»⁴.

Вслед за этим Хатунцев с отрядом Аслан-бека выступил против Сурхай-хана. Последний, оставив сел. Курах, где в то

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6192, л. 51-52.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6192, лл. 60-64.

³ Акты, т. IV, стр. 675.

⁴ Акты, т. V, стр. 162, т. VI, ч. II стр. 1-2.

время проживал, бежал в Кази-Кумух. В Курах к Хатунцеву прибыли «со всех деревень кюринского владения старшины... с двумя старейшинами с каждой деревни и с покорностью просили помилование и покровительство Всероссийской империи»¹. В январе 1812 г. кюринское владение было присоединено к России и передано в управление Аслан-беку. Он обязался вносить в казну 3000 червонцев и по 3000 четвертей хлеба².

Тогда же в Курах прибыли из Казикумуха Хасан-бек и Фет-Али-бек и настоятельно просили принять их в подданство России. При этом Хасан-бек доложил, что Ших-Али, оставленный всеми, имеет намерение удалиться в Персию по приглашению туда и делает нужные к этому приготовления. Сурхай-хан же беспокоится, как бы русские войска вместе с Аслан-ханом не двинулись на Кумух, «потому, что-де не находит себе способов собрать значительное число войск, в пособии которых как аварцы, так и акушинцы, дуздахарцы (дуздахарцы — В. Г.) ему отказывают»³. Но генерал-майор Хатунцев не воспользовался удобным случаем для изгнания Сурхая, и вместо того, чтобы направиться в Кумух, вернулся в Кубу, оставив незначительный отряд в помощь Аслан-хану.

Это несколько улучшило положение Сурхая. Теперь он стал тайно провоцировать ахтынцев, рутульцев и др. против России.

Кавказское командование вынуждено было вторично отправить русские войска против Сурхая. 17 июля 1812 г. в Каракайтаг к Хатунцеву Сурхай-хан прислал с сыном своим Муртазали «присягу, утвержденную им по обычаю на святом коране подписью и печатью, извиняясь, что сам он по причине старости и слабости здоровья... видеться не может»⁴.

Одновременно казикумухцы и другие соседние народы Дагестана «собрались и имели между собой совещание. Благоразумные и доброправные из них посоветовали назначить» в Кумухе ханом Муртузали, который по матери доводился братом Аслан-хану, «в том соображении, что они будут неизменны в службе русской державе... и разногласие исчезнет»⁵. Сурхай-хан оказался вынужденным передать ханство в управление Муртузали, а сам бежал в Персию.

Летом к Хатунцеву прибыли «от акушинского и всего даргинского народа кади и почетнейшие старшины». Они просили принять в подданство России и от имени всего даргинского народа «равномерно учинили присягу на верность его

¹ «Материалы», стр. 101.

² Акты, т. V, стр. 150, 156-159, 631 и др.

³ Акты, т. V, стр. 615.

⁴ Материалы, стр. 107-110; Акты, т. V, стр. 617-618.

⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 917, лл. 36-37.

императорскому величеству и почтенейшие из них утвердили оную своими печатями»¹.

* * *

В войне с Россией ирано-турецкие агрессоры, несмотря на всестороннюю помощь Англии, терпели поражения. Русские войска под командованием ген. Котляревского в Закавказье наголову разбили в несколько раз превосходящие силы турок и 8 декабря 1811 г. «Ахалкалакская крепость, — как писал Торماسов, — понизив надменное чело свое, перед русским оружием пала»².

В то же время на Балканах великий русский полководец М. И. Кутузов одержал ряд блестящих побед, в результате которых 12-тысячная турецкая армия оказалась вынужденной капитулировать. «Погиб цвет отборного турецкого воинства, — отмечает историк русско-турецкой войны. — Впоследствии Порты никогда не могла выставить в поле армии подобной, какую в 1811 г. предводительствовал Ахмед-Паша»³. Турция запросила мир. В мае 1812 г. после продолжительных переговоров, за месяц до вторжения Наполеона в Россию, был подписан Бухарестский мир.

Русская дипломатия, желая закончить войну в Закавказье, тогда же предложила Ирану прекратить военные действия, «поставив границы по местам тех владений, которые ныне находятся под властью России»,⁴ вместо прежних по рр. Куре, Араксу и Арпачаю.

«Персы, побуждаемые более от англичан, кои обучая их войска европейской тактике, снабдили своими офицерами, конюшниками, артиллериею и ружьями»,⁵ и ободренные восстанием в Кахетии, отклонили предложение России. Вторжение Наполеона в Россию усилило надежды персов на легкие успехи в Закавказье.

Даже в столь ответственное время, когда русский народ вступил в единоборство с набранными во всей Европе полчищами Наполеона, английский посланник в Иране, нарушая условия русско-английского союзнического договора 1812 г., попрежнему вел антирусскую политику.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, лл. 518-523.

² ЦГИА, ф. ВУА, д. 2889, л. 67.

³ А. И. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны в царствование Александра I с 1808 - 1812 гг. СПб. 1843, стр. 230-231.

⁴ Акты, т. V, стр. 649.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4528, ч. 4, лл. 175-176.

Подстрекательство Англии привело к тому, что «персидское правительство с гордостью, кичась заведенными... регулярными войсками и иностранной артиллерией, отвергнув самые спосходительные и полезные» для нее предложения, приняла новое наступление¹. Отряды под начальством француза Друвиля заняли крепость Ленкорань, а передовые отряды майора английской службы напали «на укрепленные нами места в надежде одним ударом разрубить стену», но одолеть силой оружия русских они не смогли². В своем допесении майор Веселой прямо указывал, что «с англичанами имею дело, а не с другими коими либо... Они действуют единодушно с персами против нас, несмотря на заключение мира с Англией»³.

В октябре 1812 г. русские войска под командованием генерал-майора Котляревского, опередив персов, переправились и стремительно атаковали главные силы неприятеля и наголову разбили их. Сам Аббас-Мирза едва спасся бегством. В этом бою «персидскими регулярными войсками командовал английский майор Криссати..., а артиллерией армии управлял... капитан Лидсней»⁴.

Из вышесказанного явствует, что Англия, сыгравшая значительную роль в развязывании русско-персидской войны, на протяжении всех лет войны снабжала Иран всем необходимым. Однако, не считаясь с неопровержимыми фактами, английские фальсификаторы истории тщетно пытаются обелить авантюристическую политику Великобритании и доказать, что благодаря ее посредничеству была прекращена русско-персидская война 1804-1813 гг. Так, вышеупомянутый Буллард голословно утверждает, «что британское посредничество помогло установить мир между Персией и Россией»⁵. Странно звучит и утверждение автора статьи «Гюлистанский мирный договор» в «Дипломатическом словаре», где прямо сказано: «После нападения Наполеона на Россию Англия прекратила всякую помощь шаху»⁶.

Внушительные победы русского оружия, несмотря на все старания Англии, вынудили Иран отказаться от прежних своих «требований и снизить до согласия поставить мир на основании *status quo and present*»⁷.

В октябре 1813 г. между Россией и Ираном был подписан Гюлистанский мирный договор, по условиям которого за Рос-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 1380, л. 1-2.

² Акты, т. V, стр. 593.

³ Б. Соллогуб. Биография ген. Котляревского. СПб. 1901 г., стр. 150-151.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, з. 1380, л. 1-2.

⁵ Буллард. Указ. соч., стр. 33.

⁶ «Дипломатический словарь», М, 1950 г. Т., стр. 527.

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА. д. 4258, ч. 4, лл. 901-904.

сней закреплялась вся территория, занятая русскими войсками. Шахская Персия отказывалась от притязаний на Дагестан, Северный Азербайджан и Грузию. Таким образом, Гюлистанским мирным договором было юридически оформлено вхождение Дагестана в состав России. Согласно 5 статье договора Персия признала за Россией исключительное право иметь военный флот на Каспийском море. Эта статья пишет М. С. Иванов, была направлена «не столько против Ирана, сколько против возможных попыток со стороны Англии и Франции использовать с помощью Ирана Каспийское море для нападения на Россию»¹.

Купцы обеих сторон получали право на свободную торговлю в Иране и в России. Кроме того, русским купцам предоставлялся ряд льгот, пошлины на ввозимые товары устанавливались в размере 5%, они освобождались от внутренних пошлин и других сборов. Россия обязывалась оказывать помощь наследнику престола в случае возникновения борьбы за трон между сыновьями шаха, причем царь не должен был вмешиваться до тех пор, пока Иран не обратится за помощью.

Гюлистанский мирный договор имел огромное значение для России и особенно для народов Кавказа, в том числе и Дагестана.

*
*
*

Изучение документального материала и различных литературных источников приводит к твердому убеждению, что присоединение Дагестана к России было объективно-исторически прогрессивным явлением, важным событием в жизни народов Дагестана. Однако такой вывод ни в коей мере не может означать забвения жестокого колониального режима царизма, являвшегося врагом всего передового, прогрессивного, врагом трудового народа. Прогрессивные перемены в жизни народов Дагестана произошли вопреки царизму и против его воли.

В России в ту пору развивались капиталистические отношения, в то время как султанская Турция и шахский Иран, отсталые, одряхлевшие и насквозь прогнившие, раздираемые глубокими внутренними противоречиями, пребывали в состоянии экономического и политического распада. Россия уже в начале XIX в. была страной, где развивалась передовая прогрессивная культура, тогда как в Турции и Иране культура находилась в состоянии общего упадка. Присоединение Дагестана к централизованной России, стране, по уровню своего развития ушедшей значительно дальше, чем султанская Турция и шахский Иран, стране с прогрессивной

¹ М. С. Иванов. Очерки истории Ирана, стр. 140.

культурой и развивающимся передовым общественно-политическим движением было исторически-прогрессивным. «Чем больше я размышляю, — писал Ф. Энгельс, — тем яснее мне становится, что... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей»¹.

Присоединение Дагестана к России, независимо от целей и намерений царизма, было исторически важным событием в жизни народов Дагестана. Оно прочно оградило народы края от опустошительных нашествий ирано-турецких полчищ. Со времени вхождения Дагестана в состав России зарубежные агрессоры до 1918 г. не появлялись больше на территории Дагестана. Ставился конец феодальным распрям, междуусобным войнам, всей своей тяжестью ложившимся на плечи народных масс. Постепенно уничтожалась феодальная раздробленность. Край втягивался в общую экономическую и общественно-политическую жизнь России, что способствовало развитию производительных сил Дагестана.

Весьма важным исторически-прогрессивным последствием присоединения к России является подъем экономической жизни Дагестана. В плоскостной части Дагестана стали увеличиваться добыча соли, рыбы, нефти, выращивание марены. Если в начале XIX в. в Дербенте производилось 6 тыс. пудов марены, то в 30-х годах — уже 35 тыс. пудов.

Усилились торговые связи Дагестана как с Россией, так и с другими областями Кавказа. В Кизляр, в Астрахань из Дагестана вывозились изделия кустарных промыслов, продукты животноводства, рыба, фрукты, марена и др. В 1830 г. из Дербента «только марены и части фруктов было вывезено на 190 т. руб.»². В Дагестан из России ввозились товары русской промышленности. Привоз и сбыт русских товаров с каждым годом «все более и более увеличивался»³. Большое значение для развития торговли Дагестана с Россией имели открытые еще в 1811 г. на Кавказской линии пункты меновой торговли, где горцы меняли «изделия свои при дружественном обхождении и обоюдной доверенности»⁴.

Значительных размеров достигла и торговля Дагестана с народами Закавказья. Только в Нуху в 1827 г. было привезено различных товаров на 100 тыс. руб., а из Нухи — значительное количество хлеба, риса и разных товаров более чем на 150 тыс. рублей.

¹ К. Маркс и Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 211.

² Обзорение российских владений за Кавказом, 1836 г. ч. IV, стр. 179.

³ Там же, стр. 184-185.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6192, л. 132.

Развитие торговли способствовало увеличению производства изделий кустарных промыслов горцев, что в свою очередь, вело к росту специализации районов по выработке кустарно-ремесленных изделий.

Нет сомнения в том, что после присоединения к России производительные силы и культура горцев стали бы развиваться еще быстрее, если бы тому не оказывала препятствие колониальная политика царизма. Самодержавие, подвергавшее жестокому гнету русский народ, еще больше притесняло перусские народы присоединенных окраин, которые оказались под двойным гнетом русского царизма и местных феодалов.

Отрицательно сказалось на развитие производительных сил Дагестана и кавказская война 20-50-х годов. В нашу задачу не входит освещение кавказской войны и движения горцев, возглавлявшегося Шамилем, ибо это вопрос, требующий специального монографического исследования.

Следует сказать, что в нашей исторической литературе это движение до настоящего времени не получило марксистского освещения. Еще не выяснены глубокие социально-политические причины, вызвавшие движение, мотивы, побудившие значительную часть горцев примкнуть к Шамилю. Без всестороннего анализа внутренних причин не только нельзя дать правильную оценку этому движению, но и объяснить, почему оно могло длиться 30 лет и выдерживать натиск намного превосходящих сил регулярных царских войск.

Известно, что военные действия не затронули весь Дагестан. Часть его оставалась «мирной» и в этой части продолжался процесс дальнейшего экономического развития.

Заметные изменения происходили здесь в сельском хозяйстве. «Повсюду расчищались леса и на огромных протяжениях были... засеянные поля, орошаемые искусными канавами»¹. Но наибольших успехов достигло садоводство и виноградарство, развитие которых поощрялось царским правительством. Только в 1851 году близ Петровска было посажено 600 лоз муската и других французских сортов винограда, привезенных из Крыма. Вместе с увеличением производства винограда росла и выработка вина.

Больших размеров достигло производство марены. В 1845 году только в одном Дербенте было собрано около 90 тыс. пудов марены.

С течением времени расширялась торговля с центральной Россией. Если в 1845 г. из Дагестана в Россию было вывезено марены 80.520 пудов, сухофруктов 7.196 пудов, орехов грецких 9.045 пудов, то в 1855 г. было вывезено марены 129.881

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6438, л. 4.

пуд, сухофруктов 19.934 пуда, орехов грецких 33.496 пудов, рыбы 8.310 пудов, вина 20.050 ведер. Значительных размеров достиг ввоз товаров в Дагестан. Из России завозилось железо, медь, хлеб, лес, сахар, чай, сукно, шелковые и хлопчатобумажные ткани и т. д.

Все оживленнее становилась торговля в Кизляре и на меновых пунктах Кавказской линии. Только Амир-Аджи-Юртовский меновой двор в течение 1848 г. посетило 2700 кумыков, горских евреев и др. Они доставили сюда товаров на сумму 19.899 руб., а увезли на 94. 740 руб.

Развитию экономической жизни края в огромной мере способствовали построенные в военно-стратегических целях шоссейные и грунтовые дороги, а также крепости, из которых некоторые выросли в города: Порт-Петровск (ныне Махачкала), Темир-Хан-Шуру (ныне Буйнакск) и др. Эти города стали важнейшими центрами культурно-политической и экономической жизни края.

Подъем экономической жизни и культуры способствовал росту народонаселения приморского Дагестана. При этом рост шел не только за счет пришлых, но и от «избытка родившихся над умершими»¹.

После подавления движения, возглавлявшегося Шамилем, царизм занялся «устройством» Дагестана. В 1860-1869 гг. были упразднены ханства, введено так называемое «военно-народное управление». Конечно, ничего народного в этом управлении не было. Это был обычный бюрократический полицейский аппарат царизма, приспособленный к колониальным условиям края. Однако и эта мера вела к прогрессу. Нет сомнения, что ликвидация феодальной раздробленности была для Дагестана важнейшим прогрессивным явлением.

Одновременно было проведено освобождение рабов, чагар и части зависимых крестьян.

Экономическое завоевание Кавказа, начавшееся в пореформенный период,² объективно способствовало развитию производительных сил. В это время в Дагестане начинается разработка природных богатств (нефть, сера, ртуть, торф и др.), создаются промышленные предприятия (краповая фабрика, винокуренные, водочные и пивные заводы, кирпичные, известковые, нефтеперегонные мастерские и т. д.). Огромную роль в экономическом подъеме области сыграла проведенная в 90-х годах через Дагестан железнодорожная магистраль. Именно в этот период были открыты крупные промышленные предприятия: бумагопрядильная фабрика «Каспийская мануфактура», табачная фабрика «Дагестан», гвоздильный завод, расширились рыбные промыслы.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 10, д. 7, л. 4.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 520.

Значительные изменения происходили и в сельском хозяйстве Дагестана. Самодержавие, проводя колониальную политику, производило конфискацию земельных угодий, находившихся в пользовании крестьян. Эти земли отдавались в собственность русским офицерам, чиновникам и «почетным туземцам», отводились под крепости и штаб-квартиры полков, для содержания войсковых частей, а также в пользование переселенцам. Все это, безусловно, ухудшало положение местного крестьянства и вместе с тем содействовало ускорению процесса расслоения крестьянства, углублению классовых противоречий и обострению классовой борьбы. С другой стороны, русские крестьяне-переселенцы принесли более высокую культуру земледелия, распространили ранее не известные горцам ценные культуры — картофель, томаты и др. В 90-х годах в плоскостном и предгорном Дагестане внедряются железный плуг, борона, и другие сельско-хозяйственные орудия.

В пореформенный период усилился ввоз в Дагестан товаров русской фабрично-заводской промышленности. Это дало толчок к увеличению числа базаров, торжищ, к росту товарооборота рынков. Вместе с тем приток товаров русской промышленности приводил к «вытеснению туземных вековых «кустарных» промыслов»¹. Все эти изменения в социально-экономической жизни Дагестана способствовали увеличению числа горцев, уходящих на заработки в города Кавказа, центральной России и даже других стран. «Неземледельческий отход, — писал В. И. Ленин, — представляет из себя явление прогрессивное»².

Заметные перемены происходили и в культурной жизни горцев. Открытие царизмом в интересах колониального управления краем светских школ, медицинских и ветеринарных пунктов, телеграфно-почтовых учреждений объективно способствовало развитию культуры народов Дагестана.

Таким образом, с присоединением к России, особенно с 60-х годов, горцы, стоявшие до этого в «стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории»,³ были втянуты в русло капиталистического развития.

Прогрессивность присоединения Дагестана к России состояла не столько в развитии экономики и культуры Дагестана, а главным образом в том, что стало происходить более тесное сближение и сотрудничество горцев с русским пролетариатом, который с конца XIX в. становится в авангарде рабочего движения. Под благотворным влиянием русского пролетариата формировалось и развивалось национальное и социальное самосознание трудящихся горцев. Таким образом, в

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 521.

² Там же, стр. 505.

³ Там же, стр. 521.

противовес союзу феодальных верхов Дагестана с самодержавием, с русскими помещиками и буржуазией, укреплялся боевой союз угнетенных народов Дагестана с великим русским народом и другими народами России.

Благодаря этому боевому союзу ранее угнетенный колониальный Дагестан превратился в цветущую социалистическую республику и ныне в единой семье народов СССР, под водительством славной Коммунистической партии идет по пути строительства коммунизма.

Х.-М. ХАШАЕВ

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ТУХУМАХ, СЕЛЬСКИХ ОБЩИНАХ И «ВОЛЬНЫХ» ОБЩЕСТВАХ ДАГЕСТАНА В XIX В.

1. Тухум

Дореволюционные историки, этнографы и юристы сравнивали дагестанский тухум с классическим родом и объявляли Дагестан страной господства родового строя. Однако дагестанский тухум далеко не являлся классическим родом, так как здесь не существовало необходимой основы классического рода — родовой собственности на средства производства. Тухум в Дагестане не представлял собой в XIX в. ни хозяйственной, ни политической единицы. В Дагестане в этот период господствовал территориальный принцип расселения и хозяйственно-политической единицей являлась сельская община, а не тухум. Классическая большая семья к периоду присоединения Дагестана к России также не сохранилась, господствующей формой семьи была малая, индивидуальная семья. М. Ковалевский и другие дореволюционные исследователи ошибочно принимали пережитки родовой и семейной общины в Дагестане за живое ее бытование.

Однако существование в далекий период истории Дагестана как родовой, так и семейной общин, не вызывает сомнений. В селении Тидиб, да и в ряде других аулов до наших дней сохранились огромные дома, где проживала большая семейная община, ведущая совместное хозяйство. Это подтверждается ещё и тем, что аварскому языку известен специальный термин для обозначения такой семьи, а именно «рукьалъулчи» (буквально — человек из дома), в отличие от термина «хизамалъулчи» — член малой семьи, возникшего в результате разложения большой семьи. Большая семья представляла собой переходную ступень от рода к индивидуальной семье, а

поэтому с исчезновением родового строя в основном исчезла и она, уступив своё место индивидуальной семье.

В большой семейной общине должен был существовать семейный совет, в котором на равных правах могли участвовать в решении всех семейных вопросов как мужчины, так и женщины. Перед этим собранием отчитывался глава семьи; собрание принимало окончательное решение, чинило суд над членами общины и проч. Но самое главное в том, что в такой арахической большой семье существовала полная общность производства и потребления.

Таких порядков в Дагестане в XIX в. уже не было, и напрасно некоторые историки пытаются доказать обратное¹. Если и существовала нераздельная семья позднейшего типа, то порядки в ней были не демократические, а деспотические — власть отца. Женщина была придавлена и унижена не только патриархальными обычаями, но и религией ислама.

М. Ковалевский подчеркивал, что семейная община является позднейшей представительницей того же кровно-родственного начала, т. е. родовой общины², что она — не более как одна из ветвей родовой общины³. Следовательно, семейная община не исключает родовую общину, а предполагает ее в стадии разложения. В связи с этим, тот, кто ратует за тезис бытования в XIX в. семейной общины в Дагестане невольно становится на позиции теории родового строя в Дагестане в XIX в. Утверждения о том, что в XIX в. здесь сохранялась родовая собственность, ни на чем не обоснованы. Наличие групповой собственности на мельницы, гумна или печь для сушки зерна и выпечки хлеба в горах не является доказательством существования родовой собственности; как гумно, так и мельницу нельзя разделить, сохранив их полезность, а поэтому при наследовании мельницы или гумна каждый из наследников получает пай, выражающийся в праве иметь доход за определенные дни работы мельницы или же иметь несколько дней, чтобы обмолотить хлеб на общем гумне. Паи эти продавались и наследовались так же, как и любая вещь, т. е. господствовал принцип частной, а не родовой собственности. Многие совладельцы мельниц или гумен не являлись между собой даже далекими родственниками.

Что же касается квартальных печей для сушки зерна и выпечки хлеба, то ими пользовались не столько родственники, сколько соседи. Владелец печи был заинтересован в золе для удобрения своих пахотных участков. Те, которые пользовались

¹ Труды первой научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР. Махачкала, 1949, стр. 85.

² М. Ковалевский. Родовой быт, вып. 1, стр. 87.

³ Там же, стр. 20.

печами, приносили своё топливо, а зола оставалась хозяину печи. Ведь известно, какое громадное значение имеет зола для удобрения почвы в горах Дагестана.

Таким образом, дагестанский тухум в XIX в. не является ни родовой, ни семейной общиной в собственном смысле этих слов. Дагестанский тухум — это пережиточная форма ранее существовавших кровно-родственных связей. Тухум не имел обычного для настоящего рода тотемного названия, не имел тухумного культа; название тухумов происходило или от имени какого-либо видного предка, или же от характера прежней деятельности круга лиц, которые объединились в тухум, или от названия их прежнего места жительства. Кровно-родственный характер тухума в известной мере был нарушен; тухум XIX в. не знает ни общности производства, ни общности потребления.

Круг родственников, входящих в тухум, ограничивается 4 или 5 коленами родства, для обозначения же круга более дальних родственников в аварском языке существует специальный термин «къибилалъул-чи», что буквально значит «человек корня». В тлибиль (т. е. «корень») могли входить два и более тухума. Так, например, тухум Батыра и тухум Абасилал в селении Цубутль, Казбековского района, принадлежали к одному тлибилю. Таким образом, тлибиль — это более широкий круг родственников, а тухум — более узкий круг родственников. В состав тухума в XIX в. входили индивидуальные семьи, имевшие свою частную собственность (на двор, скот, земли и т. д.) и занимавшие различное экономическое и политическое положение в сельской общине.

Таким образом, основными характерными чертами дагестанского тухума XIX в. являются: защита члена тухума не всем тухумом, а ближайшим родственником; наличие особого названия тухума, являющегося не генетическим; отсутствие экономического и политического равенства между отдельными членами тухума; дела членов тухума решались не тухумной организацией или единолично тухумным старейшиной, а сельской администрацией или сельским старшиной; наличие в тухуме эндогамии.

Существование в дагестанском тухуме эндогамии Ковалевский объяснял влиянием Авесты¹.

Однако основной причиной эндогамии, видимо, было желание сохранить целостность земельной собственности если не в семье, то в кругу родственников и влияние ислама, который разрешал брак с двоюродной сестрой, а также потеря дагестанским тухумом в какой-то степени кровно-родственного признака.

¹ М. Ковалевский. Родовое устройство Дагестана. «Юридический вестник», 1888, т. 29, кн. IV, стр. 529.

Существовали тухумы бедные и богатые, привилегированные и униженные. Так, например, Б. Далгат писал, что в ауле Тишиб живут 4 тухума: Чухби, Гадирилел, Хандилел и Нахадилел (Гарбанилел) и что между ними нет равенства: один из тухумов является более сильным, господствующим тухумом. «Из этих четырех тухумов — писал Далгат, — тухум Чухби был владетельным тухумом, а тухум Гадирилел составляли свободные уздени, а Хандилел и Нахадилел считались низшими тухумами»¹.

Подобное соотношение тухумов было свойственно большинству сельских общин Дагестана. Почти в каждом селении имелся тухум «лагзал», что значит тухум рабов. Они происходили от бывших военнопленных, превращенных в рабов, но в исследуемый период уже освобожденных и успевших обзавестись своим хозяйством наравне с другими узденями. В 1855 году в Аварии оставалось всего лишь 30 человек еще не освобожденных рабов, которыми владели отдельные богатые семьи².

Из всего сказанного явствует, что тухумную организацию Дагестана в исследуемый период нельзя сравнивать с той классической родовой организацией, о которой Энгельс писал: «Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, в том числе и женщины. Рабов ещё нет: порабощения чужих племен, как правило, также ещё нет»³.

Между тем Ковалевский сравнивал дагестанский тухум с ирокезским родом. «Если мы сопоставим теперь с родом ирокезцев отдельные черты того устройства, какое представляют собой дагестанские тухумы или род, — писал он, — то за исключением материнского родства, место которого занимает родство по отцу, мы встретимся с более или менее точным воспроизведением всех и каждой из отмеченных нами особенностей. Дагестанский род представляет нечто целое в своих отношениях с чужеродцами. Он совместно выплачивает выкупы за пасилия, причиненные членами другого рода одним из собственных родичей»⁴. Такое сравнение ошибочно. отождествлять дагестанский тухум с ирокезским родом нельзя, так как дагестанский тухум в период, описываемый Ковалевским, имел совершенно другие экономические основы и другую структуру.

В исследуемый нами период выкуп за кровь платила семья убитых, родственники же могли только помочь, но это было

¹ Рукописный фонд ИИЯЛ. Отд. Ист., оп. II, д. 87, стр. 14.

² ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72, л. 15.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948, стр. 110.

⁴ М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. 1905, вып. 2, стр. 170.

не обязательно. Более того, родовая месть, как правило, уступала место индивидуальной мести, но отклонение от этого общего правила опять-таки могло иметь место. При родовом строе, пишет Энгельс: «В деле защиты своей безопасности индивид полагался на род и мог это делать; тот, кто оскорблял его, оскорблял весь род. Отсюда из кровных уз рода возникла обязанность кровной мести, безусловно признававшейся ирокезами»¹. Когда появилась частная собственность и публичная власть в виде сельских общин и специальные карательные органы в виде сельских судов, то характер кровной мести не мог оставаться прежним.

Мы располагаем архивными данными и полевым материалом о происхождении некоторых, ныне существующих в Дагестане тухумов.

Айдёмир Гасанов, 70-летний колхозник из сел. Чир-Юрт, рассказывает, что в Чир-Юрте имеются в основном три тухума. 1) Буртунай-тухум — самый древний, все земли раньше принадлежали только этому тухуму, по названию самого тухума видно, что его члены когда-то переселились из сел. Буртунай, Казбековского района, в Чир-Юрт; 2) Багулазул-тухум — образовался позже из горцев — багулал, поэтому этот тухум не имел своей земли, но поскольку его члены были уздени, то за них выдавали замуж девушек из Буртунай-тухума и, как приданное, отдавали земли; таким путем, а также и покупкой они приобретали земли; 3) Хаммалилал-тухум образовался из племенных рабов; они имели земли только приобретенные покупкой, так как в этот тухум девушка из Буртунай-тухума не выходила замуж. Кроме перечисленных тухумов имеется маленькая родственная группа, которая называется Идрисилал. Это — выходцы из сел. Шабдух (Авария). Таким образом, все эти тухумы носят название или народностей, живущих в горах, как например, багулал, или название прежнего места жительства (Буртунай). Следовательно, имя предка в этих случаях не сохраняется и члены вновь образовавшегося тухума могли быть не родственниками.

Житель сел. Бавтугай Гаджияв Махадилаев, 68 лет, рассказал, что «сначала селение это называлось «Дав Тугай», что значит по-тюркски «долина войны» или «долина битвы». Потом называли «Бай Тугай», что значит «богатая долина», теперь называют «Бавтугай», что значит «долина садов». О прежних жителях этого селения нам ничего неизвестно, в настоящее время живут здесь переселенцы из селений Чиди, Миатлы и Гетма. Эти переселенцы образовали три тухума, которые носят название указанных трех селений».

Подобные тухумы образовались не ранее XVII в. и являются скорее искусственными, чем кровно-родственными. Это

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1948, стр. 99.

лучше всего прослеживается на примере сельских общин на плоскости, так как здесь многие сельские общины образовались в XVII—XVIII вв. из людей, вышедших с гор¹. Так, например, сел. Чиркей состоит из 6 тухумов² — выходцев из разных аулов: 1) Парахатилал — выходцы из сел. Тлох (Авария), 2) Джамал-Алилал — из сел. Эмильта, которое находилось рядом с сел. Инхо, нынешнего Гумбетовского района, теперь такого селения нет, имеются только развалины его; 3) Ашильтасел — выходцы из сел. Ашильта, нынешнего Унцукульского района; 4) Падарал — выходцы из сел. Мадмина, которого сейчас нет, оно было около сел. Эрпели; 5) Пирасулал — выходцы из сел. Хурюклю (Лакия), говорившие раньше на лакском языке, теперь позабывшие его, так как большинство населения Чиркея — аварцы; 6) Бураби — выходцы из сел. Эмильта и сел. Гарадирих³. Все эти шесть тухумов образовались из пришельцев. Выходцы из селений Эмильта и Гарадирих объединились в один тухум «Бураби». Следует отметить, что с момента образования Чиркея прошло около 400 лет⁴.

Подобное же положение имело место и в сельских общинах, которые образовались в горах 150—250 лет тому назад. Так, по рассказам стариков, сел. Андых основано людьми аварского нучала 200—250 лет тому назад. В настоящее время в Андыхе числится 9 тухумов, которые носят следующие наименования: 1) Цунтал, т. е. дидойцы, выходцы из Дидоя; 2) Касмал-Касум, по имени одного из трех братьев, которые прибыли в Андых в качестве канлы из Карадаха; 3) Хоросел — буквально «хоринцы», т. е. выходцы из сел. Хоро, Тляратинского района; 4) Тлебелал — выходцы из общества Тлебел; 5) Каршинаби — выходцы из В. Буртуная; 6) Ипусилал; 7) Халипилал; 8) Интиклал (Пинтилал) и 9) Нуцалчи — выходцы из сел. Хунзах.

Многие тухумы здесь называют не по имени предка, а по названию прежнего местожительства. Именами предков названы только тухумы первых переселенцев из Хунзаха.

В Султан-Янги-Юрте, где тухумы исчезли, в XIX в. были сословия. Селение это делилось на кварталы, которые назывались Тюмень-авул (верхний квартал — Х.-М. Х.), Джуугутай-авул, Тававул⁵. Кварталы названы по прежнему местожительству жителей, или по географическому расположению квартала.

В сел. Н. Дженгутае имеется квартал, называемый Телетлявул, в коем живут выходцы из Телетли. Как известно, Те-

¹ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Вып. II. Одесса, 1883, стр. 185.

² «Кавказ», 1853, № 29.

³ Рук. фонд ИИЯЛ, оп. II, д. 164, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ Рук. фонд ИИЯЛ, оп. II, д. 164, стр. 34.

летль находится в горах, в Кахибском районе. В старых селениях тухумы обычно называют по имени отличившегося предка.

Так, в сел. Анди, Ботлихского района, имеется 6 тухумов, которые носят названия: Шамхалил, Хирачилал, Абичул-Дадилал, Унсурилал, Арашилал, Мирзалал.

В сел. Н. Батлук было 3 тухума: Атагилал, Бачихилал, и Табусалал. Часть тухума Агагилал из-за кровной мести в 1774 г. переселилась в сел. Могох и образовала 3 новых тухума.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в Дагестане тухумом было принято называть узкую группу людей, связанных между собой или кровным родством или местом происхождения. Из приведенных фактов явствует также, что в дагестанский тухум могли входить не только родственники, но и люди, происходящие из различных селений.

Некоторые богатые и сильные тухумы занимали в сельском обществе господствующее положение. Только лица из определенных фамилий имели право занимать должность старшины; в Ахтах, Рутуле и Хиве аксакалы были наследственными¹.

В сел. Курах тухум Мирчиар считался привилегированным. Тухум Кадиляр имел наследственное право выдвигать из своей среды кадия. В сел. Хутарг только Бейбут-тухум имел право выдвигать из своей среды старшину. В сел. Хив тухум Сейдар имел такое же право, а в сел. Ляхля, как правило, «выбирался старшина из тухума Кевхаляр².

В раятской части Табасарана тухумы вовсе не имели никакого влияния на общественное управление. Здесь существовали сословия и действовала власть бека³. Наоборот, в узденской части Табасарана сильные тухумы имели решающее влияние на общество⁴. Так, например, старшины в селениях Ругудж, Храх и Хив были наследственными⁵.

В 60-х годах XIX в. врач Кюринского округа А. Цветков изучил тухумы этого округа и пришел к выводу, что тухум — это круг родственников, происходящих от одного предка, но называется же тухум не только по имени родоначальника, но и по каким-либо случайным обстоятельствам. По свидетельству Цветкова, глава тухума не имел никакой принудительной власти, он мог давать только советы. В круг обязанностей тухума не входило оказание помощи бедным членам тухума, они получали некоторую помощь из фонда зякаата в сельской

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 5, д. 10, лл. 1-19.

² Там же, оп. 4, д. 17, лл. 1-5.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же, д. 16, л. 4.

⁵ Там же, д. 16, л. 6.

мечети. Тухум мог исключить недостойного члена из своей среды; об этом объявлялось в мечети в день джуми.

Из описания Цветкова видно, какая громадная пропасть лежит между классическим родом ирокезов и дагестанским тухумом.

Следует отметить, что слово тухум является не дагестанским, а арабским, хотя и твердо вошедшим в словарный фонд отдельных народов. Кайтагцы вместо слова тухум употребляют термины «джинс», «эвлед», «табун», «тайпа», «ковм», и «утци урши», являющиеся синонимами слова «тухум». Здесь также главой считался старший по летам или же тот, кто был умнее. Глава тухума не пользовался принудительной властью. Он мог давать только советы и старался урегулировать разногласия в тухуме мирным путем.

Свои названия тухумы в Кайтаге получали по имени предков, чем-нибудь прославившихся и отличившихся храбростью, богатством или учёностью. Так, например, в сел. Башлы имеется Кади-тухум. Этот тухум происходит от кадия, приглашенного башлинцами 100 лет тому назад из Цудахара. Хотя в этом тухуме и не осталось грамотных людей, которые могли бы быть кадиями, все же за потомками этого кадия закрепилось название Кади-тухум. Тухум Анка ведет своё начало от человека по имени Анка, который отличился тем, что убил бека, изгнавшего уцмию и занявшего его место в сел. Башлы. После этого случая родственники Анка стали называть себя именем Анка. Тухум Карахалк, что значит «черный народ», получил своё название по цвету кожи членов этого тухума. Неизвестный автор, изучавший тухумы Кайтага в 60-х годах XIX в. указывает, что названия 54 тухумов связаны с именами отличившихся предков или характером их деятельности. Названия многих тухумов возникли не раньше, чем 100—150 лет тому назад. В магалах Терекеме, Урчамуль и в сел. Башлы счет родственникам ведётся только до 5 колена родства.

Многие тухумы, отличившиеся богатством и величиной, фактически диктовали свою волю слабым и бедным тухумам, занимали важнейшие должности в сельском управлении. К сильным тухумам Кайтага относились тухумы Омара, Хусул-Ахмеда и Галза в сел. Джибагни, Кацияра, Ибрагима, Магомеда и Чунлы в сел. Уркарах, Виштапла, Каабана и Нуградина в сел. Кишья, Аравляра, Панка-Адама и Накакара в сел. Карцаке, Акайли-Али, Хаджала-Шахбана, Хаджи Юсуфа, Якяла и Картала в сел. Кубачи и т. д.

Выход кого-либо из своего тухума был редким явлением. В случае, если кто решался выйти из тухума, то, по обычаю, обязан был получить на это разрешение от общества или от уцмиа, уплатив при этом 3-летнего бычка и вознаградив свой тухум. Зато тухум пользовался в Кайтаге правом отказа

от недостойного члена тухума. Об этом составлялся следующий документ: «Мы, родственники такого-то тухума, отделяем из среды своей такого-то за его дурное поведение; и с этой поры, если его кто-нибудь убьет или он кого-нибудь убьет, то мы за кровь его не отвечаем и его крови искать не будем; обворует ли кого или ограбит, мы также за него не отвечаем. После нас или его, если останется какое-нибудь имущество, мы не имеем на него никакого права, и он также на наше. Кроме того, после сего дня он не имеет права снова войти в состав нашего тухума и быть его членом. В удостоверение чего присягаем на святом коране и прилагаем свои пальцы».

В документе перечисляются фамилии взрослых членов тухума, участвовавших в составлении документа и фамилии свидетелей из другого тухума, которые при этом присутствовали. Документ этот назывался «Зоркан кагат» и прибавался на стене большой мечети в Кара-Корейше. При этом тухум жертвовал ковер для мечети¹. Порядок этот существовал не везде. В частности, в сел. Кубачи принимались меры экономического давления на членов тухума, известных своим дурным поведением.

Таким образом, отголоски былого первобытно-общинного строя в тухумной организации Дагестана бесспорно имеют место. Однако было бы непростительной ошибкой отождествлять дагестанские тухумы с действительным родом и тухумную организацию с родовой. Мы имеем здесь дело только с пережиточными формами родовой организации.

Длительное сохранение этих форм объясняется рядом специфических условий, которые были присущи обществам горного Дагестана, в частности существованием натурального хозяйства, отсутствием централизованной государственной власти и в связи с этим необходимостью для защиты личности и имущества не только сохранить узы родства, но и создавать их искусственно (прием в тухум посторонних, молочное родство, аталычество, добровольное объединение в один тухум выходцев из разных селений при заселении нового аула и т. д.).

II. Сельская община

Низовой политической организацией общества Дагестана XIX века являлась сельская община, которая состояла из индивидуальных малых семей. Задолго до XIX в. родовые организации переросли в сельские территориальные общины. На

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 13, оп. 4, лл. 1-10.

них вполне распространимо указание Энгельса, что «старое общество, покоящееся на родовых связях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов, его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими объединениями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писанной истории до нашего времени»¹.

Для дагестанских сельских общин XIX в. характерно господство частной собственности на двор, скот, пахотные и покосные земли. Общинная собственность сохранилась только на выгоны и пастбища. Кровно-родственный принцип расселения был уже нарушен. Большинство сельских общин делилось на кварталы, жители которых не обязательно являлись родственниками.

«Чем дальше жил род в своём селе, — писал Энгельс, — тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род исчезал в марке, в которой, причем ещё достаточно часто, заметны следы ее происхождения из родственных отношений членов общины»². Точно такой же процесс происходил и в сельской общине Дагестана. В исследуемый нами период территориальные связи господствовали над родственными.

В предисловии к сборнику «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа» говорится: «Вторым периодом общественной жизни является общинный быт, когда частные лица начинают освобождаться из-под гнёта рода — этой нравственно-юридической единицы и, не будучи так безгранично поглощены родовой связью, свободно группируются в более или менее крупные союзы, связанные не столько родством, сколько общей оседлостью. В этом втором периоде развития народной жизни во всех общинах дагестанских горцев уже существовало до некоторой степени организованное сельское управление, выработанное самим народом»³.

Хотя автор и неправ, говоря о гнёте личности в родовом строе, но он правильно отметил господство в Дагестане территориальных связей над родственными, о выработке самим народом сельского управления, основанного на территориальных пачалах. Основной и решающей причиной разложения родовых связей и возникновения территориальных являлась

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1948, стр. 11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 128.

³ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899, стр. 3.

победа частной собственности над собственностью общинной. К. Маркс указывал, что «землевладельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой к вторичной формации, т. е. перехода от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве»¹.

Хотя сельская община Дагестана и имела собственность на выгоны и пастбища, все же частная собственность в ней преобладала. Общинная собственность сделалась придатком частной собственности. Вот почему сельскую общину Дагестана следует относить ко вторичной формации, т. е. к обществу классовому, где в конкретном случае господствуют феодальные отношения.

Ковалевский был вынужден признать, что дагестанский тухум в исследуемый им период уже терял силу кровного родства, что тухум уже не выступает как собственник. «Процесс дифференцирования, — писал он, — в значительной степени коснулся его в наше время»². Ковалевский указывал, что «в большинстве аулов отношения соседства успели уже занять место отношений кровного родства и право посылать скот на горы и рубить лес для топлива и построек обуславливаются не столько рождением, сколько местом жительства»³. Ковалевский не отрицал и тот несомненный факт, что в сельских общинах «бок о бок живут члены разных тухумов»⁴, т. е. нарушен также родовой принцип расселения тухумов.

Всё это привело и не могло не привести, — указывает Ковалевский, — к образованию «особой сельской администрации, сложившейся, повидимому, по типу первой (т. е. родовой, Х.-М. Х.)»⁵. Как указывал К. Маркс, «землевладельческая община была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»⁶.

Сельская община в Дагестане во многом сохранила черты родового строя. Органы сельского управления составлялись здесь, как правило, по принципу представительства от тухумов. Некоторые тухумы имели наследственное право занимать должности старшины, кадия или члена суда. Это говорит о переходе родовых организаций в сельские, территориальные. Ф. Энгельс указывает, что родовая организация могла неза-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 695.

² М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, т. II, стр. 158.

³ Там же, стр. 158.

⁴ Там же, стр. 154.

⁵ Там же, стр. 159.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 694.

метно переходить в территориальную. «По крайней мере в странах, где удержалась марка — на севере Франции, Англии, Германии, Скандинавии — родовая организация переходила в территориальную и оказалась поэтому в состоянии приспособиться к государству»¹.

26 апреля 1868 г. было утверждено Положение о сельских управлениях Дагестана. Это Положение в основном сохраняло существовавший ранее и естественно сложившийся порядок управления сельскими общинами. Однако оно во многом снизило роль джамаата, в котором участвовало все взрослое мужское население.

На джамаате выбирался старшина, который утверждался окружным начальником, а также члены сельских судов. Количество их определялось от 1 до 5 в зависимости от количества населения в общине. Дагестанские сельские судьи известны под названием картов: карт — слово кумыкское и значит «старик», «почетный». У аварцев карты назывались чухби или адильзаби, последнее название арабское и значит «справедливые люди». В Табасаране сельские судьи назывались кевхами, что значит «староста», в Кюринском и Самурском округах — «аксакалами» (слово тюркское и значит «белая борода») ². Судьи избирались на определенный срок, обычно на один год.

Каждый серьезный вопрос старшина и судьи выносили на обсуждение джамаата. Джамаат собирался около мечети на специальной площади, называемой по-аварски годекан, по-кумыкски — учар. Женщины не могли участвовать в этих сходах. До утверждения Положения о сельских управлениях в сходе участвовали все взрослые мужчины, а после утверждения его — один от дыма. Основными вопросами, которые выносились на обсуждение джамаата, были обеспечение безопасности территории и жителей общины, выбор представителей для решения спорных вопросов между соседними общинами, выбор суда — маслигата, обеспечение проведения сельскохозяйственных работ в строго регламентированном порядке.

Ни один житель общины не имел права раньше установленного срока начинать сенокосение на покосах, принадлежащих общине. Когда объявлялся день начала сенокоса, все жители выходили на покос и получали участки по жребью. Такое же регламентирование существовало и в отношении уборки кукурузы, хотя посевные участки находились в личном пользовании и переходили по наследству. Уборка сена и хлебов должна была заканчиваться к определенному сроку, после

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1948, стр. 171.

² Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899, стр. 4.

чего на убранные площади пускались стада овец, принадлежащие членам сельской общины. Кто нарушал регламент, тот подвергался штрафу по адату. Этот порядок был установлен, по всей вероятности, во избежание хищений, порчи и т. д.

Исключительно строгие адаты существовали в отношении сбора винограда. До объявленного дня уборки урожая винограда никто не имел права сорвать хотя бы одну кисть винограда. Если об этом узнавали, то виновного подвергали общественному выговору и штрафу.

Джамаат рассматривал также вопросы исправления старых и проведения новых дорог, очистки оросительных каналов, водопользования, найма общественного пастуха, выбора дибира (муллы). В помощь старшине выбирались глашатаи, которых называли чаушами (по-кумыкски) и элями (по-аварски). Они созывали людей на джамаат, объявляли решения джамаата с крыши одного из домов. Кроме того, по очереди, назначались исполнители, которые собирали штрафы и выполняли приказания старшины и решения сельского суда.

Типичным сельским управлением являлось, например, Башлинское сельское управление. Для разбора и решения как уголовных, так и гражданских дел по адату общество селения Башлы избирало из своей среды 6 картов и для решения дел по шариату — одного кадия. Решения картов и кадия были безапелляционны. Для исполнения различных обязанностей, в частности для исполнения решений суда, преследования воров, разбойников и других преступников Башлы имели 60 постоянных исполнителей (тулгаков). Кроме того, в помощь им каждый квартал по очереди ежемесячно назначал из своей среды еще 30 тулгаков. Кроме названных должностных лиц в Башлах избирался еще глашатай (мангуш), в обязанности которого входило: 1) созыв общества на сход, 2) созыв картов для разбора судебных дел, 3) созыв тулгаков для приведения в исполнение решений суда, 4) освидетельствование потрав на полях и арест скота, потравившего посева.

Карты получали вознаграждение за исполнение своих обязанностей из дохода от сбора дикой марены на общественных землях от 3 до 5 рублей, из дохода нефтяного откупа по 5 рублей, из дохода от соли по 1 рублю. Из дохода, получаемого от кутанов, отдававшихся обществом на откуп, т. е. от откупщиков карты получали сверх откупной платы по одному барану с каждого кутана в пользу всех картов. При ежегодном разделе общественной земли каждый карт получал двойной участок пахотной земли.

Кадии получали с каждого двора по 3 саха пшеницы (сах-- $\frac{1}{5}$ сабы), жители по очереди угощали его, за совершение кебина ему полагалось по 20 коп., но фактически давали больше, за омовение мертвого он получал 2—3 руб., за чтение ко-

рана на могиле—5 руб., за оформление документа об аренде кутана — 1—2 руб. и т. д.

Половина штрафа за преступления и весь штраф за мало-важные проступки поступал в распоряжение общества. Одна часть штрафа делилась между теми тулгаками, которые приводили в исполнение решение суда, а другая часть его поступала в пользу мангуша. Мангуш получал от общества ежегодно одну лошадь. Наследственные тулгаки кроме почета никакими особыми преимуществами не пользовались. После 26 апреля 1868 г. во главе общества стал старшина, как представитель центральной власти; у картов сохранилась только судебная власть.

Подобный порядок управления сельскими обществами существовал во всем узденском Кайтаге, однако в каждом селении были свои особенности. Карты, кадии или муллы были в каждом селении, однако число их было весьма неопределенно и зависело от величины селения: в Уркарахе было 12 картов, в Кишах и Харбуке по 8, в Кубачах — 7, в Утамыше — 4. Во всем Каракайтаге было 30 старейшин, которые имели право решать сельские дела. У терекемейцев не было старейшин, и дела их решались беками; если они оставались недовольны решением бека, то обращались к старейшинам в Башлы. Еврейское население Кайтага также не имело своего управления, оно целиком подчинялось бекам. Все дела еврейского населения решали беки или башлинский суд старейшин.

Судебные дела в Кайтаге рассматривались сельскими старейшинами, почётными лицами (судом маслигата) или кадиями, если эти дела относились к их компетенции. Если спорящие бывали из разных селений и дела были серьезные, то они обращались к тому старейшине или кадию, который считался наиболее опытным и авторитетным. Дела по крупным кражам, убийствам и увозу женщин рассматривались только в главных селениях магала. Если решением старейшин главного селения или кадия стороны оставались недовольны, то они могли передать жалобу на рассмотрение в общественном месте, куда для этого периодически собирались старейшины всего магала и представители почётных лиц (по 2, 3 или 4 человека от каждого селения). Если и этим решением стороны оставались недовольны, то они обращались к самому уцмию и с его разрешения отправлялись в Киша, где оканчивали свой спор по уцмийским адатам.

Когда спор возникал между целыми селениями, то его разбирали карты тех селений, к которым принадлежали тяжущиеся, и если не могли примирить тяжущихся или решением их последние были недовольны, то дело разбиралось и решалось картами какого-либо постороннего селения. Карты или кевхи были в каждом селении, только в магале Урчамуль,

в состав которого входило 22 селения, было всего 3 кевхи, живших в селениях Шиланши, Керхия и Кирцък. Апелляции на решения сельских картов поступали в одних магалах к джамаату, из среды которого почётные люди решали дела, в других — к собранию всех картов, в третьих — к картам известного селения. Карты селения Уркарах пользовались особым предпочтением; они в своем селении решали дела безапелляционно, с апелляционными же жалобами обращались к ним не только жители того же магала (Гапш), но и жители других магалов — Муйре и Ицари.

Дела по шариату решали кадии. Кадии были почти в каждом селении, только в магале Ицари был один кадий на все четыре селения. Почти в каждом магале были первенствующие кадии, жившие в известном селении, к которым обращались с апелляционными жалобами на решения сельских кадиев, но иногда апелляции приносились к кадиям из другого магала и даже к главному акушинскому кадию. В нагорном Қайтаге особенным предпочтением пользовались уркарахский и кубачинский кадии, к которым обращались с апелляционными жалобами жители и других магалов.

В большинстве узденских магалов кадии избирались из людей, знающих шариат и известных своею «учённостью». Только в магалах Қара-Қайтага и Урчамуль первенствующие кадии «избирались» из одних и тех же тухумов обществами всего магала. Кадий за исполнение своих обязанностей везде получал вознаграждение, заключавшееся в большинстве магалов в получении с каждого двора по одной сабе пшеницы, а при разделах имущества — по 25 коп. с 10 рублей его стоимости. Кадий освобождался от караульной службы.

Таковыми же правами первенствующие кадии пользовались и в некоторых других магалах. В селениях магала Ганк кадии в большинстве случаев получали по 30 рублей в год. В магале Ицари кадий получал от общества покосное место на 20 вьюков сена. Если же кадий был «избран» не из общества их магала, то сверх сего получал по 15 баранов в год.

В Уркарахе кадий получал с каждого дыма по два гарнца пшеницы, за омование покойника — от 1 до 3 руб., за чтение корана на могиле покойника — 2—3 руб. При переделе общественного сенокоса или леса кадий получал лучшую и большую часть. При совершении кебина кадий получал 20 коп. Утамышский кадий получал 50 саб пшеницы от сел. Кичи-Гамри, а сами утамышцы давали ему для засева землю на 10 сабов. Воду для полива кадий получал два раза в год вдвойне и без очереди. За составление торговых документов кадий получал 4 рубля, а старшина — 3 рубля. Старший мангуш получал 1 рубль, младшие — по 50 копеек. Кроме того кадий получал в год от общества от 8 до 10 рублей день-

гами или баранами. В Кубачах кадий получал 30 рублей в год.

Тулгаки также были во всех магалах, исключая Урчамуль. Всех их было в Кайтаге 300 человек, из них в Утамыше — 40, в Кубачах — 24, в Уркарахе — 60. В обязанности тулгаков входило наблюдать за порядком в общественных местах, заботиться о выходе народа на полевые или общественные работы, взыскивать штрафы по указанию старшин, выгонять из дому кашлы, если родственники его скрывали. За отказ исполнить решение старшин взыскивался один бык или его стоимость. Нарушитель режима, установленного для полевых работ, подвергался штрафу; если кто пас скот в недозволённом месте, то его скот захватывался и возвращался владельцу только после получения штрафа за потраву.

Формирование органов управления сельской общины по всему Дагестану носило один и тот же характер, т. е. оно происходило путём выборов на джамаате. Однако во многих сельских общинах право избирать из своей среды старшину принадлежало только некоторым известным тухумам; аналогичное положение было и в Кайтаге. Так, например, в магалах Гапш, Шуркент, Ката-Ган, Урчамуль и Кара-Кайтаг, старшины избирались из известных тухумов; в магалах Ицари и Ганк они избирались из среды всего населения; в селении Кубачи (магал Ганк) старшины (карты) избирались из 8 тухумов¹, селения Амузги, Сулевкент и Шири подчинялись Кубачам, в магале же Муйре карты, хотя и избирались обыкновенно из известных тухумов, но если в их среде достойных не было, то избирались из среды всего населения. За исполнение обязанностей в сельском управлении члены этого управления получали различное вознаграждение и пользовались рядом льгот.

В Утамыше старшины получали земли и воды для полива в два раза больше, чем рядовой уздень. При сдаче на откуп кутана старшины получали по 10 рублей. Тулгаки и мангуши получали часть штрафов, * а потому проявляли инициативу в деле взыскания их с населения. Утамышцы давали старшему мангушу быка или его стоимость, а младшим мангушам — по 40 саб пшеницы. Сверх того мангуши имели льготы по поливу своих пахотных участков².

В Кюринском ханстве сельские общества управлялись кевхами, которые избирались джамаатом. Однако отдельные тухумы пользовались правом наследственно занимать должность кевха. Обязанности кевхов заключались в наблюдении за порядком. Для разбора споров и жалоб в своем селении

¹ Е. Козубский и. Памятная книжка Дагестана. Т.-Х.-Шура. 1895, стр. 329.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 13, оп. 4, лл. 10-18.

они имели право приглашать нескольких почётных стариков (аксакалов). По решению кевхов жители подвергались штрафам, вплоть до разорения дома. Кевхи селений Курах, Хугарг и Унам имели влияние на прочие селения своих магалов. Они могли решать важные дела, в частности дела о кровной мести, об увозе женщин и т. д. Они объезжали свои магалы и вместе с аксакалами творили суд и расправу, за что получали одного быка от виновного по делам убийства из-за кровной мести. Мангуш и тулгаки также получали обусловленное обществом вознаграждение. Муллы здесь получали часть зякаата, вознаграждение за раздел наследства и пр.

При кюринских ханах управление сельскими общинами изменилось — над сельскими властями были поставлены магальные назыри или наибы. Юсуф-хан Кюринский назначал старшин по своему усмотрению (до него ханы только утверждали старшин, избранных обществом) и превратил старшин в простых исполнителей своих и наибских распоряжений. Джамаат рассматривал вопросы, касающиеся всего общества, причем сильные тухумы добивались решения вопроса в свою пользу. Дела, касавшиеся магала, рассматривались выборными представителями от каждого сельского общества, заинтересованного в разрешении спора. Места сбора магальных представителей были всем известны. Курахцы собирались выше сел. Курах, в местности «Ярги-Келядых» (высокая башня), котюр-кюринцы — в местности «Руат», ряд других обществ на горе Каляк. С упрочением ханской власти созыв подобных собраний не практиковался.

Евреи подчинялись властям того общества, где они проживали, однако для решения дел между собой они избирали старшину — насси, высшего духовного учителя и судью — дояна. Всего в Дагестане было два дояна.

По описанию поручика Сотникова, в раятской части Табасарана, так же как в терекемейской части Кайтага, тухумы не имели никакого значения в деле управления. Селениями управляли беки по своему усмотрению. В узденской же части важные дела решались на джамаате, где имели влияние богатые и сильные тухумы. Кевхи, бакавул (чауш), кизиляры или курухчи (исполнители) и мулла составляли сельское управление узденского Табасарана. Старшины руководствовались адатами, а муллы шариатом. Недовольные решением сельских старшин обращались к одному из главных 3-х старшин, который решал дела по адату и своё решение сообщал старшине того селения, где должно было происходить исполнение решений. Должности кевхов и бакавулов были наследственные, а кизиляров — выборные. Кевхи и бакавулы никакой платы от общества не получали, а кизиляры получали по 1 или 1½ сабы ячменя. Штраф за потрапу также шел в их

пользу. Размер штрафа: 1-й раз — чурек, 2-й раз — кия (гарнец) ячменя и 3-й раз — 1 саба хлеба.

Для характеристики управления сельскими общинами считаем не лишним привести обнаруженное нами в сел. Баглух на обложке мечетского корана постановление джамаата сельской общины, относящееся к 1752 г.

Постановление Батлукского джамаата
(Принято в 1165 г. хиджры или 1752 г.)

«Батлукский джамаат единогласно постановил принять ниже следующие нормы адата для дальнейшего руководства ими:

1. Если спор может быть решен по шариату и кто из спорящих откажется от шариатского решения, то его признать виновным.

2. Если лица, у которых находятся пахотные участки или скот, на которых лежит вакуф для мечети, добровольно не внесут в мечеть в месяц рамазана, то вакуф взыскать силой.

3. За случайное убийство взыскивать только дият. Если возникнет спор о случайности убийства, то случайность должна быть подтверждена присягой 15 родственников виновного. В этом случае запрещается разрушать дом и чинить насилие над семьей убийцы.

4. Убийство человека скотиной в отсутствие хозяина или пастуха и без их умысла не влечет за собой взыскания дията.

5. Дом убийцы подлежит разрушению, если убийство совершено умышленно. В этом случае не принимается во внимание то, что на этом доме лежит вакуф для мечети.

6. Размер дията установить вместо 100 верблюдов, предусмотренных шариатом, 100 овец, имея в виду, что в наших местностях нет верблюдов.

7. Если пастуха обвинят в убийстве или в поранении кого-либо им самим или по его вине скотиной, то от него и его родственников требовать очистительную присягу, но после присяги 15 человек со стороны потерпевшего.

8. Если в краже коня, кобылицы, осла, быка, коровы, телки участвовало несколько человек, то они несут в равной мере и ответственность при возмещении краденого и при оплате штрафа.

9. За побои, нанесенные кулаком, за укусы, удар ногой, если эти действия исходят со стороны взрослого человека или же человека, который получает пай в обществе, или же девушки не моложе 15 лет, то с него взыскивается штраф в размере одной овцы. Штраф этот не подлежит взысканию, если побои нанесены вору, грабителю и человеку, который обнаружен в интимных связях с чужой женой.

10. Если побои нанесены многими, т. е. до 15 человек, то размер штрафа увеличивается до 3-х овец.

11. Нанесение колотой раны острым камнем, песчаником, кольцом, кинжалом и другими острыми орудиями влечет за собой взыскание штрафа в размере одного быка, который стоит 15 баранов. Если же рана не колотая, а нанесена простым ударом, то размер штрафа устанавливается в количестве 3 овец.

12. Если будет совершена кража из стада баранов-производителей или же из стада овец, находящихся на летних пастбищах, то с виновных взыскивается штраф в размере 5 овец. Если же кража совершена пастухом, то, кроме взыскания с него штрафа, он немедленно увольняется.

13. Если кто кого обвинит в убийстве, то подозреваемый обязан по адату дать очистительную присягу с 15 родственниками.

Не полагается требовать очистительную присягу, если убийство совершено в войне против другого общества, в частности с Могохом или Занатой.

14. Принять расходы за счет общества на содержание лекаря, если односельчанин получил ранение в войне против другого общества.

15. Тухум Бачахилал и тухум Тапсулал договорились между собой о том, что они будут соблюдать между собой мир и участвовать вместе во всех делах как в хороших, так и в плохих. Для соблюдения мира с обеих сторон представители тухумов заложили свои пахотные участки: из тухума Бачахилал Гитинав Магомед заложил свой пахотный участок, находящийся в местности «Гоготль», а Рахималав — пахотный участок, находящийся в местности «Залах»; представители тухума Тапсулал Али-Умалов — пахотный участок, находящийся в местности «Харикалабах», а Умар Рида-Али — в местности «Жидиб».

Если кто-либо из упомянутых тухумов совершит акт, нарушающий мир между тухумами, то залог тухума, из которого происходит нарушитель, подлежит продаже, а выручка расходуется на угощение обоих тухумов, исключая нарушителей. Если возникнет сомнение о нарушении соглашения, то вопрос решается присягой 15 человек со стороны подозреваемого.

Если общество должно будет участвовать в выплате дията, то каждый тухум вносит равную долю».

Из этого постановления видно, что общество устанавливало для своих членов определенные нормы поведения и принимались меры к установлению мира между тухумами путем дачи залога, который расходовался или уничтожался в случае нарушения мира. Общество здесь выступает как единое целое и принимает на себя расходы по лечению раненого в войне против другого общества. Принцип собственности на пахотные участки безраздельно утвердился. Это видно из того, что закладываются конкретные пахотные участки, принадлежащие конкретным лицам из обоих тухумов.

Религия ислама пустила настолько глубокие корни, что шариатом руководствуются не только в вопросах возмещения стоимости крови (дият), но и в вопросах гражданского спора. Более того, лицо, отказавшееся от шариатского решения, признается виновным. Мечетская собственность «вакуф» защищается как священная, т. е. общество взыскивает вакуф силой, если вакуфодержатели сами добровольно не внесут в мечеть продукты, предусмотренные по вакуфу для расхода в месяц рамазана (уразы). Таким образом, мы имеем дело с обществом, где развита частная собственность, общинная власть и прочно утвердилась религия ислама.

Подобные нормы адатов вырабатывали для себя каждое самостоятельное сельское общество или их союз. В селении Заната обнаружена запись, датированная 1200 г. хиджры или 1796 г., т. е. в период похода Зубова в Дагестан, по которой общество принимает постановление о единстве и прекращении раздоров и закладывает в обеспечение мира 20 пахотных участков размером на 100 сабов посева (около 8 десятин). Здесь также земельные участки принадлежат частным лицам.

Если бы действовала централизованная власть хана, то подобные нормы адатов не могли бы появиться, каждое общество не заботилось бы о своей безопасности и в этих целях не принимало бы различные меры, в частности, не закладывало бы пахотные участки.

В начале XIX в., в 1803 г. состоялось приводимое ниже маслигатное решение между селениями Хунзах и Голотль. Оно характерно для определения взаимоотношений сельских общин.

«В 1217 г. хиджры (1803 г.) в месяце магарам (начала года) между хунзахцами и голотлинцами произошла большая драка. В этой драке со стороны хунзахцев были убиты: Мирза Гитинов Магомед, сын Гаджиява, сын Шайхова, сын Патина-Хатун, сын Курбана. После этого хунзахцы поднялись по тревоге. Они намеревались воевать с голотлинцами, заняли командные места над сел. Голотль: местность под названием «Сариси бежулеб гох», ущелье, находящееся рядом с ним и все окружающие возвышенности, таким образом, чтобы голотлинцы не имели возможности оказать сопротивление.

В это время для установления между ними мира прибыли следующие лица: из селения Телетль Чупан — сын Алисултана, Магомед Нистагов, кади Малла-Магомед, сын Дибира, из сел. Уриба Гаджияв и люди из Гоор-Кеха. Они уговорили кончить дело маслагатом (миром) на следующих условиях: голотлинцы уступают хунзахцам свою землю, начиная от моста до речки Тобот, мост остается хунзахцам, земля, деревья, кустарники, трава — все принадлежит хунзахцам. На этих условиях маслагата согласились хунзахцы, голотлинцы и куядинцы (видимо Голотль входил в общество Куяда — Х.-М. Х.). Свидетелями были перечисленные выше лица и, кроме того, из сел. Куяда Исалав и Горо-Хаджи, из сел. Гоцатль Дибир, из сел. Урада Хаджи, из сел. Тануси Лабазанилав и другие.

После этого пришло смутное время и два года прошли в беспорядке. Пришлось вторично заключать мир в 1220 г. хиджры (1805 г.) с участием следующих лиц: из сел. Куппа Сулеймана, из сел. Салта Сулеймана и из людей сел. Цудахара (Салты и Кегер входили в состав Цудахарского общества — Х.-М. Х.) Магомед, сын Гусейна, Магомед, сын Зирара, Хусейн, сын Местера и Магомед, сын Ибрагима. При заключении этого маслигата присутствовали также дибир аварцев и дибир салтинцев — Магомед, сын Мирза и Хариясулав, сын Чупана; из сел. Наха-Коло Малачи, из сел. Батлаичи — Хуч и дибир голотлинцев.

Обе стороны договорились принять прежние условия и впредь за убийство и поранения взыскивать только $\frac{1}{3}$ дията, если эти случаи произошли на территории виновного (на

земле голотлинцев или хунзахцев). За убийство и поранения, совершенные в других местах, взыскать обычный дият. (Запись эта по-арабски сделана рукой хунзахца Магомед, сына Дауда, с копии маслигата. С арабского на аварский перевел по нашей просьбе Гамзат Цадаса 23 января 1946 г. X.-M. X.)¹.

Из этого документа вытекает, что в разрешении спора между резиденцией хана — Хунзахом и сельским обществом Голотль, который входил в состав Куядинского «вольного» общества, обязанного при военных походах хана выделять войско, участвуют не представители хана, а представители ряда сельских обществ, принадлежащих к различным «вольным» обществам, вплоть до цудахарского. Этот факт говорит за то, что власть сельских общин в горах была ещё сильна и хан официально не вмешивался во внутренние дела джамаатов, если это не касалось личных прав или привилегий ханского дома. Более того, ханы опирались на силу сельских общин и через них осуществляли свою политику. Ханы прибегали к помощи отдельных сельских общин для насильственного взыскивания податей с райтских или узденских селений, если они отказывались добровольно отбывать повинности и вносить подати. (Орота, Харахи и т. д.). Маслигат этот показывает также то, как могли лишаться отдельные сельские общества своих земель.

Таким образом, маслигатные решения представителей сельских обществ, решения джамаатов и сельских судей являлись источником обычного права, сложившегося в Дагестане.

Для полной характеристики деятельности сельских органов управления необходимо остановиться на порядке рассмотрения гражданских и уголовных дел в сельских судах и единолично кадием.

Карты или адильзаби, или аксакалы вместе с кадием, или муллоу, или дибиром начинали разбор дела по личному заявлению потерпевшего или истца. Представительство допускалось только мужа за жену и отца или опекуна за несовершеннолетних. Доказательствами по адату считались собственные признания, без принуждения, присяга (число соприсягателей должно было быть не менее двух, причем женщины к присяге допускались только в одном Сюргинском участке), показания раненого или умирающего, вещественные доказательства (ссадины, кровь на оружии и т. д.), а также письменные документы, подтвержденные присягой. Иски были двух родов: прямой, с вышеназванными доказательствами, и по подозрению. Во втором случае требовалось, чтобы истец вместе с соприсягателями подтвердил свои требования присягой, или же

¹ Перевод Гамзата Цадасы на аварский язык хранится у автора.

требовалась очистительная присяга ответчика или подозреваемого. Количество свидетелей и соприсягателей в разных аулах было разное. Так, например, по убийствам — от 12 до 60 человек. Количество свидетелей и соприсягателей зависело от характера преступления или от размера иска.

Основными видами наказания были по обычаям: 1) дият или кровная месть; 2) изгнание на срок или бессрочно; 3) штрафы в пользу общины. Все эти наказания сопровождались обязательным взысканием причиненного ущерба в пользу потерпевшего.

Смертная казнь адату неизвестна и не было лиц или органов для осуществления смертной казни. Но адат во многих случаях допускал право убивать преступника. Кража имущества в мечети в Цудахарском обществе влекла за собой права убийства виновного. Убить его мог любой из аула.

В Гидатлинском обществе самым тяжким преступлением считался умышленный поджог моста (это общество находится на правом берегу реки Аварское койсу, через которое имеется мост, соединяющий Гидатль с другими обществами Аварии). Поджигатель мог быть безнаказанно убит кем угодно.

В некоторых обществах Дагестана адат различал убийство квалифицированное и простое. Квалифицированным считалось убийство, совершенное из корысти, из засады, в мечети, ночью и в доме убитого. Виновным в убийстве признавался всегда один, но по количеству нанесенных ранений определялось число родственников убийцы, которые должны быть на определенный срок изгнаны из аула. Убийство беременной женщины влекло за собой право на убийство двух человек. Убийство кадия в Кайтаге считалось тяжким преступлением: за него должны были быть изгнаны семь родственников убийцы. Адаты отстаивали такие уродливые пережитки родового быта, как кровная месть, похищение женщины, выдача замуж малолетних, многоженство, оскорбление женщин действием и т. д.

Непременным атрибутом вредных адатов являлся кинжал. Там, где истец или потерпевший при исполнении адатного решения встречал затруднения, он прибегал к кинжалу, который ежегодно уносил сотни жизней горцев. В среднем в год на почве кровной мести или по другим причинам, коренившимся в пережитках родового быта, в Дагестане при царском режиме убивали более 500—600 человек. Это была страшная социальная болезнь, усердно распространявшаяся царским самодержавием и местными угнетателями — ханами, беками, кадиями и муллами.

Земельный голод в горах дореволюционного Дагестана заставлял горцев бороться за каждый клочок земли. Из-за межевых споров возникали распри, сутяжничество, происходили многочисленные убийства и ранения, возникала кровная

месть, длившаяся из поколения в поколение. Царские сатрапы, местные эксплуататоры — ханы, беки, кадии и муллы использовали эти споры в своих корыстных целях. Разжигание национальной розни между многочисленными народностями Дагестана и сохранение пережитков родового быта, их культивирование соответствовало интересам царизма и местных эксплуататоров, политике «разделяй и властвуй», так как эти пережитки разъединяли трудящихся и отвлекали их от борьбы с угнетателями.

Царское законодательство открыто требовало от населения соблюдения адатов и шариата. В положении об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом, утвержденном 5 апреля 1860 г., говорится, что дагестанский «народный суд» учреждается «для рассмотрения поступающих к нему жалоб по делам, подлежащим разбирательству по адату и шариату и для постановления по ним решений». В §§ 47-48 этого Положения указано, что окружные «народные суды» и словесные суды при ханах разбирают дела «по местным обычаям туземцев (адату)».

Сельские словесные суды разбирали мелкие уголовные и гражданские дела, также по адату, а брачные и наследственные дела — по шариату. Этот порядок строго охранялся царизмом. Так называемые «народные суды» со всей жестокостью обрушивались на каждого, кто смел отступить от вредных обычаев и кулачного права шариата. По адату в Дагестане считалось безнаказанным убийство кровного врага, человека, нанесшего бесчестье целому семейству, объявленного врагом общества, нападающего из засады, вора на месте преступления, жены, матери, сестры и их любовников, если они застигнуты в момент близости, похитителя женщины при его преследовании и т. д.

При такой деятельности «народных судов» самые чудовищные институты патриархально-родовых отношений не только не проявляли тенденции к исчезновению, но наоборот, укреплялись.

По адату многих обществ тяжелые работы должна была исполнять только женщина. Считалось неприличным, если мужчина будет таскать сено, ходить по воду, вести прополку посов.

Все общественные вопросы решались без участия женщин. На сельский сход (джамаат) вызывали 15-летнего юношу, а женщина не вызывалась на джамаат даже в том случае, когда она являлась главой семьи. Свидетельское показание одного мужчины приравнивалось к свидетельским показаниям двух женщин. Наследство женщина получала на 50 проц. меньше, чем мужчина.

Ни в доме отца, ни в доме мужа женщина не могла чувствовать себя не только равноправным, но и свободным чело-

веком. Рождение дочери считалось несчастьем. Женщина не садилась за один стол с мужем в присутствии посторонних. В Кумыкии мать не могла взять на руки маленьких детей в присутствии старших и посторонних.

Адат и шариат предоставляли мужу право убить жену, если он заметил ее измену, избивать ее и сажать под замок, если она не выполняет его волю. Мужу принадлежало право развода, он же мог принудить жену продолжать брачную жизнь. В сел. Агвали Цумадинского района, существовал обычай, по которому женщина, желавшая развестись с нелюбимым мужем, должна была дать ему 6 коров за согласие развестись. Обычай обручения малолетних, выдачи замуж несовершеннолетних, похищения женщин, двоеженства и многоженства веками процветали в Дагестане.

Широко применялись здесь и позорящие женщину обычаи (снятие с нее головного платка, колец, браслетов, срезание кос и т. д.), что обрекало женщину на изоляцию от окружающей среды. После этого она не могла выйти замуж, появляться в общественном месте, к ней относились с презрением, как к опозоренной.

В результате тяжелого труда и нечеловеческих условий жизни горянка быстро старилась, заболела, безвременно умирала. Она была предметом купли и продажи, как любая вещь. Ее продавали за калым и покупатель распоряжался ею как своей собственностью. По рекомендации администрации Дагестанской области в 1913 г. каждый населенный пункт Дагестана на своем сходе устанавливал желательный размер кебина (плата, на которую имеет исключительное право девица или вдова — **Х.-М. Х.**) и калыма (выкупная плата за девицу или вдову, на которую имеют исключительное право родители — **Х.-М. Х.**). В 210 населенных пунктах Кюринского округа решением сходов был установлен размер калыма и кебина при выдаче замуж девиц и вдов. Так, например, в сел. Цмур за девицу был установлен кебин 30 рублей и калым 100 рублей, за вдову кебин 20 рублей и калым 60 рублей¹. В округах горного Дагестана по этому же распоряжению был установлен размер кебинных денег несколько иной — за вдову, как правило, платили на 50% меньше, чем за девушку.

Отец или вели (опекун) являлся полным хозяином девушки и мог продать ее по своему усмотрению. Без согласия отца или опекуна ни девица, ни вдова по своему выбору не имела право выйти замуж. В брачно-семейных делах обращали большое внимание также на сословную принадлежность сторон.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 60, лл. 108, 109.

Военный губернатор Дагестанской области в 1903 г. обратился в Закавказское суннитское духовное управление в Тифлисе со следующим вопросом: «Темир-Хан-Шуринский окружной Словесный суд обратился в Дагестанский «народный суд» (так назывался высший суд для горцев Дагестана при царизме, руководствовавшийся шариатом и адатом — Х.-М. Х.) с просьбой разъяснить вопрос о том, принимается ли во внимание при совершении кебина (брачного договора — Х.-М. Х.) заявление отца невесты о неравенстве жениха по происхождению, если сама невеста желает выйти замуж, причем она не девушка и вступает во второй брак?»¹. Губернатор получил следующий ответ: «При выходе как девицы, так и вдовы замуж за лицо неравного происхождения согласие их «вели» обязательно; в случае же неиспрашения согласия «вели», последний имеет право просить о расторжении брака, заключенного помимо его согласия, как об этом изложено в шариатских книгах»².

Таким образом, даже взрослая женщина не могла распоряжаться собою. Было редкостью, когда брак заключали по любви; в основе его лежала не любовь, а экономический расчет и воля отца или старших братьев. «Господство мужчины в браке, — писал Энгельс, — есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезнет с последним»³.

По адату девушки лишались всякого наследства, по шариату же им полагалось наследство, но только на 50% меньше, чем сыновьям. 6 февраля 1900 г. дагестанский «народный суд» рассматривал ходатайство общества Дургели, поступившее через губернатора области, об отмене адата, по которому наследство переходило только к сыновьям, а дочери лишались его. Ходатайство мотивировалось тем, что указанный адат ввели и поддерживали беки, находившие в нем способ возвышения положения и увеличения средств лиц мужского пола, плативших бекам различные налоги и повинности. В ходатайстве указывалось, что селения Кафыр-Кумух, Параул, Дженгутай и многие другие вместо этого адата, с приходом русской власти, ввели шариат⁴.

Характеристика сельских общин была бы неполной, если бы мы не остановились также на роли в них ислама и мусульманского духовенства.

Как известно, при каждом селении находился кадий или мулла и другие мелкие служители культа. Они не только за-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 53, л. 10.

² Там же, ф. 2, оп. 4, д. 53, л. 10.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва, 1948, стр. 94.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 14, л. 3.

туманивали головы верующих религиозным дурманом, но контролировали и фактически направляли жизнь и быт горцев, особенно в тех обществах, на которых власть светских феодалов не распространялась. В своей деятельности они руководствовались шариатом, устои которого изложены в Коране, составленном в VII веке; шариат имеет многочисленные толкования различных религиозных школ. Нормы шариата и их толкования в конечном итоге преследуют одну цель — укрепить господство имущих классов и держать трудящихся в повиновении, обещая им за их страдания все радости жизни «на том свете».

Наказания, установленные шариатом, в своей основе направлены против бедноты. Почти от всех преступлений по шариату богатый может откупиться, бедняк же, не имеющий этой возможности, подвергается жестоким наказаниям. Так например, суровому наказанию по шариату подвергается тот, кто покушался на частную собственность. За кражу хотя бы одного зернышка, говорится в шариате, виновный подвергается отрубанию руки. Шариат признает кровную месть и допускает членовредительство за преступления.

Под страхом жестокого наказания «на том свете» верующий должен слепо и безусловно исполнять все догмы шариата. Религия ислама старается ликвидировать в человеке всякое здоровое начало, подавить его инициативу, обрекает его на духовное тление. Более того, оно проповедует вражду к инаковерующим. Энгельс отмечал, что «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию народов всего мира к простой и удобной формуле деления на две половины — правоверных и неверных. Неверный — это гяур, это враг. Ислам проклинает нацию неверных и создаёт состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными. В этом смысле пиратские корабли берберейских государств были священным флотом ислама»¹.

Ислам, как религия господствующего класса феодалов, предписывала верующим подчиняться власти имущих. В Коране говорится: «Верующие, повинуйтесь богу, повинуйтесь посланнику его и тем из вас, которые имеют власть»². Существование богатых и бедных, господ и слуг религия ислама объясняет божьей волей. «Мы от имени бога, — говорится в Коране, — раздаем... жизненные потребности в этой долиной жизни, возвышаем одних над другими в степенях, так что одни... держат других подвластными себе невольниками»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 6.

² Коран, гл. IV, стих 62.

³ Коран, гл. X, стих 31.

Невзгоды, связанные с бедностью, классовым гнетом, коран называет благодеянием для бедных, и тем, кто покорно переносит эти невзгоды, обещает «великую награду», но только после смерти. Основное внимание верующих коран обращает на загробную жизнь, подробно описывает рай и ад. При этом рай преподносится с точки зрения жителя арабской пустыни, жаждущего видеть тень, холодную воду и красивую женщину. «Те, которые веруют и творят добро, — говорится в коране, — будут введены в сады, орошенные потоками воды, они проживут там вечно, там они найдут женщин, чуждых всякого порока, и приятную тень»¹. «Наградой им за их терпение, — говорится далее, — будет райский сад и шелковая одежда. Там они не увидят ни солнца, ни луны, тень деревьев над ними будет простираться, гроздья плодов их низко будут опускаться. Их будут обносить серебряными сосудами, кубками, сделанными из хрустала... там их будут поить из чашки питьем, которому приправой будет инбирь»². Авторы корана, видимо, хорошо знали страсти бедуина: «девы велооккие, подобные хранимым жемчужинам, — говорится в коране, — будут им воздаянием за то, что они прежде делали»³.

Таким образом, коран обещает бедным на том свете все то, что богатые имеют на этом свете. Этим путем религия ислама стремилась погасить гнев и возмущение эксплуатируемых против эксплуататоров.

Ад описывается в мрачных красках — в нём бушующий огонь и драконы. В ад попадают по корану те, которые нарушают шариат, протестуют против своих господ, проявляют недовольство своим положением слуги, забывают, что господа и их слуги созданы самим богом.

Все эти положения ислама служили в Дагестане орудием господства эксплуататоров, средством превращения трудящихся в безвольных рабов.

Коран закреплял бесправное и угнетенное положение женщин. Так, в нем говорится: «Мужчины выше женщин по причине качеств, которыми бог возвысил их перед теми, и потому, что мужчины свое имение употребляют на награждение женщины. Добродетельные женщины послушны и покорны. Вы побраните их, когда боитесь неповиновения; отдадите от ложа, бейте их»⁴. «Если ваши жены сделают бесчестный поступок, — указывает коран, — призовите 4-х свидетелей. Если их свидетельства сойдутся против них, то заприте их дома, покуда

¹ Коран, гл. XI, стих 13-14.

² Коран, гл. XXVI, стихи 12-19.

³ Коран, гл. VI, стихи 22-23.

⁴ Коран, гл. IV, стих 38.

достигнет смерть или бог подаст им случай к спасению»¹. «Бог приказывает, — говорится в коране, — в разделе ваших имуществ между детьми вашими давать сыну вдвое более дочерей»². «Если муж умер, жена должна ждать 4 месяца и 10 дней, после этого только может выходить замуж»³.

Детей после 2-х лет отец может отобрать у матери⁴. «Жены, — говорится в коране, — после развода в течение 3-х месяцев не имеют права выходить за другого мужа. Мужья имеют степень выше своих жен»⁵. Разведенная, чтобы вернуться к прежнему мужу, должна выйти замуж за другого и только после развода с последним, она может вернуться к первому мужу⁶. Таким образом, шариат и адат низводили женщину до положения рабыни. Шариат и вредные адаты свили в Дагестане прочное гнездо. Недаром Дагестан при царизме называли страной адата, корана и кинжала. Адат, шариат, кинжал и кнут царских сатрапов, — вот чем регулировалось при царизме общественная жизнь горцев Дагестана.

Сельская община Дагестана в XIX в. была раздираема классовыми противоречиями, общинники были угнетаемы феодалами, богатой узденской верхушкой и духовенством. Слово богатых и представителей духовенства имело решающее значение на джамаат. Различное положение людей в джамаате было следствием их различного отношения к собственности. Одни сосредоточили в своих руках большое количество скота и земли, другие были лишены их, а поэтому многие вопросы, рассматриваемые сельским сходом, не имели значения для бедных. Бедные редко проживали в своем селении, почти всегда находились в отходе, в поисках куска хлеба.

Эксплуататорская верхушка села не только использовала выгодные ей адаты, но и создавала их, диктуя свою волю джамаату. Шариат, имея силу религии, также отвечал интересам как самого духовенства, так и всех богатых. Правда, духовенство старалось расширить компетенцию шариатского суда, изъяв все уголовные дела из подсудности адагного суда. В этом духовенство видело колоссальную выгоду для себя. Однако общинники твердо отстаивали суд обычая, так как обычай не знал таких человеконенавистнических наказаний, как членовредительство и вообще уголовный шариат был чужд правосознанию горцев. Что касается феодалов, то они отстаивали суд обычая в уголовных делах не потому, что шариат не удовлетворял их, а по той простой причине, что штрафы,

¹ Коран, гл. IV, стих 19.

² Коран, гл. IV, стих 12.

³ Коран, гл. II, стих 234.

⁴ Коран, гл. II, стих 233.

⁵ Коран, гл. II, стих 228.

⁶ Коран, гл. II, стих 230.

взыскиваемые адатным судом, шли в пользу феодалов. В тех же селениях, на которые феодальная власть не распространялась, штрафы шли на нужды сельской общины и для вознаграждения сельских должностных лиц.

III. «Вольные» общества

«Вольными» обществами в Дагестане назывались объединения нескольких сельских общин и отселков в один союз во главе с крупным и сильным сельским обществом. Принцип образования этих союзов являлся территориальным. Объединялись сельские общества, расположенные близко друг к другу. В свою очередь, «вольные» общества могли объединяться в союзы «вольных» обществ. Это случалось тогда, когда угрожала серьезная опасность внешнего нападения. Подобный союз постоянно существовал у акушинских даргинцев во главе с акушинским кадием.

«Вольное» общество по-аварски называлось «бо», что значит «войско», по-даргински — «хураво», что также означает «войско». Первоначально действительно речь шла о войне, так как цель союза заключалась в обороне или нападении, но в XIX в. слова «бо» «хураво» понимались и как территориальное деление общин.

Отдельные историки и этнографы называли «вольные» общества республиками, а их союзы федеративными республиками, и таким образом идеализировали видимость свободы и демократизма в них. Известно, что в основе объединения не всегда лежал принцип федерации. Союзы создавались и конфедеративным способом, сильное общество диктовало свою волю слабым союзникам. Что же касается независимости «вольных» обществ, то она была относительной. Многие «вольные» общества находились под юрисдикцией ханов и становились независимыми от них только тогда, когда ханская власть ослабевала.

При всем этом нельзя отрицать, что «вольные» общества в отдельные периоды выступали как независимые и самостоятельные объединения и боролись против ханских захватов. Что же касается внутреннего режима их, то «вольные» общества были раздираемы противоречиями как между отдельными сельскими обществами, которые различались по богатству и мощи, так и внутри сельских общин, жители которых уже давно разделились на богатых и бедных. Решающее слово в них принадлежало богатым. Этому не только не мешали сохранившиеся еще формы народоправства, а наоборот, они вуалировали власть богатых над бедными.

Многочисленные дореволюционные исследователи естественно не могли дать правильную оценку общественному строю Дагестана. Они не замечали классовые противоречия

в «вольных» обществах, видимость свободы и демократизма принимали за действительность.

Еще в 1728 г. И. Г. Гербер писал о демократическом характере управления сельских общин: «В уездах их (Аварии — Х.-М. Х.) есть по старшине, которых самих выбирают и сами старшины вместе с кади, или духовным все ссоры прекращают. Ежели старшины им не нравятся, то они их опять пизвергают или убивают до смерти»¹.

Под уездами Гербер, видимо, подразумевает сельские общины, так как они в свою очередь объединяли мелкие отселки и хутора. Что же касается убийств старшин, то это случаи исключительного порядка.

Термины «вольные» общества, «республика» или «федеративная республика» употребляются в работах С. М. Броневского, М. Венедиктова и многих других, о чем подробно говорится в работах М. О. Косвена «Проблемы общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии»², «Очерки по этнографии Кавказа»³ и «Переход от матриархата к патриархату»⁴

Идеализация «вольных» обществ, их мнимого демократизма и независимости, не преодолена до настоящего времени. Нам не удалось обнаружить ни одной работы, ставящей задачу коренного пересмотра неправильного взгляда на общественный строй Дагестана XIX века. Ряд диссертаций, защищенных по истории, этнографии и праву, в частности кандидатские диссертации З. А. Никольской⁵, М. В. Саидовой⁶, Х. М. Хашаева⁷, А. П. Брюханова⁸ и др. не ставили себе задачу пересмотреть старую концепцию о «вольных» обществах Дагестана.

Генерал Паулуччи в рапорте военному министру Румянцеву в 1812 г. назвал все «вольные» общества Южного Дагестана «республиканскими обществами лезгинцев»⁹. По Броневскому «вольные» общества не просто республики, а «федеративные республики»¹⁰. Броневский насчитал в Дагестане 14

¹ И. Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях, в 1728 г., СПб., 1760 г., стр. 133.

² «Советская этнография», 1951, № 1.

³ «Советская этнография», 1946, № 2.

⁴ Труды Института этнографии АН СССР, т. XIV 1951.

⁵ Родовые формы у аварцев в XIX в., 1948.

⁶ Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. 1947.

⁷ Адат, шариат и преступления, составляющие пережитки родового быта, 1949.

⁸ Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы Ермолова в горы.

⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 8, д. 237, л. 74.

¹⁰ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I, стр. 40.

федеративных республик. Более того, для него даже Аварское ханство имеет демократический и федеративный образ правления. «Все владение аварское, — пишет он, — составлено из малых федеративных обществ под покровительством хана Аварского, который там имеет собственные свои поместья, и по мере личных свойств пользуется властью»¹. Броневский считал также, что и Казикумухское ханство состоит из федеративных обществ². Этим, кстати сказать, подтверждается наше утверждение о том, что «вольные» общества входили в состав отдельных ханств.

А. П. Брюханов пишет, что даргинское «вольное» общество надо признать «федеративным объединением, хотя с наследственным кадием»³. «Доказательством того, — пишет А. П. Брюханов, — что вольные общества Дагестана были демократическими республиками, может служить широко предоставляемое ими право убежища политическим преступникам»⁴. Законный вопрос, кто же эти политические преступники? Оказывается, грузинский царевич Александр, Ших-Али-хан Дербентский, Сурхай-хан Казикумухский, Магомед-Эфенди Ярагский. Все эти лица известны своей реакционной политикой и, если они находили убежище, то это характеризует не демократизм «вольных» обществ Дагестана, а скорее всего их консерватизм.

Дальше всех в оценке вольных обществ Дагестана пошел Руновский, который утверждал, что «вольные» общества представляли собой в миниатюре Англию и Американские Соединенные Штаты⁵.

Маркс в письме к Энгельсу от 14 июня 1853 г. дал характеристику индийских общин, назвав их идиллистическими республиками, «которые заботятся лишь ревниво о том, чтобы охранять границы своей общины от соседней общины»⁶. Может быть только с этой точки зрения можно назвать дагестанские вольные общества республиками.

Много писалось в литературе и о том, что «вольные» общества представляют собой объединение племен, т. е. их рассматривали как родовые организации, а не территориальные. Этой концепции в частности придерживался А. Комаров⁷.

¹ Там же, стр. 40.

² Там же, стр. 41.

³ А. П. Брюханов. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы. Канд. диссертация, стр. 150.

⁴ Там же, стр. 53.

⁵ «Военный сборник», 1863, № 8, стр. 387.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 78.

⁷ Записки Кавказского императорского русского географического общества, кн. VIII. Тифлис, 1875, стр. 6.

Известно, что «бо» или объединения сельских общин образованы по территориальному признаку, так как в состав «бо» входило разноязычное население. Границы «бо» и границы распространения племенного языка не совпадают. Население, говорящее на одном аварском языке, образует десятки «бо», или в одно «бо» входит население, говорящее на нескольких языках и диалектах. Следовательно, «бо» не племенное объединение, а территориальное, административная единица. Весь Дагестан был разбит на подобные территориальные единицы — «бо», «хураво» и «магал».

«Бо» — это конгломерат этнический и языковой. В Гидатлинском «бо» находились сельские общины, жители которых и по настоящее время говорят на разных языках и диалектах. Так, например, собственно Гидатль состоит из аулов Урада, Мачада, Гинта, Хотода, Тидиб, Тлях и ряд отселков, жители которых говорят на гидском диалекте аварского языка, а также из сел. Ратлуб, жители которого говорят на языке, близком к ахвахскому языку, селений Уриб и Эиуриб, жители которых говорят на литературном диалекте аварского языка, селений Гоор и Кех, жители которых имеют свой особый говор.

Мы уже указывали, что причиной объединения сельских общин в «вольные» общества, т. е. заключения между отдельными сельскими обществами военных союзов является или желание сберечь свою территорию от притязаний других обществ, или же желание захватить чужую территорию, или то и другое вместе. Следовательно, на «вольные» общества можно распространить указание К. Маркса о том, что война между подобными обществами в ранней стадии их развития составляла необходимое условие их существования¹.

Видимо это и есть основная причина того, что союзы сельских общин имели в Аварии и Даргинии войсковое название «бо», «хураво» и т. д. В Южном Дагестане местные названия «вольных» обществ были заменены арабским термином «магал».

Мы уже указывали выше, что вольные общества отлагались от слабых ханов и попадали под влияние соседнего, более сильного хана или оставались на время самостоятельными, что внутри этих обществ действовал принцип господства и подчинения. Так, например, «вольное» общество Ахты-пара; которое состояло из 12 селений: Ахты, Хосем, Хуля, Гра, Гогаз, Усур, Кака, Гдуне, Кочах, Мидфак, Сумгул и Халя, управлялось ахтынскими аксакалами. Господствовало, таким образом, селение Ахты. Без участия ахтынских маслагатчи жители всех остальных 11 селений не имели права разбирать взаимные претензии. По первому требованию ахтынцев они

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Вестник древней истории, т. I, 1940, стр. 12.

должны были приходиться на помощь в войне. Ахтынские аксакалы и эфенди контролировали уплату жителями этих селений зякаата, отбывание ахтынцам пахту, которая заключалась в том, что каждый из ахтынцев один раз в год имел право ехать в кормление в любое из селений «вольного» общества Ахты-пара (исключая сел. Ахты); обычно ахтынцы отправлялись в эти селения партиями от 100 до 500 человек и кормились в данном селении целые сутки. Хозяева домов, где они размещались, обязаны были хорошо кормить не только их, но и их лошадей.

За убийство ахтынцем жителя из других 11 селений полагалось взыскивать только половину дията, т. е. 300 рублей, в то время как за убийство ахтынца житель любого из 11 селений должен был платить 600 рублей. Более того, при выходе девушки из сел. Ахты замуж в другие селения с жениха взималась плата в сумме трех рублей в пользу общества Ахты.

В подобном же отношении к союзным селениям паходилось и общество Рутул, в управлении которого обязательно участвовал один из рутульских беков¹. Ахты и Рутул не являлись исключением. В таком же положении находились Акуша, Кубачи, Хунзах, Тинди и многие другие главные селения в системе «вольных» обществ.

Следует отметить, что специальных постоянных органов управления «вольные» общества за редким исключением (Акуша, Ахты и др.) не имели. Для решения важных вопросов представители сельских общин «вольного» общества сходились обычно в главном селении или же в каком-нибудь определенном месте, являющемся центром для всех сельских общин, входящих в «вольное» общество, и удобном для проведения собрания. На собраниях обсуждались вопросы совместных действий против надвигающейся опасности или решения споров, возникших между отдельными сельскими обществами.

Было бы неправильно, если бы мы не отметили, что подобные объединения совместно сопротивлялись не только чрезмерным претензиям ханов и соседних обществ, но и иноземным завоевателям. Гидатлинское «вольное» общество во главе с народным героем Хучбаром сопротивлялось хунзахским ханам. Хучбар был путем обмана заманен к хану в Хунзах и заживо сожжен на костре. О нем сложилась народная песня, в свое время переведенная на русский язык и опубликованная П. К. Усларом².

Известно также, что оротинцы, карантинцы, андийцы, гумбетовцы и другие не раз отказывались подчиняться аварским ханам, но каждый раз силой приводились в покорность.

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 10, л. л. 1-19.

² Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I, 1868, стр. 41-42.

Таких примеров в Дагестане было не мало. Однако многие «вольные» общества, благодаря коллективной защите своих интересов, сумели отстоять некоторую независимость от ханов в управлении общинами и в значительной мере обеспечить целостность территории общин от захватов ханов и соседних обществ.

Из всего сказанного явствует, что объединения сельских общин — «вольные» общества в XIX в. не являлись абсолютно независимыми и демократическими. Они не являлись и родоплеменными организациями, в которых господствовали отношения первобытно-общинного строя и отсутствовали классы и классовая борьба, как утверждали некоторые историки. Напротив, они представляли собой территориальные объединения, с наличием в них резких классовых противоречий, правда, завуалированных значительными пережитками патриархально-родового быта. Эти пережитки использовали в своих собственных интересах, как общинная знать, так и духовенство.

Для характеристики «вольных» обществ особо важное значение имеют старые гидатлинские адаты, отдельное издание которых сейчас готовится. Адаты эти с подлинника переписали в 1070 г. хиджры (1660 г. н. э.). Текст адатов с арабского языка на русский перевел по нашей просьбе кандидат филологических наук М. С. Саидов. Уточнение отдельных положений адатов, установление границ Гидатлинского общества и выяснение достоверности сообщаемых в них фактов произведены нами путем выезда на место.

В первой главе сборника адатов дается описание территории Гидатлинского общества и раздела её между Кабтаром и Шавхалом (владельцы Гидатлинского общества). Из него явствует, что Гидатлинское общество включало в себя почти половину земель нынешнего Кахибского района. Вторая глава содержит описание раздела земель между 6 сыновьями Шавхала Кабтаром было подарено селение Тлях, населенное еще тогда раятами. В этой главе говорится, что каждое селение, входящее в Гидатлинское общество (Урада, Гинта, Хотода, Тидиб, Гоор и Кахиб) кроме земель совместного пользования имеет свои собственные земли. В совместном пользовании находились горы под названием «Ахвах мугрул», земли долины реки Аварское койсу и Хучада. «Если кахибцы и гоорцы, — говорится в этой главе, — будут участвовать в охране Гидатлинского моста и земель селения Ратлуб-Ахвах, то они получают долю дани, которая взимается Гидатлинским обществом от общества Тлебелал. (Тлебелал — одно из 7 обществ бывшего Антльратльского союза).

В третьей главе подробно описаны границы Гидатлинского общества и перечислены соседи. Проверкой на месте нами

установлено, что названия местностей, указанные в сборнике, без особых изменений сохранились по настоящее время, только селение Чолода — бывшая резиденция Кобтара — теперь не существует. Жители его образовали новое селение Мачада. Сохранились только развалины Чолода на склоне мачадинской горы, на пути от Гидатля в Келебское общество. Бывшая резиденция Шавхала — Цишиб — также теперь не существует (недалеко от сел. Урада имеются развалины ее каменных построек). В адатах говорится, что на границе с обществом Телетль тогда были образованы существующие поныне селения Уриб и Зиуриб, а главой Уриба был назначен жигель сел. Гонода. По преданию он был родственником гидатлинского владетеля Шавхала (в селении Гонода жили нуцалчи — выходцы из ханского дома, **Х.-М. Х.**).

Во время отвода земель для селений Уриб и Зиуриб, говорится в адатах, пришла жена главы селения Телетль Газанапа и принесла много напитков в кувшинах, ее сопровождали почетные люди из селения Телетль; по древнему обычаю обществу Телетль тогда была дана гора под названием Иси-наб меэр, эта гора и поныне принадлежит телетлинцам.

Вслед за этим излагаются адаты Гидатлинского общества, которые содержат указания о преступлениях, против личности, имущества, общественного порядка, а также нормы гражданских взаимоотношений. За убийство, как правило, берется выкуп в размере 30 коров, причем вместо первых 15 коров разрешается брать 15 медных котлов, вместимостью 24 фунтов масла каждый, за следующие 15 коров разрешается брать любое другое имущество, в частности сукно, причем одна корова оценивается в 4 отреза сукна. За убийство раба выкуп (дият) не взыскивается, взыскивается только его стоимость в пользу владельца раба. Если же раб убьет свободного человека, то владелец раба обязан уплатить полный дият. Вор и грабитель по Гидатлинским адатам могли быть убиты безнаказанно.

За воровство, кроме взыскания двукратной стоимости ворованного, взыскивается штраф, который шел в пользу всего общества. Кража вещей у пастухов на кутане приравнивалась к домашней краже.

Кто совсем выходил из Гидатлинского общества, должен был оставить все свое имущество обществу. «Если кто-нибудь вспашет общинную землю, — говорится в сборнике адатов, — или же прибавит к своей земле полосу из общинной земли, то он подвергается штрафу в размере 2-х котлов». «Раб, по делам кражи, насилия и клеветы, платит штраф наравне со свободными». Суд кормится за счёт виновного по делам убийств и грабежей до тех пор, пока не закончится разбор дела. «Если у кого нехватает имущества для уплаты штрафа, — говорится в сборнике, — то взыскание обращается на

имущество родителей, детей, братьев и незамужних сестер, а если и их имущество кончится, то взыскание обращается на имущество остальных родственников». Из этого утверждения явствует, что здесь уже существовала индивидуальная семья со своей частной собственностью.

Должник, который злостно не желал уплатить долг и продавал или завещал свое имущество, подвергался штрафу. В ряде других статей сборника идет речь об охране общинных земель и Гидатлинского моста.

Сборник адатов предусматривает ответственность временных содержателей скота за гибель и пропажу его, если это случилось по их вине. Из этого положения вытекает, что в Гидатле существовало и ростовщичество скотом.

Убийство кровника во время тревоги или похода против враждебного общества и поджог Гидатлинского моста считались тягчайшими преступлениями и виновные в первом случае подвергались взысканию дията (выкупа) в двойном размере, а во втором -- штрафу в 100 медных котлов и вечному изгнанию из Гидатлинского общества. Изгонялось также лицо, помогавшее выходцу из другого общества совершать кражи в Гидатлинском обществе.

В указанном сборнике имеются соглашения, которые были заключены Гидатлинским обществом с аварским ханом Магомед-Нуцалом и обществом сел. Ратлуб. В соглашении с аварским ханом говорится, что Гидатлинское общество будет действовать совместно с ханством, как один джамаат, т. е. как одно общество. Кроме того, соглашение содержит общие нормы, касающиеся торговли, борьбы с воровством и грабежами, обязательные как для жителей Аварского ханства, так и для жителей Гидатлинского общества. Так, в сборнике говорится: «Если продавец и покупатель совершили куплю и продажу и на этой почве возникло между ними разногласие, то они должны обратиться к правителю того места, где была совершена сделка, т. е. обратиться к правителю хунзахцев или же гидатлинцев. Если же сделка о купле и продаже происходила не на территории договаривающихся сторон, то вопрос — к кому обратиться решается обоюдным согласием... Если без согласия правителей Хунзаха или Гидатля кто-либо из жителей договаривающихся сторон будет держать ишкиль, т. е. захватит насильно имущество в обеспечение иска, то виновный подвергается наказанию по шариаду».

Помимо этого аварский хан и общество договорились запретить грабежи и другие насильственные действия над людьми на своих территориях.

Общество Ратлуб и 6 селений Гидатлинского общества также заключили между собой договор об объединении в одно общество. При этом Гидатлинское общество подарило Ратлубскому обществу земли в ущелье «Тлино», исключая крепость

и дома, с условием, что эти земли будут возвращены Гидатлинскому обществу, если ратлубцы нарушат условия договора, которые заключались в следующем:

1. Разрушить Келебский мост и не давать согласия на его восстановление без ведома Гидатлинского общества. (Келебское общество состояло из 7 небольших селений, которые были расположены в Келебском ущелье по левую сторону Аварского койсу и поныне являются непосредственными соседями гидатлинцев. Ратлубцы жили на противоположной стороне Аварского койсу. Келебский мост находился в местности, где келебская и ратлубская речки вливаются в Аварское койсу — Х.-М. Х.).

2. С убийцы взыскивается 40 котлов и один бык по выбору наследника убитого. За рану взыскивается один котел. Если рана серьезная, то 10 котлов и расходы на приглашение лекаря. За ишкиль взыскивается стоимость имущества в двойном размере. С вора взыскивается то, что хозяин подтвердит присягой.

3. Кто разрешит пастбу баранов на Ахвахских горах без общего согласия, с того взыскивается 4-летний бык.

Таким образом, из небольшого перечня отдельных положений указанного выше сборника адатов и соглашений устанавливается:

1. Существование в Гидатлинском обществе и в обществах, связанных с ним соглашениями, частной собственности на землю, дома, скот и другое домашнее имущество (котлы, шали и т. д.).

2. Гидатлинское общество когда-то имело своего владельца шахвала, оно знало не только патриархальное рабство, но и зависимых крестьян-раят (часть жителей селения Тлях являлись бывшими рабами, наделенными землей и обязанными владельцам податями и повинностями). Ему было известно растовщичество скотом. Торговля в нем была мало развита. Медные котлы являлись мерилom ценности.

3. Гидатлинское общество получало дань от общества Тлебел.

4. В Гидатле господствующей формой семьи являлась малая семья со своей частной собственностью. Это видно из того, что штраф взыскивается из имущества родителей, братьев, незамужних сестер и других родственников.

5. Защита интересов всего общества была превыше всего — нарушитель подвергался вечному изгнанию.

Эти факты подтверждают правильность наших выводов о том, что в горах Дагестана задолго до XIX в. возникли классы и классовые противоречия.

Г.-А. Д. ДАНИЯЛОВ,
кандидат исторических наук.

ДАГЕСТАН В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Первая русская буржуазно-демократическая революция — важнейшее событие в истории нашей страны, в истории мирового освободительного движения. Это была первая народная революция эпохи империализма. Она явилась важным этапом борьбы рабочих и крестьян России за своё социальное и национальное освобождение. Основным вопросом русской революции, определившим её национальную особенность, был аграрный вопрос. Крестьянство добивалось ликвидации помещичьего землевладения и других остатков феодализма в стране. В качестве руководителя и главной движущей силы революции выступил пролетариат. Сплачивая вокруг себя крестьянские массы, рабочий класс России в революционных боях 1905—1907 годов закладывал основы союза с крестьянством, создавал, ту общественную силу, которая в октябре 1917 года свергла власть помещиков и капиталистов и проложила народам нашей страны путь к социализму.

Революция расшатала устои царизма, нанесла ему могучий удар и завоевала для народа, хотя и на короткий срок, гражданские свободы: свободу слова, печати, собраний, союзов. Рабочий класс России проявил революционное творчество, создав неизвестные ещё в истории массовые политические организации — Советы рабочих депутатов, которые превратились в органы восстания, в органы новой, революционной власти.

Революция 1905—1907 годов пробудила к политической жизни миллионные массы национальных окраин и дала героические образцы беззаветной революционной борьбы, на которых воспитывались и которым следовали народные массы не только России, но и многих других стран мира. Раскаты грозы 1905 года докатились до гор Кавказа и вызвали подъём революционного движения угнетаемых царизмом горцев.

Руссификаторская политика царизма, которая характеризовалась принципом «разделяй и властвуй», насаждение бюрократического режима, всевозможные поборы, нищета и мало-

земелье, — вот главнейшие причины, которые подняли народы Дагестана совместно с другими народами страны на борьбу с царизмом, помещиками и буржуазией.

На рубеже XX века в экономической жизни национальных районов России, в том числе и Дагестана, произошли глубокие перемены. Крестьянские, судебно-административные реформы, постройка железной дороги, связавшей Дагестан с общероссийским рынком, наличие по соседству крупнейших промышленных центров — Грозного, Баку, Ростова, уход значительной части крестьянства на заработки в эти города способствовали экономическому преобразованию края, появлению рабочего класса и развитию капитализма в сельском хозяйстве. Проникновение капиталистических отношений в Дагестан сопровождалось усилением национального и колониального гнёта, массовым разорением и обнищанием народов края.

Капитализм втягивал Дагестан в свою сферу, нивелируя местные особенности, разрушая феодально-патриархальный строй и вовлекая горцев в мировое товарное обращение. На Кавказе, в том числе в Дагестане, создавалась прослойка торговцев, поставщиков и подрядчиков, связанных с русским капитализмом в качестве его агентуры. Нарождалась и национальная промышленная буржуазия.

Заметно менялся облик сельского хозяйства Дагестана. Расширялись посевные площади, изменялось соотношение площадей полевых культур. В широких масштабах развертывалось производство кукурузы, картофеля, овощей, винограда, фруктов. Прикаспийская низменность, особенно район Дербента, становилась крупнейшим поставщиком вина и овощей; многочисленные аулы Табасарана, Кюры, койсубулинцев превратились в поставщиков фруктов.

Производство продукции сельского хозяйства росло с каждым годом. В 1899 году, например, в Дагестане было снято риса — 16705 четвертей, проса — 18015, картофеля — 9237, кукурузы — 132504 и т. д.¹ Было также собрано 1376969 пудов винограда, причём почти третья часть в свежем виде вывезена по железной дороге из области. Из 464096 ведер виноградного вина, выделанного в том же 1899 году, более половины было вывезено в центральные губернии. В области было собрано 366375 пудов фруктов².

В Дагестане начинает развиваться табаководство в промышленных целях. За 1898—99 годы было освоено 7030 десятин плантаций, на которых собрано 6053 пуда табака³.

¹ Памятная книжка Дагестанской области на 1901 г. Ведомость № 3.

² Памятная книжка Дагестанской области на 1901 г. Ведомость № 5.

³ Там же.

Жизненно важным для экономики области было также развитие животноводства. В 1902 г. от продажи продуктов животноводства только по четырём округам Дагестана было выручено 838500 рублей. Животноводческие продукты отправлялись за пределы области в Бухару, Воронежскую, Нижегородскую, Курскую, Харьковскую, Полтавскую, Ставропольскую и Варшавскую губернии¹. В большом количестве вывозилась также рыба.

Промышленных предприятий в 1894 году по области насчитывалось 88. Ежегодная производительность их составляла в среднем 300 тыс. руб. В 1913 году в Дагестане насчитывалось уже 134 промышленных предприятия с общим числом постоянных рабочих 4 тыс. человек и с годовой продукцией (кроме нефти) на 19 миллионов рублей. Нефти же только по одному Берикейскому нефтеносному участку было добыто: в 1902 г. — 64276 пудов, в 1903 году — 1881155 пудов, в 1904 г. — 1088791 пуд, в 1905 году — 533028 пудов.

В городах Порт-Петровске, Дербенте, Темир-Хан-Шуре создаются ссудо-кредитные учреждения. К 1915 году в банках трех городов Дагестанской области происходили ежегодные операции на сумму 42 млн. рублей².

Развитие капиталистической промышленности влекло за собой рост городского населения. Если по переписи 1886 года численность населения в городах области равнялась 20129 чел., то в 1908 г. она увеличилась до 65000 человек, в том числе 27 тысяч — из коренных народностей Дагестана³.

Капиталистические отношения проникали и в сельское хозяйство Дагестана. Однако феодально-зависимые отношения сохранились здесь до 1913 г.

В начале XX в. в Дагестане было 694 потомственных дворянина, 1838 личных, 1296 беков, 2931 чанк. Число зависимых крестьян превышало 70 тыс. человек.

Всевозможные повинности в пользу беков лежали тяжелым бременем на крестьянах-горцах. Поверенные Табасаранского округа писали, например, в 1902 году на имя главноначальствующего на Кавказе: «Местные землевладельцы, называемые беками, чрезвычайно притесняют нас взысканием повинностей... Если из нас у кого не окажется требуемого количества... то они посылают забрать домашние вещи... Если в таком случае донести жалобу начальнику округа, то непременно арестуют»⁴.

В грабеже населения бекам усердно помогала царская администрация. Главноначальствующий гражданской частью

¹ Там же, стр. 76.

² Обзор Дагестанской области за 1915 г.

³ Обзор Дагестанской области за 1908 г.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142 «б», л. 69.

на Кавказе указывал, например, 31 июля 1903 г. военному губернатору Дагестанской области: «В большинстве случаев, за последние годы уплату бекам... податей и повинностей райяты самовольно прекратили. Народные суды области, куда беки обращаются с жалобами на уклонение райят от уплаты им податей и отбывания повинностей, в большинстве случаев признают жалобы беков совершенно правильными и постановляют решения в пользу беков, но таковые решения остаются без исполнения в виду упорного нежелания райят подчиниться таковым решениям судов... Признать необходимым преподать даг. обл. начальству для руководства и надлежащих распоряжений следующее:

1. Обязать райят впредь уплачивать подати и отбывать повинности бекам исправно.

2. При неисполнении райятами сего бесспорные подати и повинности... взыскивать в административном порядке.

3. В случаях спорных дел о взыскании подати и повинности передавать на рассмотрение окрсудов»¹.

Царские власти изъяли у местного населения значительное количество земли.

Захваченные земли правительство роздало, во-первых, колонистам, во-вторых, своей агентуре из местных влиятельных людей. Часть земли сдавалась сельским обществам в аренду.

Беки и кулаки владели огромными земельными угодьями и отарами овец, крестьяне же имели ничтожные клочки земли². К 1900 году большая часть свободных крестьян во многих районах арендует землю у помещиков. Многочисленные подати и повинности бекам и государству вконец разоряли крестьян.

В целом по Кавказу крестьянство уплачивало подымную подать и разные сборы других наименований государству, не считая феодальных повинностей, в размере 5570000 рублей, в то время как помещики, владея большей частью пригодных земель, платили государству лишь 997 тысяч рублей.

Всею своей тяжестью подати и сборы ложились на беднейшую часть населения. Наместник Кавказа Воронцов-Дашков признавал:

«Сельские должностные лица, пользуясь поддержкой администрации и своим независимым от избравшего общества положением, преследуют свои личные интересы... главным образом, в неправильных внутренних раскладках денежных и натуральных повинностей и разных взысканий. Последствием этих злоупотреблений, ставших как бы нормальным порядком вещей, являлось то, что вся тяжесть казенных, общественных, а равно и натуральных повинностей падает почти

¹ ЦГИА Груз. ССР, оп. 231, д. 322, л. 1.

² Газ. «Весь Кавказ», 9 декабря 1905 г.

исключительно на наименее самостоятельную часть населения, тогда как более богатые изобретают поводы к уклонению от платежа налогов и выполнения натуральных повинностей. Все жалобы на такие действия сельских властей, приносимые полиции, обычно остаются без последствий, так как она поддерживает своих агентов. Эта поддержка часто объясняется тем, что выборы должностных лиц сельского управления составляют доходную статью для чиновников уездной полиции»¹.

Более убийственную характеристику своим подчиненным едва ли давал кто-нибудь ранее.

На почве социального и политического угнетения, царского колониального режима, деспотизма ханов и беков уже в конце XIX века происходили выступления горцев Дагестана за свое социальное и национальное освобождение.

* *

*

Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг. было неотъемлемой частью первой русской революции, но в то же время имело некоторые особенности.

Огромное значение для развития революции на Кавказе, в том числе и в Дагестане, имели решения II и III съездов РСДРП, на основе чего из разрозненных кружков создавались местные партийные организации. Видную роль в революционизировании народных масс Дагестана играли бакинская и грозненская большевистские организации.

Непосредственное участие в руководстве революционным рабочим классом Порт-Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры принимали ссыльные революционеры из Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска и др. В Дербенте насчитывалось более 80 ссыльных, из них 14 человек — из Петербурга. В Петровске их было 27. Они руководили подпольными революционными кружками, проводили по заданию Бакинского и Грозненского комитетов РСДРП организационную работу среди рабочих и крестьян.

Встревоженный ростом революционной активности рабочих в Порт-Петровске и увеличением в нем числа политических ссыльных, а также, считая пребывание в гор. Порт-Петровске подобных лиц «крайне нежелательным», военный губернатор Дагестанской области просил начальство о том, чтобы «лица, высылаемые под надзор полиции, впредь не направлялись бы в гор. Петровск, ввиду того, что в этом городе скопляется много рабочих, число которых достигает 4000 человек и что

---

¹ Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем. Тифлис, 1907, стр. 136-137.

подобный вредный элемент может породить в среде рабочих беспорядки»¹.

Русские революционеры И. Малыгин, Н. Шевченко, В. Казаринов и другие сыграли в Дагестане выдающуюся роль. С их помощью воспитались и выросли десятки активных революционных деятелей из числа трудящихся горцев Дагестана. Среди них видное место занимали К. Агасиев, М. Дахадаев, Д. Атаев.

Одним из первых социал-демократических кружков, созданных в Дагестане, был кружок рабочих депо ст. Петровск—Кавказский (ныне Махачкала I). Астраханские большевики прислали в Петровск революционера Малахова. При его помощи был создан социал-демократический кружок среди бондарей.

К концу 1904 года большая революционная и пропагандистская работа проводилась среди рабочих-текстильщиков. При помощи передовых рабочих, прибывших из Иваново-Вознесенска, среди ткачей фабрики «Каспийская мануфактура» было создано несколько социал-демократических кружков.

Дагестанским социал-демократическим кружкам большую организационную помощь оказывал Бакинский комитет РСДРП. После упорной работы удалось сплотить марксистские кружки и создать из текстильщиков, железнодорожников, бондарей, строителей и портовиков единую социал-демократическую организацию Петровска. Социал-демократические группы были созданы также в Дербенте и Темир-Хан-Шуре.

С помощью бакинской и грозненской организаций был создан Терско-Дагестанский союз РСДРП. В его состав входили Владикавказский и Грозненский комитеты, Петровская группа, Дербентский комитет, Темир-Хан-Шури́нская и Минераловодская группы. Несмотря на то, что руководство Терско-Дагестанским союзом РСДРП находилось в руках меньшевиков, развертывание революционной борьбы в Дагестане и на Тереке в 1905—1907 гг. являлось результатом деятельности большевиков, которые вели непримиримую борьбу с разлагающим влиянием меньшевиков.

После организационного оформления социал-демократических групп дагестанские большевики значительно усилили революционную работу. Большевики вели пропаганду и агитацию среди рабочих и служащих городов, организовывали забастовки, демонстрации и митинги, выпускали листовки. Широко развертывалась работа среди крестьян, поднимавшихся на борьбу с ханами и беками.

Летом 1905 года, когда революция шла на подъём, грозненская, петровская и дербентская организации вышли из

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2/2, оп. 47, д. 5, л. 235.

состава Терско-Дагестанского союза РСДРП и стали работать под непосредственным руководством Бакинского комитета и Кавказского союзного комитета РСДРП. Это значительно активизировало большевистские группы Дагестана и укрепило их. Большое значение имело создание в 1906 году в Баку социал-демократической группы «Фарук» из рабочих-дагестанцев, руководимой К. Агасиевым. Эта группа проводила революционную работу среди крестьян южного Дагестана.

Осенью 1905 года в городах Дагестана оформляются профсоюзные организации, находившиеся под заметным влиянием большевиков.

Петровская социал-демократическая организация, после того, как было получено известие о кровавой бойне 9 января 1905 года в Петербурге, обратилась ко всем рабочим Петровска с призывом объявить решительный протест против зверств царизма. Рабочие ряда предприятий провели митинги, на которых клеймили позором царя-палача и высказывались за решительное выступление против самодержавия.

После «кровавого воскресенья» в январско-февральских стачках в Дагестане участвовало более 1700 рабочих — портюиков, текстильщиков, табачников. В марте в Петровске состоялась крупная забастовка рабочих бондарного завода. Забастовка бондарей продолжалась до конца апреля 1905 года. Ранее мало известное в Дагестане стачечное движение разворачивается здесь с большой силой.

По данным полицейского управления, забастовками в Дагестане в 1905 году руководили десятки социал-демократов. Среди них большую роль играли Иван Кузьмич Жижкун, Петр Петрович Темнов, Василий Васильевич Рябчуков, Яков Кондратьевич Карташов и другие. Они вели подпольную революционную пропаганду, распространяли листовки среди населения.

Социал-демократические организации Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры усиленно готовились к проведению майских дней. Под руководством большевиков только в одном Петровске в майской демонстрации участвовало более 3-х тысяч рабочих. Местные власти тщательно готовились к разгону демонстрации, однако рабочие дали полиции отпор.

Второго мая 1905 года на текстильной фабрике вспыхнула забастовка, в которой участвовало около тысячи человек. Когда администрации фабрики не удалось добиться успеха в переговорах с рабочими, фабрику заняли полицейские части и войска. Был арестован стачечный комитет, многие рабочие были уволены, на фабрике свирепствовал террор, но рабочие не сдавались.

Вслед за текстильщиками в борьбу вступают рабочие остальных предприятий города. Разгорелась забастовка на табачной фабрике.

Большевистские организации создали на предприятиях Петровска подпольные революционные кружки, в которых обсуждались актуальные вопросы борьбы народных масс против царизма. При полицейской облаве у участников революционных кружков Петровска в 1905 г. было обнаружено много революционной литературы.

В июле 1905 года развернулась всеобщая забастовка на Владикавказской железной дороге. Поднялись минераловодцы, затем рабочие и служащие станций Кавказская, Тихорецкая, Грозный, Дербент, Баладжары, Ростов-на-Дону и Новороссийск. Накануне забастовки железнодорожники предъявили своему начальству петиции, в которых излагались требования не только экономического, но и политического характера: прекращение войны, народное представительство при тайном, равном и всеобщем голосовании и другие. Большевики развернули среди железнодорожников огромную разъяснительную работу, распространяли прокламации, организовывали митинги.

В Дербенте забастовка носила экономический характер: рабочие требовали увеличения заработной платы, отмены сверхурочных работ, уничтожения штрафов, введения обязательного страхования и пр.¹ Власти заняли территорию станции войсками.

В Петровске проходили митинги рабочих, но до забастовки дело не дошло.

Администрация дороги не шла на уступки. Путем репрессий ей удалось сломить забастовку. Сотни рабочих были уволены.

Большие события развернулись в Дагестане в октябрьские дни. Всероссийская политическая стачка имела отражение и в Дагестане. Здесь бастовали железнодорожники. На станциях ежедневно проходили митинги, на которых выступали местные и приехавшие из Баку большевики. Участники митингов требовали низвержения самодержавия, созыва всенародного Учредительного собрания.

В Темир-Хан-Шуре местная социал-демократическая группа устроила грандиозную демонстрацию, в которой приняли участие рабочие, служащие, солдаты и учащиеся. Под звуки революционной «Марсельезы» колонны с красными флагами прошли по улицам города.

В Порт-Петровске на нелегальном собрании, в котором участвовали передовые рабочие и демократическая интеллигенция города, было принято решение о проведении демонстрации населения с целью разоблачения царского манифеста 17 октября. Но власти, пронюхавшие об этом, срочно мобилизовали все имеющиеся в их распоряжении силы. Были при-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. I, оп. I, д. 51, л. 80.

ведены в готовность и черносотенные банды. Демонстрацию пришлось отложить. На следующий день полиция арестовала руководителей местной социал-демократической группы¹.

В ноябре в Дагестане бастовали типографские рабочие, учащиеся, почтово-телеграфные служащие.

Почтово-телеграфные служащие Дагестана приняли участие во всероссийской забастовке почтово-телеграфных служащих, начавшейся 16 ноября. В декабре она слилась с политической забастовкой железнодорожников. Прекращение работы телеграфа в значительной степени парализовало правительственный аппарат. Связь Петербурга с Тифлисом, например, осуществлялась через русское посольство в Лондоне.

8 декабря на станциях Дербент и Петровск была получена телеграмма из Москвы от имени конференции Всероссийского союза железнодорожных служащих с объявлением всеобщей политической забастовки. В телеграмме говорилось: «Конференция депутатов от 29 железных дорог, совместно с центральным бюро всероссийского союза, присоединяясь к постановлению Советов рабочих депутатов С. Петербурга и Москвы, объявляет 8 декабря всеобщую политическую забастовку... Итак, товарищи, смело и дружно в борьбу за освобождение всего народа, мы не одни, городской пролетариат, трудовое крестьянство и сознательная часть армии и флота уже восстали за свободу, за землю, за волю»².

Центральное Ростовское-на-Дону бюро союза служащих Владикавказской железной дороги обратилось в свою очередь к районным (отделенческим) бюро союза с призывом единодушно выступить, «превратить эту забастовку в последний акт борьбы народа за низвержение самодержавия»³.

В Дагестане первыми забастовали рабочие и служащие станции Дербент, затем станции Петровск. Было прекращено движение пассажирских и товарных поездов, эшелонов с войсками. Бюро союза взяли в свои руки работу железнодорожного телеграфа. Правительственные и жандармские телеграммы не пропускались.

Железнодорожное движение на Северном Кавказе, как и в других частях страны, было парализовано. Центром стачечного движения железнодорожников Дагестана стала станция Дербент.

Большевики, борясь за перерастание стачки в вооруженное восстание, организовали боевые дружины. Только на станции Дербент в дружину записалось около 350 человек.

Власти больше всего опасались присоединения горцев к бастующим. На дороге было введено положение о «чрезвычайной охране».

¹ ЦГА ДАССР. ф. 35/89, оп. I, д. I, лл. 31-32.

² Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1398, лл. 34-35.

³ Там же.

Не ограничиваясь мобилизацией сил жандармерии и полиции, власти области прибегли к привлечению регулярных войск к борьбе против бастующих. Губернатор области писал: «Вследствие циркуляра департамента полиции от 14 мая 1905 года за № 5743, сообщаю в Штаб Кавказского Военного округа, что 20 декабря 1905 года в гор. Петровск для содействия гражданской администрации, вследствие возникшего среди рабочих Петровского железнодорожного депо опасного брожения умов, командирована одна сотня Дагестанского конного полка и 31 того же декабря для той же надобности, ввиду могущих быть железнодорожных беспорядков, а также для преследования и поимки разбойников, появившихся в окрестностях города Дербента командирована в этот город также сотня этого полка; означенные сотни будут оставлены в городах Петровске и Дербенте до минования в них надобности»¹.

В Петровск и Дербент стягивались войска. В Дагестане среди железнодорожников начались обыски и аресты. Руководители забастовки пошли под суд.

Декабрьская политическая стачка железнодорожников была крупнейшим забастовочным выступлением пролетариата Дагестана. В ходе забастовки вся власть на дороге осуществлялась самими рабочими в лице районных организаций союза железнодорожников, находящихся под сильным влиянием большевиков.

Перерастанию стачки в вооруженное восстание помешала дезорганизаторская деятельность либеральных попугачиков, меньшевиков и эсеров. Тем не менее стачка в значительной степени способствовала пробуждению революционного самосознания народных масс Дагестана.

В начале 1906 года в Порт-Петровске был создан Дагестанский комитет РСДРП, который руководил Порт-Петровской, Дербентской и Темир-Хан-Шуринской организациями. Во главе комитета стоял закаленный большевик, посланец Бакинской организации большевиков Малыгин. При комитете было создано военное бюро, которое вело работу среди войск, дислоцированных в Дагестане.

Под руководством Дагестанского Комитета РСДРП в 1905 году были проведены забастовки в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске и Дербенте. Они не прекращались и в 1907 году.

В конце апреля 1906 года забастовали рабочие «Каспийской мануфактуры». Переговоры администрации с представителями рабочих ни к чему не привели. На фабрике происходили нелегальные сходки рабочих. 1 мая за фабрикой собралась колонна демонстрантов с красными флагами. Рабочие намеревались идти в город. Полиция арестовала руково-

¹ Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1398, лл. 34-35.

дителей демонстрации. Рабочие предприняли попытку освободить арестованных. Тогда против них был брошен отряд Дагестанского конного полка.

В марте 1907 года на Каспии вспыхнула всеобщая забастовка моряков торгового флота. Ею руководил Бакинский комитет РСДРП. Моряки подвергались бесчеловечной эксплуатации. Значительную часть года в период закрытия навигации на Волге моряки сидели без заработков. Во флоте процветал дикий произвол администрации, поддерживаемой царскими властями.

Во всех портах Каспия моряки одновременно предъявляли начальствующим лицам «Требования моряков Каспийского торгового флота», состоящие из 50 пунктов, — об улучшении условий труда, повышении заработной платы, ликвидации штрафов, сверхурочных работ и других. Моряков поддерживали портовые рабочие. Большевики организовали сбор средств в помощь бастующим рабочим, распространяли прокламации, проводили нелегальные митинги и собрания, на которых обсуждался ход забастовки.

В Порт-Петровске забастовали команды 15 стоявших в бухте судов обществ «Кавказ и Меркурий», «Надежда», «Восточное пароходство». Свыше двухсот человек — весь состав пароходных команд, отказавшихся продолжать работу на прежних условиях, были удалены с судов.

В ответ на убийство часовым одного из грузчиков забастовали все грузчики порта. Тогда власти ввели в порт войска и крупный полицейский отряд. За рабочими города была усилена жандармская слежка.

Забастовка моряков Каспия прервала поступление бакинской нефти в центрально-промышленные районы России, сковала судоходство на Волге. На пристанях Каспия залежилось огромное количество хлопка и других грузов. Экономическая жизнь на Каспии и Волге была почти парализована.

Правительство и торгово-промышленные круги России забили тревогу. В Баку был послан начальник корпуса жандармов генерал Таубе. Около 800 моряков было арестовано, многие из них высланы. Для замены бастующих были направлены военные моряки. Власти пытались использовать и штрейкбрехеров. Но бастующие не сдавались.

В конце-концов власти и предприниматели вынуждены были пойти на уступки. Это была большая победа, одержанная моряками Каспия благодаря руководству большевиков.

Пытаясь отвлечь от революции умеренные слои населения, царское правительство объявило о проведении выборов в Государственную думу. Большинство мест в думе отводилось состоятельным классам. Большевики проводили политику бойкота думы. Как оказалось впоследствии, это было ошибкой,

хотя и небольшой, ибо выборы в думу происходили в условиях спада революционного движения.

В Дагестане, в значительной степени под влиянием разъяснительной деятельности большевиков, население уклонялось от выборов в думу. Заведующий полицией на Кавказе сообщал министру внутренних дел: «В Дагестанской области отказались от избрания выборных в участковые сходы: 1) сельское население Андийского и Гунибского округов — поголовно, 2) население Аварского округа, за исключением шести селений... 3) жители пяти селений Даргинского округа — Куппа, Кутиши, Чуулы, Хахита и Джанга-махи; 4) одно селение Темир-Хан-Шурина округа — Аркас и 5) два селения Самурского округа — Рутул и Хелиг... Кроме того, сельские выборные, собравшись на участковые сходы в назначенные дни, отказались от избрания уполномоченных: 1) в Кюринском округе на девяти сходах; 2) Кайтаго-Табасаранском — на семи сходах; 3) Темир-Хан-Шурина округа — на шести сходах; 4) Казикумухском — на семи сходах. Одни из этих сходов отказались от выборов уполномоченных без указания причин, а другие отказ свой мотивировали тем, что от выборов отказались и соседние округа»¹.

Поездка губернатора области и чиновника особых поручений при неместнике в горы для «разъяснения» крестьянам выборов не принесла властям успеха.

После того, как в 1907 году был восстановлен Терско-Дагестанский союзный комитет, в котором сильные позиции заняли большевики, работа дагестанских большевиков поднимается на более высокую ступень. Большевистские организации в Дагестане, руководимые Кавказским союзным и Бакинским комитетами РСДРП, а затем Терско-Дагестанским союзным комитетом РСДРП, проделали большую работу по сохранению революционных кадров. Руководствуясь ленинской тактической линией, они отступили под натиском черной реакции в глубокое подполье, собирая революционные силы для будущего штурма царских твердынь.

Под влиянием рабочего движения в Дагестане широкий размах получила борьба крестьян. Райяты и уздени уже в конце 90-х годов целыми селами выступали против беков, царской администрации. Они вырубали леса, сжигали усадьбы, отказывались выполнять натуральные повинности — пахать, жать, косить, захватывали силой и запахивали бекские земли.

Особенно активный характер носили выступления крестьян в южном Дагестане. Так, 30 мая 1900 г. беки Кайтаго-Табасаранского округа Бейбалабек, Казановбек и Мамерзабек в прошении главноначальствующему гражданской частью на

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. I, оп. I, д. 207, лл. 76-77.

Кавказе писали: «Поселяне наших селений (райяты наши) учиняют нам материальный ущерб, не исполняя наших полевых работ и не платя нам податей за пользование нашими земельными угодьями, увозя наших лошадей и скотину, оскорбляя нас словами и действием, покушаются на нашу жизнь... в нашем пользовании находящиеся наши земли некоторые райяты силой захватывают»¹.

Начальник Кайтаго-Табасаранского округа подполковник Шосте в рапорте на имя губернатора писал: «главными подстрекателями и виновниками возбуждения райятов против беков являются по 8 селениям 27 человек». По ходатайству губернатора главноначальствующий на Кавказе утвердил решение о высылке под надзор полиции во внутренние губернии России «виновных в подстрекательстве райят» к отказу от повинностей².

Опираясь на революционное движение в России и борьбу городских рабочих Дагестана, узденство и райяты переходят в активное наступление. Наместник писал: «Под влиянием общеимперско-революционного движения в последнее время замечаются последствия социал-демократической принадлежности и среди мусульман. Так крестьяне отказываются отбывать повинности в пользу беков, а равно, по некоторым сведениям, в состав разных революционных кружков ныне входят и татары, чего еще вовсе не наблюдалось»³.

Дагестанские социал-демократические организации развернули кипучую деятельность среди крестьянства. Крестьяне переходят к захвату помещичьих земель, нападают на бекские усадьбы, жгут кутаны беков.

В 13 селах Кайтаго-Табасарана райяты захватывали пахотные и покосные участки беков, рубили бекские леса, занимали кутаны, угоняли бекский скот. В марте 1905 года в Кайтаго-Табасаране, Дербенте и Самурском округе райятское движение наблюдается повсеместно.

В селении Кадар Темир-Хан-Шурина округа между родственниками бека Уцмия-Хаджи и малоимущими крестьянами из-за земли произошло столкновение, перешедшее в вооруженную схватку, во время которой было ранено несколько человек. В следующем году произошло вооруженное столкновение крестьян с нукерами крупнейшего помещика Дагестана Асельдера Казанолипова. Во время схватки были убитые и раненые. В том же году произошло вооруженное столкновение между беками и крестьянами в селениях Муслим-Аул и Казаниши из-за пахотного участка Каранай. Во время этого столкновения был избит начальник участка.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139-в, л. 9.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 43, л. 31.

³ Газ. «Баку», 4 декабря 1905 г.

В 1905 г. было крупное столкновение общества сел. Кафыр-Кумух с помещиком Джамалдином Тарковским, захватившим пастбища, и помещиком Бахтиар-Хаджи из-за кутана Бахтиар.

Уже в начале 1905 года крестьяне Дагестана почти повсеместно задерживают не только исполнение повинностей помещикам, но и уплату казенных налогов. Для выработки мероприятий по борьбе с крестьянами, вышедшими из повиновения, губернатор созвал в середине марта 1905 года в Темир-Хан-Шуре совещание представителей дворянства и чиновничества.

Социал-демократическая организация Темир-Хан-Шуры со своей стороны созвала совещание для обсуждения политического положения в стране. Оно проходило в джума-мечети, при большом стечении крестьян — представителей всех сельских обществ Темир-Хан-Шуринского округа и горожан. Выступавшие горячо обсуждали вопросы революционного движения в России, земельный и райятский вопросы. Были приняты решения о захвате помещичьих земель, прекращении исполнения райятских повинностей, отстранении беков от должностей, выборности старшин и других представителей местных властей, вооружении народа, свободе вероисповедания и пр. Затем перед собравшимися выступил только-что прибывший из Петербурга студент Махач Дахадаев. Рассказав о ходе революции в России и её характере, он предложил крестьянам активнее выступать против царизма, прекратить уплату налогов, приём бумажных денег, игнорировать приказы начальства, вооружаться. От имени совещания была выпущена прокламация ко всем крестьянам Дагестана с призывом к вооружению и подготовке к вооруженной борьбе.

В начале апреля такое же совещание было проведено с райятами Кайтаго-Табасаранского округа. В округе усиливаются аграрные беспорядки. Райяты отказываются пахать помещикам земли, захватывают бакские участки и запахивают их для себя, жгут помещичьи усадьбы.

То же наблюдалось и в Темир-Хан-Шуринском округе. Здесь жители сел. Атлыбуюн захватили земельный участок «Кокрек», выгнали отсюда сторожей князя Тарковского и приступили к распашке. Тарковский явился со своими нукерами, но крестьяне прогнали его. Такая же участь постигла начальника участка, а затем и начальника округа с милиционерами.

Администрация вызвала на помощь сотню Дагестанского конного полка. Только после этого удалось сломить сопротивление крестьян.

Летом 1906 года категорически отказались отбывать бекам повинности жители селения Шамхал-Янги-Юрт. Начальник Темир-Хан-Шуринского округа полковник Сущинский писал по этому поводу военному губернатору Дагестана: «Жители

сел. Шамхал-Янги-Юрт категорически отказываются не только платить бекам ясачную повинность, но вообще отбывать установившиеся временем бекские повинности».

Однако крестьянство многих аулов Дагестана не примыкало к подобным выступлениям. В недрах крестьянского движения в эту пору развивается крайне сложный процесс. Убедившись в невозможности открытого и прямого выступления и непосредственной вооруженной схватки с беками, царскими чиновниками и войсками, крестьянство стихийно переходит к партизанской войне.

Такие партизанские отряды действовали в Темир-Хан-Шурином, Самурском, Кюринском округах, во многих аулах Андийского, Аварского и Даргинского округов. Своими непрерывными нападениями они дезорганизовывали аппарат царской администрации.

Под влиянием забастовочных выступлений моряков и рабочих Порт-Петровска в июне 1907 года поднялись на борьбу за свои права крестьяне селения Кумторкала Темир-Хан-Шуринского округа. Стремясь вызвать столкновения между жителями селений, прилегающих к Петровску, и отвлечь их тем самым от активного участия в революционной борьбе, власти преднамеренно провели неправильное размежевание пахотных и пастбищных земель между этими обществами. Вооруженные кумторкалинцы напали на представителей власти, проводивших размежевание, с целью заставить их отказаться от провокаций. Власти срочно перебросили к месту происшествия сильный воинский отряд. В селении Кумторкала была поставлена на полное содержание общества сотня Дагестанского конного полка. Старшина селения был смещён.

Невероятный произвол, учиненный царскими войсками при подавлении восстания 90-х годов XIX века еще свеж был в памяти горцев, что, безусловно, наложило свой отпечаток на движение и явилось причиной неорганизованности в выступлениях горцев Дагестана в 1905—1907 годах.

В. И. Ленин писал, что «крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»¹.

* *
*

Соединения пролетарской массовой стачки в городе с крестьянским движением было, как указывал В. И. Ленин, достаточно для того, чтобы поколебать армию — эту последнюю и самую «прочную» опору царизма. Летом 1905 года

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XIX, стр. 352, изд. III.

солдаты и матросы от пассивного сопротивления и экономических «стачек» переходят к вооруженной борьбе против царского самодержавия.

В результате большевистской агитации солдаты в Дагестане выступали не только с требованиями улучшить материально-бытовое положение, но и с требованием уничтожения существующего строя.

Особенно большая работа была проведена военным бюро при Темир-Хан-Шуринской группе РСДРП. Почти во всех ротам Темир-Хан-Шуринского гарнизона были созданы кружки солдат, которые выделяли одного представителя для связи с военным бюро. Бюро распространяло среди солдат листовки, прокламации, газеты, брошюры, полученные из центральной России, а также составленные Бакинским комитетом, Грозненской и Темир-Хан-Шуринской группами РСДРП, вело большую агитационную работу.

Помощник начальника Бакинского губернского жандармского управления в Дагестане, характеризуя деятельность военной организации при Темир-Хан-Шуринской группе РСДРП, в секретном рапорте сообщал следующее: «В средних числах марта в гор. Темир-Хан-Шуре чинами городской полиции подобраны на улицах прокламации: шесть печатных «К учащейся молодёжи», издание Терско-Дагестанского комитета РСДРП, шестнадцать гектографированных «Ко всем солдатам», издание военной организации Темир-Хан-Шуринской группы, два экземпляра печатных «Братья солдаты», с подписью «Союз солдат»¹. «В цейхгаузе 254 резервного батальона в г. Темир-Хан-Шуре было обнаружено 3 экземпляра № 6 газеты «Рядовой», один экземпляр газеты «Рабочий» издания Бакинской организации РСДРП и семь... брошюр вредного направления»². В другом сообщении говорится: «В ротам резервного батальона неоднократно обнаруживались... под подушками и на кроватях прокламации»³.

В ноябре 1905 года вспыхнуло возмущение среди солдат Ширванского полка. Ширванцы требовали улучшения условий службы, возвращения одного из батальонов, посланного в карательную экспедицию. Офицеры пытались отвлечь внимание солдат организацией погрома лавок, подтолкнуть их на избивание горцев, и евреев, но большевики сумели помешать этому.

В июле 1906 года в урочище Дешлагар (ныне Сергокала) восстал под руководством революционных социал-демократов Самурский пехотный полк. Это было одно из крупнейших революционных выступлений войсковых частей на Кавказе.

¹ Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1383, л. 166.

² Там же, л. 60.

³ Там же, л. 173.

Лишь мобилизовав превосходящие силы, власти подавили это восстание, зверски расправившись с его участниками.

Несмотря на то, что царской администрации путем мобилизации воинских частей удавалось подавлять выступления солдат, они не прекращались.

* *

*

Часть национальной буржуазной интеллигенции выступала в эти дни в роли предателей интересов народных масс Дагестана. Под флагом борьбы за «национальное освобождение» буржуазно-помещичья верхушка всячески разжигала межнациональную рознь и вражду. Спекулируя на недовольстве горцев политикой царизма, буржуазные националисты сеяли семена ненависти к великому русскому народу подло отождествляя его интересы с политикой царизма. Таким образом буржуазные националисты хотели отгородить горцев от революционного воздействия русского рабочего класса, помешать установлению, под руководством рабочего класса, общего фронта борьбы трудящихся против царизма.

В силу специфических особенностей политического положения, экономической и культурной отсталости Дагестана, малочисленности местного национального пролетариата, преобладания исламской и привилегированной буржуазной интеллигенции, освободительное самосознание горцев развивалось в двух направлениях: 1) буржуазном и 2) пролетарском.

В свою очередь буржуазно-освободительное движение в Дагестане также имело два направления. Первое из них преследовало цель национального освобождения через воссоединение с «братским» мусульманским Востоком. Это движение возглавляли интеллигенция исламской школы и духовенство, в той или иной степени заинтересованное в торжестве ислама и в какой-то мере связанное с Востоком. Идеология панисламизма находила здесь себе благоприятную почву, она была постоянным оружием в руках дагестанских националистов. К этому движению примыкали арабисты, фанатично настроенные массы и часть представителей торговой буржуазии.

Другая часть буржуазно-националистической интеллигенции мыслила освобождение горцев в рамках буржуазных отношений, путем превращения Дагестана в колонию какой-нибудь передовой капиталистической державы, вроде Англии.

Оба течения так называемых «буржуазных демократов» выходят на арену в тот момент, когда пролетариат и крестьянство Дагестана, под руководством местных социал-демократов-большевиков, под воздействием революции в России, вступают в борьбу с царской администрацией, капиталистическими предпринимателями и местными беками.

Начавшееся на окраинах революционно-освободительное движение требовало от революционной социал-демократии ясной программы по национальному вопросу. Большевики в основу партийной программы по этому вопросу положили принцип интернационального единства и нераздельности классовой борьбы рабочих, признание права наций на самоопределение на основе революции. Это устраняло недоверие трудящихся угнетенных наций к пролетариату господствующей нации. В национальном вопросе большевики вели борьбу на два фронта — против великодержавного шовинизма и против местных буржуазных националистов. Буржуазные же «демократы», являясь агентурой царизма, стремились оторвать народы Дагестана от революционного народа России, расколоть эти народы и тем самым сорвать революционное движение пролетариата и крестьянства в Дагестане. Они обвиняли социал-демократов-большевиков в делении народа по классовому признаку, в привнесении революционных идей русского пролетариата в дагестанскую самобытность.

Когда под воздействием революционного движения в России в Дагестане начались выступления рабочих и крестьян, когда крестьянство с оружием в руках стало защищать свои права, все глашатаи национализма разных мастей слились в единый контрреволюционный поток и сомкнулись вокруг царской агентуры в лице дворян, офицеров, шариятистов и мулл.

Таким образом, истинно национально-освободительным движением осталось то, которое сливалось с революционным движением русского пролетариата и крестьянства.

Итак, уже непосредственно в годы первой русской революции, когда революционная волна всколыхнула народы Дагестана, горский национализм блокировался единым фронтом с религиозными элементами и религиозным обманом отвлекал горцев от освободительной борьбы, чем сорвал совместное выступление горцев Дагестана с русскими под руководством местных социал-демократов-большевиков против царизма и его колониальной системы, против местных беков и капиталистических хищников.

Когда началась революция, перед испуганным воображением всех угнетателей народов поднялся призрак пролетарского интернационализма. В Дагестане для травли этого призрака объединились буржуазно-националистические элементы всех оттенков. Им удалось расколоть рабочих и горцев Дагестана в дни напряженной борьбы.

Первая русская революция открыла новую страницу во всемирной истории — эпоху глубочайших политических потрясений и революционных бурь, положила начало подъёму рабочего движения в Европе и национально-освободительному движению угнетенных народов Азии. Она была грозной предвестницей победоносной Великой Октябрьской социалистической революции. Без генеральной репетиции 1905 года, как указывал Ленин, победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна.

Коммунистическая партия Советского Союза, организовав союз рабочего класса и трудового крестьянства, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране добилась свержения власти капиталистов и помещиков, организации диктатуры пролетариата, ликвидации капитализма, уничтожения эксплуатации человека человеком и обеспечила построение социалистического общества.

Коммунистическая партия открыла перед народами Дагестана величественные перспективы движения вперед, пробудила к сознательному историческому творчеству все народности республики, создала широчайшие возможности экономического, политического и культурного расцвета.

Под руководством Коммунистической партии, при помощи русского и других народов нашей страны, на основе единственно правильной ленинской национальной политики рабочие и крестьяне Дагестана создали технически совершенную промышленность, крупное механизированное сельское хозяйство, высокую культуру. Из отсталой окраины Дагестан за годы Советской власти превратился в передовую, цветущую, индустриально-колхозную социалистическую республику.

Г. Г. ОСМАНОВ

кандидат исторических наук

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ В 1921—1927 гг.

Великая Октябрьская социалистическая революция, установившая диктатуру пролетариата, не только произвела переворот в жизни народов России, но и «походя», «мимоходом» разрешила задачи буржуазно-демократической революции.

Однако надо отметить, что в силу неравномерности социально-экономического развития национальностей России эти задачи не везде были разрешены сразу. Так обстояло дело, например, в Дагестане. На наш взгляд это объясняется тем, что до Великой Октябрьской социалистической революции в Дагестане еще крепко держались пережитки патриархально-феодальных отношений, которые определили его хозяйственную и культурную отсталость и сковывали классовую борьбу. Это обстоятельство требовало от советских и партийных работников национальных республик, чтобы они поняли своеобразие их положения.

В. И. Ленин указывал, что «кавказские республики — страны еще более крестьянские, чем Россия», что их условия требуют иной тактики, нежели в РСФСР. И поэтому в незамедлительном улучшении положения крестьян В. И. Ленин видел основу успеха социалистического строительства на Кавказе. «Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству», «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму» — призывал В. И. Ленин коммунистов Кавказа в своем письме к «товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики»¹.

Особенности, на которые постоянно обращала внимание партия, определили характер первых декретов Советской власти в Дагестане по аграрному вопросу, характер ряда

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 295-296.

переходных мероприятий, необходимых для превращения мелко-товарного производства в социалистическое.

Аграрные отношения в Дагестане накануне Великой Октябрьской социалистической революции зашли в тупик. В то время, как громадное большинство крестьянства терпело ужасные лишения и влечило нищенское существование вследствие малоземелья, кучка сельских богатеев сосредоточила в своих руках огромные массивы лучшей земли. Крупное помещичье землевладение составляло самую крепкую основу феодально-патриархальных пережитков в сельском хозяйстве Дагестана. Поэтому исходным моментом борьбы крестьян за землю была борьба безземельной и малоземельной массы крестьян за уничтожение помещичьего землевладения и переход помещичьих земель к крестьянам.

Коммунистическая партия учитывала и не могла не учитывать этих требований крестьянства. Вопрос о земле В. И. Ленин считал наиболее важным вопросом, способным «успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты». Неудивительно поэтому, что декрет о земле был одним из первых мероприятий рабоче-крестьянской революции.

II Всероссийский съезд Советов на второй день после победы Октября в ночь с 26 на 27 октября (с 8 на 9 ноября) 1917 года принял декрет о земле, написанный В. И. Лениным. Этим декретом навсегда отменялось право частной собственности на землю. Вся земля, в чьих бы руках она ни находилась, отчуждалась безвозмездно и обращалась во всенародное достояние¹.

Национализация земли имела огромное революционизирующее значение. На ее основе в деревне широко развернулось движение крестьян за захват помещичьих земель, за полное уничтожение класса помещиков. Это обстоятельство обеспечило Октябрьской революции поддержку и сочувствие со стороны крестьянства. Национализация земли явилась наиболее реальной основой для упрочения союза рабочего класса и трудового крестьянства.

Однако декрет о земле лишь в общих чертах намечал новые основы земельного устройства и землепользования для всей страны. Необходимо было эти основы разработать, исходя из учета всех местных условий и особенностей.

23 августа 1920 года земельный отдел Дагестанского Революционного Комитета издал «Положение об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной республики о социализации земли». Этот закон о земле закреплял результаты упорной борьбы трудящихся Дагестана против внутренних и внешних врагов. Историческое значение закона о земле

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 225.

заклучалось в том, что он уничтожил частную собственность на землю и сделал ее всенародным достоянием. В законе о земле говорилось: «Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы отменяется навсегда. Земли без всякого (явного или скрытого) выкупа переходят в пользование всего трудового народа. Право пользования землей принадлежит тем, кто обрабатывает ее.»¹

В результате проведения в жизнь закона о земле трудовое крестьянство Дагестана получило 441,6 тыс. га помещичьих и государственных земель². Осуществив национализацию земли, Советская власть освободила трудящихся горцев от всевозможных поборов и арендных платежей. В частности, были аннулированы долги земельному банку за «освобождение» от феодальной зависимости в сумме свыше 300 тыс. руб. золотом.

Советская власть передала крестьянам не только землю, но и другие средства производства. В положении земельного отдела Дагестанского ревкома об осуществлении декрета РСФСР о социализации земли говорилось: «Весь живой и мертвый инвентарь, а равно все постройки и сельскохозяйственные предприятия нетрудовых хозяйств без всякого выкупа переходят, в зависимости от их значения, в распоряжение окружного или областного земельных отделов или комиссариата земледелия»³. Позже, в 1923 г. у кулаков было отобрано около 1200 десятин виноградников со всем винодельческим имуществом⁴.

Таким образом, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти осуществились вековые чаяния дагестанского крестьянства: оно получило землю и освободилось от гнета помещиков.

Огромное значение национализации земли состояло еще и в том, что она, по словам В. И. Ленина, создала «земельный строй, наиболее гибкий в смысле перехода к социализму».

«Положение» дагестанского революционного комитета об осуществлении декрета РСФСР о социализации земли было рассчитано на поощрение перехода к общественной обработке земли. В связи с этим коллективным хозяйствам предоставлялся ряд льгот при наделении землей. В Положении говорилось: «Вся площадь сельскохозяйственного фонда используется в первую очередь для нужд трудовых артелей и товариществ, и для общественной обработки, во вторую — для добывания

¹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 2, д. 5, стр. 34.

² Там же, оп. 17, д. 204, стр. 5.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 15, стр. 4-6.

средств к существованию единоличных землепользователей». Так, уже в первых законодательных актах по аграрному вопросу партия и Советская власть делали ставку на победу коллективных хозяйств, на социалистическую переделку мелкотоварного производства.

Однако надо отметить, что в отличие от декрета о земле, принятого на II съезде Советов, этот закон не разрешал радикальным образом аграрной проблемы в Дагестане. Он не затрагивал вопроса о вакуфных землях, в результате чего у мечетей сохранялась экономическая база. В руках духовенства в Дагестане и после революции оставались земельные площади размером более 10 тыс. га². Это объясняется тем, что крестьянство Дагестана еще в значительной мере находилось под влиянием мусульманской религии и поэтому партия не могла на данном этапе ставить вопрос о мечетском землевладении. Это было бы тактической ошибкой. По этим же причинам в первые годы Советской власти были сохранены сборы закьят, мечетские школы-медрессы и шариатские суды.

Другой особенностью аграрной революции в Дагестане явилось сохранение права купли, продажи и завещания крестьянских мюльков в горах. В тезисах Народного Комиссариата земледелия Дагестана об осуществлении декрета о земле, изданных 27 января 1922 г., указывалось, что это временная мера, допущенная «в горных округах, где культурные клочки земли созданы чрезмерным трудом целых поколений (террасы и т. п.) с тем, однако, условием, чтобы в одних руках не накапливалось земли более потребительно-трудовой нормы данного района»³.

Это была уступка, продиктованная необходимостью. Горское крестьянство годами, а иногда и целыми поколениями трудилось над отвоеванием у природы крохотных участков земли, которые и составляли мюльки. Естественно, что ему было нелегко расстаться с этими участками. Только упорная работа по перевоспитанию психологии крестьянина-горца, по техническому оснащению сельского хозяйства могла создать условия для национализации мюльков. В первые годы после установления Советской власти этих возможностей не было, поэтому право купли и продажи мюльков было сохранено, как временная мера.

Однако, сохранив право купли и продажи мюльков, Советское государство, в то же время, приняло меры для ограничения возможности концентрации их в одних руках, а следовательно, и развития частного землевладения. С этой целью

¹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 2, д. 5, стр. 35.

² Там же, ф. 127-р, оп. 17, д. 204, стр. 7.

³ Там же, оп. 1, д. 3 а, стр. 3.

крестьянину, обладающему потребительско-трудовой нормой земли, было запрещено покупать мюльки¹.

Осуществление ленинского лозунга «земля трудовому народу» имело и ряд других особенностей, связанных с физико-географическими условиями Дагестана.

На равнинной части первые шаги Октября ознаменовались революционным захватом крестьянством помещичье-дворянской земли и уничтожением, в основном, старых порядков землепользования. Из земельной площади в 441600 га, которая после революции перешла в государственный фонд, на равнинную часть приходилось 356200 га, а на горную лишь 85400 га². Однако население плоскости не испытывало острого земельного голода, а горцы без помощи государства не могли освоить эту землю. Поэтому, пользуясь трудностями восстановительного периода, часть крупных землевладельцев плоскости смогла сохранить в первые годы Советской власти значительные площади земли.

Несколько иное положение было в горах. Основная проблема горского крестьянства — малоземелье — и в первые годы после Октябрьской революции не могла быть решена в силу нехватки удобной земли в этой части Дагестана и отсутствия в горных районах значительных площадей нетрудового землевладения.

Культурная и политическая отсталость горского населения, бытовавшие здесь феодально-патриархальные пережитки и в связи с этим значительное влияние на горскую бедноту эксплуататорских элементов и духовенства привели к тому, что в горах случаи расширения бедняцкой запашки за счет помещиц были редки.

Значительным тормозом на пути организованного наступления бедноты на помещичье-кулацкое землепользование в горах являлись также разбросанность населения по горам и ущельям и разноплеменность, затруднявшие связь и объединение трудящихся крестьян. Поэтому аграрная революция в горах приняла более затяжной характер. В силу указанных причин 204 хозяйства помещиков и феодально-клерикальной верхушки Дагестана и после Октябрьской революции сохранили за собой 75400 гектаров земли³.

Сразу же после окончания гражданской войны Советское государство приняло меры для ликвидации земельного голода в Дагестане, для обеспечения горцев пашней и зимними пастбищами. По решению правительства РСФСР в состав Дагестанской республики были включены в 1920 г. Хасавюртовский

¹ ЦГА ДАССР, ф. 127р, оп. 1, д. 3а, стр. 3.

² Там же, ф. 127, оп. 17, д. 204, стр. 5.

³ Там же, ф. 127 р, оп. 1, д. 3 а, стр. 2.

и в 1922 г. Кизлярский округа. Это увеличило фонд удобных земель более чем на 45%.

Вся эта земля, составлявшая государственный фонд, использовалась для наделения крестьян. В первую очередь землей наделялись безземельные и малоземельные бедняцкие хозяйства. Закон о земле требовал, чтобы земли, конфискованные у помещиков, и излишки сверх потребительско-трудовой нормы передавались во временное пользование, впредь до проведения землеустройства, «безземельным и малоземельным обществам..., отдельным трудящимся гражданам сначала безземельным, а затем и малоземельным в пределах потребительско-трудовой нормы»¹.

В первый же год установления Советской власти помещичьи и казенные земли были наделены ряд аулов, особенно страдавших от безземелья. Например, в отчете окружного земельного отдела Кайтаго-Табасаранского округа о работе отдела за 40 дней — с 1 декабря 1920 г. по 10 января 1921 г. — сообщается, что из конфискованных бекских земель пахотные участки были предоставлены безземельным и малоземельным крестьянам сел. Мургук, Урахи; под огороды отведены участки земель беднякам сел. Каякент — 64 чел., Уселикент — 15 чел., Башлина — 24 чел., Джемикент и Берекент — 26 чел.; обществу сел. Берекей разрешено брать воду с мельницы Уругабек для орошения пахотного участка Исмаил-Ергер². 13 мая 1923 г. постановлением Наркомзема ДАССР селению Атлы-Буюн Хасавюртовского района были отведены 500 десятин земли участка «Кокрек», который до Октябрьской революции принадлежал помещику Алим-паше Аджаматову³.

Мероприятия Советской власти в области аграрных отношений в Дагестане проходили в ожесточенной классовой борьбе. Эксплуататорские и буржуазно-националистические элементы стремились сорвать реализацию декрета о земле и опорочить политику партии большевиков и Советского государства, направленную на всемерный подъем хозяйств бедноты и середняков. С этой целью враги проникали в органы Советской власти на местах и в центре и им нередко удавалось направлять их деятельность в своих интересах.

На первом съезде дагестанской бедноты в июне 1920 года делегаты с мест приводили многочисленные факты, свидетельствующие о засорении местных органов власти подобными элементами. Представитель бедноты сел. Мекеги Даргинского округа отмечал: «У нас... у власти стоят люди, не пользующиеся доверием населения, а обязанные своим избранием

¹ ЦГА ДАССР, ф. 127р. оп. 2, д. 5, стр. 35.

² Там же, д. 24, стр. 7.

³ Там же, д. 41, л. 15.

многочисленности родни»¹ «Работники на местах, — говорил на этом же съезде делегат бедноты Кайтаго-Табасаранского округа, — не входят в нужды народа. Каждый из них занят устройством своего блага. Есть среди них и враги рабочей власти, надевшие маски революционеров»².

На первом съезде Советов ДАССР в декабре 1921 г. приводились факты, когда окружные съезды бедноты выражали полное недоверие земельным органам, вследствие их прокулацкой деятельности. Такой факт имел место, например, в Хасавюртовском округе³.

На этом съезде была вскрыта практика, когда буржуазно-националистические элементы раздавали помещикам по 200—300 десятин земли, тогда как бедноте выделяли землю в размере 1—2 десятин, и всячески препятствовали конфискации земель князей и беков, активно боровшихся против Советской власти⁴. На первом съезде дагестанской бедноты приводились примеры, свидетельствующие о сохранении в ряде аулов засилья помещичье-дворянской верхушки.

Делегат из сел. Капчугай, Буйнакского округа, отмечал, что «издавна земельные участки их были захвачены князьями. Теперь князья бежали, а остались их многочисленные родственники, которые продолжают систему первых. Землей распоряжаются по своему усмотрению: продают, отдают в аренду, выгоняют бедняков с участков»⁵. Аналогичные примеры приводились и на первой сессии Даг. ЦИК в 1922 г.⁶. Подобной практике в значительной мере способствовала оппортунистическая деятельность некоторых руководителей Народного Комиссариата земледелия ДАССР. Даже на указанной сессии многие из них предлагали «удовлетворить землей по потребительно-трудовой норме» многочисленных родственников одного из злейших врагов Советского Дагестана — князя Тарковского.

Сессия Даг. ЦИК'а решительно осудила подобные вылазки и указала, что деятельность Наркомзема неудовлетворительна и лишена основной линии, направленной к развитию производительных сил малоимущего и среднего хозяйства⁷. Сессия вынесла постановление, в котором говорилось: «деятельность Наркомзема должна быть построена на твердой политике незыблемого сохранения государственной собственности

¹ Газета «Красный Дагестан», 1923, № 161.

² Там же.

³ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 9, д. 1, стр. 17-19.

⁴ Там же, ф. 37 р. оп. 9, 1, стр. 19.

⁵ Там же, оп. 2, д. 9, стр. 76.

⁶ Первая сессия Даг. ЦИК. Темир-Хан-Шура, 1922, стр. 23.

⁷ Там же, стр. 24.

на землю, обеспечения пользования ею исключительно трудового малоимущего и среднего населения»¹.

Преодолевая сопротивление националистических и эксплуататорских элементов, партия и Советское государство проводили политику обеспечения землей безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств. Только в течение первых пяти лет (1920—1925 гг.) существования Советской власти в Дагестане землеустроительными работами была охвачена площадь в 500209 десятин².

По годам эта работа распределялась следующим образом:

Годы	Площадь, охваченная съемкой и землеустройством (в десятинах)
1920	—
1921	5512
1922	24387
1923	102729
1924	125274
1925	242307
Итого:	300209

Из этой площади крестьянам было отведено 436410 десятин, городам — 8708 десятин, с/х товариществам — 957 десятин, фабрикам и заводам — 328 десятин, совхозам и агропунктам — 547 десятин, государственные земельные имущества составили — 53261 десятину³.

Таким образом Советская власть не только освободила трудящихся крестьян Дагестана от феодального гнета, но и передала им земли помещиков и казны, тем самым удовлетворив вековые чаяния горской бедноты. В результате этого социальное лицо дагестанского аула претерпело коренные изменения.

Вопрос о социально-экономических изменениях, происшедших в ауле Дагестана в результате Великой Октябрьской социалистической революции, совершенно не исследован, хотя в ЦГА ДАССР имеются материалы, позволяющие детально разработать эту проблему. Большое значение исследования указанного вопроса определяется и тем, что среди некоторых историков Дагестана до сих пор бытует мнение будто в первые годы после Октябрьской революции в Дагестане преобладал процесс пролетариации аула.

¹ Там же.

² Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1033, л. 125.

³ Там же, стр. 126.

Мы изучили многочисленные документы, характеризующие социально-экономические отношения в исследуемый период, и пришли к выводу, что после Октябрьской революции общая для всего союза тенденция роста беднейших групп крестьянства до уровня середняцких была характерной и для Дагестана, с той только разницей, что вследствие нехватки удобной земли в горах и экономически крайне невыгодной для хозяйств бедноты отгонной системы скотоводства этот процесс здесь развивался несколько медленнее, чем в целом по СССР.

В подтверждение указанного положения приведем данные весеннего опроса 1926 года, которым было охвачено 12100 или 8% всех крестьянских хозяйств. По этим данным в 1926 году между экономическими группами дагестанского аула земля распределялась следующим образом¹:

Группа хозяйств	В % к общему числу х-в	% посеви. площади у каждой группы ко всей посеви. площади
1. Беспосевных	6,8	
2. Имеющих до 2 дес. пашни.	55,2	23,8
3. Имеющих от 2 до 10 дес. пашни.	33,3	59,0
4. Имеющих 10 и выше дес. пашни.	4,7	17,2

Если эту таблицу сравнить с дореволюционными данными, то станет совершенно очевидным значительное повышение обеспеченности пашней бедняцко-средняцкой части крестьянства. Число беспосевных хозяйств с 9,4% в 1917 г. уменьшилось до 6,8% в 1926 г. На 32,2% уменьшилось число хозяйств, владевших посевами до 2 десятин на хозяйство.

Большие изменения произошли и в распределении поголовья овец среди социальных групп.

Суровые климатические условия и недостаток кормов вынуждали горцев держать основную массу поголовья овец вне надельных земель и со своими стадами спускаться на плоскость на зимний период, иногда за 200—300 и больше километров. Мелкие и даже средние животноводческие хозяйства не выдерживали накладных расходов, связанных с перегоном скота, и приходили в упадок. Вследствие этого поголовье овец концентрировалось в руках крупных барановодов-кулаков.

¹ Таблица составлена нами на основе данных, извлеченных из отчета ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов, стр. 19, газеты «Красный Дагестан» и ЦГА МВД ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 115, стр. 11.

Данные бюджетного обследования в 1926 году показывают нам следующую картину доходности грубошерстной овцы в различных по экономической мощи хозяйствах¹.

Группа хозяйств	На одну овцу			В % к доходу 1-й группы
	Валовой доход	Годовое содержание	Условно-чистый доход	
Имеющие до 10 овец	5 р. 13 к.	3 р. 28 к.	1 р. 85 к.	100
От 50 до 100 овец	5 р. 83 к.	2 р. 87 к.	2 р. 96 к.	160
300 овец и более	7 р. 13 к.	2 р. 87 к.	4 р. 26 к.	230

Все это выдвигало на первый план пастбищный вопрос. До революции маломощные хозяйства горских животноводов не могли конкурировать с кулацкими хозяйствами в аренде пастбищ. Экономически мощные кулаки-овцеводы имели возможность арендовать ближние и лучшие пастбищные участки.

С установлением Советской власти положение коренным образом изменилось. Революция отменила частную собственность на землю и сделала ее достоянием всего трудового народа. Это дало возможность Советскому государству вмешаться и в порядок пользования пастбищами.

Партийные и советские органы Дагестана приняли ряд мер для решения пастбищного вопроса. 4 мая 1920 года Дагревком вынес постановление, согласно которому в руки бедноты бесплатно передавались бывшие казенные, бекские и частновладельческие пастбища, а более крупным овцеводам пастбища сдавались в аренду. Для мелких и средних животноводов пастбища отводились в ближайших районах. Крупным хозяйствам выделялись пастбища на левом берегу Терека, чтобы освободить ближайшие участки прикаспийской низменности для маломощных и середняцких хозяйств².

Кроме того, была значительно уменьшена арендная плата за пользование пастбищами внутри Дагестана. Если до революции за аренду пастбища с головы овцы брали внутри Дагестана до 55 коп. (в ценах 1926—1927 гг.), то после революции — лишь 15 коп.³

Политика партии и правительства была направлена на оказание всемерной помощи маломощным животноводам. В 1924—1925 гг. только на приобретение рабочего скота было

¹ Труды Наркомзема ДАССР. Серия работ по земельной форме, вып. 5, Москва, 1928, стр. 35.

² «Красный Дагестан», 1927, 14 сентября.

³ «Красный Дагестан», 1926, 18 октября.

выдано 258 тыс. рублей кредита. Кредиты выдавались, главным образом, бедняцким и середняцким хозяйствам. В результате всего этого в дагестанском ауле произошли значительные изменения: уменьшилось количество безовечных хозяйств, часть бедноты осереднячилась.

К сожалению, мы не имеем возможности проследить этот процесс с первых лет установления Советской власти. Сведения о распределении скота между социальными группами дагестанского аула, которые нам удалось обнаружить в Центральном архиве ДАССР, относятся к 1926 году². Используя их, мы составили таблицу, дающую представление о распределении овец и коз между социальными группами дагестанского аула в 1926 г.³

Группы хозяйств	Количество хозяйств	В % к общему количеству хозяйств
Безовечных	107.008	70,4
имеющих до 50 овец	36.480	24,0
от 51 до 100 овец	4.560	3
от 101 до 500 овец	3.800	2,5
501 и более	152	0,1
Итого:	152.000	100%

Из пяти экономических групп, приведенных в таблице, первые две группы несомненно состоят из бедноты и середняков. В третьей группе также имеется небольшое количество середняков. Дело в том, что различные географические условия в Дагестане требуют различного подхода при определении мощи экономических групп. Если в земледельческой плоскостной части середняцким можно считать хозяйство, имеющее до 50 овец, то в горной, где земледелие не имело большого значения и земли было мало, к середняцким можно отнести хозяйства, имеющие до 100 овец. Четвертая и пятая группы, как и часть третьей, безусловно являются кулацкими.

Приведенная таблица также свидетельствует о значительном сдвиге в дагестанском ауле в сторону осереднячивания животноводов. Количество безовечных с 81,7% в 1917 году сократилось до 70,4% к 1926 году, т. е. уменьшилось на

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1033, стр. 16.

² ЦГА ДАССР, ф. 37р, оп. 19, д. 94.

³ Таблица составлена нами на основании данных ЦГА ДАССР, ф. 39р, оп. 19, д. 94, стр. 324-325 и Отчета Даг. ЦИК'а и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов, стр. 18.

11,3%. Значительно выросла группа, имеющая до 50 голов овец — до 24% в 1926 г. вместо 13,2% в 1917 году. Увеличилось также и поголовье овец у бедняцко-средняцкой группы. Если в 1917 году в их руках находилось 41,3% всего поголовья овец, то в 1926 году это количество возросло до 49% ко всему поголовью¹.

Одновременно из таблицы видно, что Октябрьская революция значительно подорвала позиции кулачества. Во-первых, несколько сократилось число хозяйств, имевших до революции свыше 100 овец: с 2,9% до 2,6% к общему числу хозяйств; во-вторых, уменьшился их удельный вес в общем поголовье овец: с 58,7% до 51%². Тем не менее незначительная кулацкая верхушка аула сумела сохранить в своих руках больше половины поголовья овец и коз. В целях укрепления и развития своего хозяйства кулачество использовало и новую экономическую политику. При введении нэпа В. И. Ленин предупреждал: «Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло»³.

Таким образом, и после Великой Октябрьской революции в дагестанском ауле наблюдается процесс расслоения крестьян. Однако его характер изменился коренным образом. Если в дореволюционном ауле шел процесс «вымывания» середняка, разорения и обнищания основной массы крестьян, то после революции наблюдается уменьшение количества безземельных и бесскотных хозяйств, неуклонный рост благосостояния трудящихся крестьян. В этом росте бедноты до уровня середняков и, следовательно, в сокращении количества мало-мощных хозяйств заключалась коренная особенность классовой дифференциации в условиях советского строя в отличие от капиталистического.

Главную роль в этом процессе сыграли проведенные в результате Великой Октябрьской социалистической революции национализация земли и конфискация помещичьих и казенных земель. Значительную роль в осереднячивании крестьянства сыграла также экономическая политика Советского государства.

В деле укрепления бедняцко-средняцких хозяйств и наступления на кулачество особенно большое значение имела налоговая политика. В 1925 году единый сельскохозяйственный налог для трудового крестьянина был понижен на 40%. В 1926 году из учтенных в Дагестане 152 тысяч хозяйств

¹ ЦГА ДАССР, ф. 37 р, оп. 19, д. 94, стр. 324-325.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 202.

налог платили 55% всех хозяйств, а 45% хозяйств были освобождены от налога. В 1927 году постановлением ЦК и СНК СССР было значительно уменьшено количество бедняцких хозяйств, облагаемых сельхозналогом. Из учтенных 156 тысяч хозяйств налог уплачивали только 33 тысячи или 21% всех хозяйств, а остальные 122 тысячи, или 79% хозяйств были освобождены от налога. Несмотря на уменьшение числа облагаемых хозяйств с 83 тысяч до 33 тысяч, сумма налога повысилась с 509 тысяч в 1926 году до 702 тысяч рублей в 1927 году¹. Сельхозналог всей своей тяжестью ложился на кулацкие хозяйства и, тем самым, всё больше и больше суживал рамки их роста.

В целях укрепления бедняцко-средняцких хозяйств и ограничения кулачества партия и правительство умело использовали и кредит. Для борьбы с кулацким ростовщичеством и планомерного направления свободных средств населения и ресурсов государства в 1924—25 гг. был учрежден Дагсельбанк². За первые же полтора года своего существования Дагсельбанк выдал кредитов на сумму в 1101778 руб. Из этой суммы 419294 руб. долгосрочного кредита и 682438 тысяч рублей краткосрочного³. Эти ссуды, главным образом, выдавались бедняцко-средняцким хозяйствам и ограничивали сферу действия спекулятивного кулацкого кредита. Одновременно велась решительная борьба против ростовщических сделок кулака, особенно против скупки урожая на корню.

Пользуясь затруднениями бедняцко-батрацкой части крестьянства в восстановительный период, кулаки за бесценок скупали урожай хлеба, винограда и других сельскохозяйственных культур на корню, а потом втридорога продавали его тем же беднякам и середнякам.

Для иллюстрации приведем следующие примеры. В 1922 и 1923 гг. цены на хлеб за один два месяца до созревания урожая равнялись 50—60 коп. за пуд пшеницы, на виноград—35—55 коп. за ведро сусла, в то время как на рынке один пуд пшеницы стоил от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 50 коп., а ведро сусла — от 80—90 коп. до 1 рубля⁴. Таким образом, закупка урожая на корню давала кулакам-скупщикам огромные барыши.

Чтобы оградить маломощную часть крестьян от таких ростовщических сделок, правительство ДАССР, во-первых, объявило подобные сделки незаконными и запретило их, во-вторых, выдавало кредит под залог урожая или закупало его

¹ Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов ДАССР, стр. 19.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1033, стр. 15.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 14.

на приемлемых для крестьянина-бедняка условиях. Этим Советское государство ограждало бедняка-горца от кабальных сделок, а следовательно, и зависимости от кулака.

Особое место в системе мероприятий, направленных на подъем хозяйственной мощи бедняцко-средняцкой части крестьянства, занимает манифест ЦИК СССР, опубликованный накануне X годовщины Октябрьской социалистической революции. В связи с этим манифестом с маломощного населения Дагестана была сложена задолженность по ссудам, выданным в период борьбы с последствиями голода. Снятая с бедняцких и середняцких хозяйств кредитная задолженность равнялась 253401 руб., а семссудная — 132400 пудам зерна и 70546 рублей денег¹.

На хозяйства зажиточных элементов эти льготы не распространялись. Больше того, постановление Дагестанского правительства от 9 января 1928 года предусматривало взыскание кредитной и семссудной задолженности с зажиточных хозяйств и обращение ее в фонд кредитования бедноты.

В борьбе за изоляцию кулачества и объединение бедноты вокруг Коммунистической партии большую роль сыграли крестьянские комитеты взаимопомощи. Крестьянские комитеты возникли в Дагестане в 1923 г. как объединения батрацких, бедняцких и середняцких масс.

Уже к 1927 г. в республике имелось 712 сельских и 160 окружных комитетов крестьянской взаимопомощи. К этому времени значительно укрепилась также их материальная база. Если в 1923 г. денежный фонд кресткомов составлял 10 тысяч рублей, то к 1927 г. он возрос до 300 тысяч руб., а в семфонде имелось 11 тысяч пудов зерна. Материальная база кресткомов использовалась для помощи бедноте. Только в 1926 г. трудовая помощь была оказана 18 тыс. бедняцких хозяйств, а денежная помощь бедняцким хозяйствам составила 60 тысяч рублей². Помощь кресткомов освобождала бедноту от влияния эксплуататорских элементов и превращала кресткомы в центры объединения бедняцко-средняцких масс в борьбе против кулаков.

Конфискация значительной части помещичьих земель и передача их бедноте, освобождение бедноты и маломощных середняков от налогов, льготы при предоставлении пастбищ, кредита, машин и другая материальная помощь стимулировали дальнейшее развитие производительных сил республики, способствовали подъему крестьянских хозяйств. Об этом свидетельствуют следующие факты. В 1924—1925 гг. в ауле Рутул Самурского округа насчитывалось 367 хозяйств с общим числом населения в 2674 человек. До Октябрьской революции на отхожие промыслы отсюда уходило до 350 человек.

¹ «Красный Дагестан» от 12 января 1928 г.

² Журнал «Звезда», Орган ДК и ДКК ВКП(б), 1929, № 9(23).

а после революции только 40 человек. Кроме того, из 79 батрацких хозяйств аула 30 хозяйств занялось земледелием¹.

Газета «Красный Дагестан» отмечала, что это являлось прямым результатом льготной для маломощных хозяйств налоговой политики советского государства. Если до революции аул Рутул вносил сельскохозяйственный налог в сумме 3000 руб., то в 1925—1926 гг. только 1015 руб., т. е. на 62,2% меньше, чем в дореволюционные годы². Такая низкая ставка сельхозналога создавала личную заинтересованность бедняка в ведении своего хозяйства и стимулировала развитие крестьянского производства. В результате более половины всех крестьянских хозяйств, которые до революции владели жалкое существование и были вынуждены обращаться к отходничеству, после Октябрьской революции получили возможность значительно улучшить сельскохозяйственное производство и целиком отдаться развитию своего хозяйства. Об этом свидетельствует факт сокращения числа отходников после Октябрьской революции по сравнению с дореволюционным периодом. Так, если в 1914 году в Дагестане было зарегистрировано 83317 отходников, то в 1926 году лишь 33000 человек..³

Национализация помещичьих и казенных земель и передача их трудовому крестьянству, а также политика Советского государства, направленная на всемерный подъем экономического благосостояния бедноты и середняков обеспечили коренной поворот широких трудовых масс горцев на сторону Советской власти и укрепили влияние партии на бедняцко-средняцкие слои крестьянства. На этой основе значительно выросла активность бедноты, о чем свидетельствуют результаты выборов в местные Советы в 1926—1927 гг.

Выборы в 1926—1927 гг. проходили в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Это была борьба между рабочим классом и деревенской буржуазией за овладение основной массой крестьянства — середячеством. От того, на чью сторону станут крестьянские массы — на сторону кулачества или на сторону рабочего класса — зависели советское строительство в деревне и союз рабочего класса и трудового крестьянства.

Исходя из этого, ЦК ВКП(б) неоднократно указывал на необходимость поднятия значения Советов «как подлинных органов пролетарской диктатуры» путем обеспечения широкого участия в них рабочих и крестьянских масс⁴.

¹ «Красный Дагестан» от 27 августа 1926 г.

² Там же.

³ Труды Наркомзема. Серия работ по земельной реформе, вып. 5. М. 1928 г.

⁴ КПСС в резолюциях, ч. II, изд. 7, 1954 г., стр. 355.

Выполняя директивы ЦК партии, дагестанская партийная организация развернула кампанию по объединению и сплочению бедноты. Повсеместно в аулах проводились бедняцкие собрания с участием середняков. Только по четырем округам — Аварскому, Гунибскому, Самурскому и Тляртинскому — было проведено 214 бедняцких собраний, в которых приняло участие более 8500 человек. Эти собрания проходили под руководством коммунистов и при большой активности представителей бедноты и середняков. Попытки кулацких элементов установить свое влияние получали отпор. В нагорном Дагестане были случаи отвода коммунистов, попавших под влияние кулаков¹. Бедняцкие собрания отказывались вносить отчисления на содержание мулл (Лакский округ)². Бюро Обкома партии, подводя итоги отчетно-выборной кампании, отметило, что «бедняцкая масса в основном была готова к осуществлению задач, стоящих перед партией по работе в ауле»³.

В результате явка избирателей на выборы в 1927 г. значительно увеличилась по сравнению с 1926 г. Об этом свидетельствует следующая таблица⁴.

Годы	Участие избирателей в ‰		
	Мужчины	Женщины	Всего
1926	66,9	32,5	50,0
1927	71,9	51,0	61,3

Из таблицы видно, что особенно сильно возросла активность женщины-горянки. Число горянок, участвовавших в выборах в 1927 г., по сравнению с 1926 г. возросло на 18,5 проц.

Женщина-горянка принимала активное участие и в предвыборных собраниях. Горянки требовали точного соблюдения закона о невыдаче замуж малолетних, выдвижения женщин на руководящую работу, усиления карательных санкций за убийство женщин и т. д.⁵ Число женщин членов сельсоветов с 1004 (9,4‰) в 1926 г. возросло до 1945 (14,3‰) в 1927 году⁶.

В ходе отчетно-выборной кампании сельские Советы значительно окрепли. 65,3‰ всех крестьян, избранных в состав новых сельсоветов, являлись освобожденными от сельхозналога бедняками. Число же кулаков едва достигло 3,7‰⁷. Таким

¹ Архив ИМЛ, дела Дагобкома.

² «Красный Дагестан» от 5 июля 1928 г.

³ Архив ИМЛ, дела Дагобкома.

⁴ Таблица составлена нами на основе данных, извлеченных из отчетов ЦИК и СНК ДАССР VI и VII съездам Советов.

⁵ Архив ИМЛ, дела Дагобкома.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

образом, выборы 1927 г. знаменовали собой дальнейшее укрепление аульских Советов и изоляцию эксплуататорских элементов. Отчетно-перевыборная кампания 1927 г. явилась также ярким свидетельством роста влияния партии на широкие массы трудящихся крестьян. Удельный вес коммунистов и комсомольцев в составе сельсоветов вырос с 9,6% в 1926 году до 14,6% в 1927 году¹.

Наряду с этим выступления бедняцких собраний против позиции, занятой кулачеством и духовенством по отношению к мероприятиям Советской власти, показали, что крестьянство Дагестана в значительной мере освободилось от влияния духовенства и было готово к ликвидации тех уступок, которые были сделаны Советским государством эксплуататорским элементам в первые годы после Октябрьской революции. Бедняцкие собрания и сходы, которые происходили в 1926—27 гг., требовали изъять вакуфные и другие земли нетрудовых элементов.

Исходя из требований бедноты, партийная организация республики повела решительную борьбу за полное изъятие вакуфного имущества. Постановление об изъятии вакуфов было опубликовано в январе 1927 г. Проведение конфискации вакуфов было поручено органам бедняцко-средняцких масс—комитетам крестьянской взаимопомощи.

Постановление об изъятии вакуфов вызвало большой размах творческой активности трудового крестьянства. Беднота выявляла вакуфные земли и передавала их безземельным и малоземельным крестьянам.

Особенно успешно проходило изъятие вакуфов там, где местные партийные организации сумели возглавить инициативу бедноты и середняков. Так обстояло дело, например, в Буйнакском округе. Окружной комитет партии разослал во все аулы своих уполномоченных, которые провели на местах собрания партийных ячеек совместно с представителями бедноты и середняков и сумели подготовить крестьянство к ликвидации вакуфного землевладения. В результате уже к концу лета по Буйнакскому округу в руки кресткомов перешло пахотной земли — 870 десятин, сенокосов — 363 десятины, денег — 5485 руб., пшеницы — 5096 пудов, муки — 152 пуда, два дома, 5 медресе и другое имущество на сумму более 30197 руб. Крестком, реализовав часть полученного вакуфного имущества, в целях помощи бедноте приобрел 5 тракторов, 1 жатку, 1 сенокосилку, 1 сортировку, 2 кукурузных молотилки и 25 плугов². Областной комитет партии отметил

¹ «Красный Дагестан» от 5 июля 1928 г.

² Журнал «Звезда». Орган ДК и ДКК ВКП(б), № 6(8) за 1927 г., стр. 45.

«удовлетворительное проведение кампании по изъятию» вакуфов в Буйнакском округе¹.

В ходе ликвидации вакуфного имущества уже к 1928 году в распоряжение кресткомов перешло 212702 руб. деньгами, 6958 десятин земли, домов — 88, медресе — 6, мельниц — 42 и другое имущество. В результате значительно выросла материальная база кресткомов. Доходы с предприятий в 1928 г. по сравнению с 1926 г. выросли более чем в четыре раза, машин вместе с тракторами у кресткомов в 1926 году было 37, а в 1928 г. — 141².

Рост материальной базы кресткомов привел к значительному увеличению помощи бедняцким хозяйствам: с 24722 руб. в 1926 г. до 71282 руб. в 1928 г. Безземельной бедноте кресткомы передали 5500 десятин земли, изъятой у вакуфов. Кроме того, многие бедняки бесплатно пользовались машинами кресткомов³.

Надо отметить, что изъятие вакуфов не везде проходило успешно. В ряде районов вследствие неудовлетворительной подготовки местных партийных и советских организаций к осуществлению этого мероприятия и сопротивления классового врага, которому иногда удавалось направить деятельность местных органов власти в нужном ему духе, изъятие вакуфов по существу было сорвано. Несмотря на то, что ликвидацию вакуфов нужно было закончить к октябрю 1928 г., к этому времени в некоторых районах изъятие земли у мечетей даже не было начато. Так обстояло дело, например, в Даргинском и некоторых других округах⁴. В результате наблюдалось неполное изъятие вакуфной земли.

По требованию бедноты в 1927 г. было также предпринято выселение помещиков и изъятие их земли и имущества.

Как указывалось выше, и после Великой Октябрьской революции в Дагестане осталось более 200 помещичьих хозяйств, в руках которых сохранилось 75,4 тыс. га земли. В связи с этим газета «Красный Дагестан» 24 июня 1925 г. отмечала, что сохранение части помещиков и их землевладения вызывает недовольство бедняцких слоев населения. Партийная организация республики не раз ставила вопрос о выселении помещиков из Дагестана. Однако кулацкие и правооппортунистические элементы, проникшие в землеустроительные и другие органы, ссылаясь на различные технические причины, всячески тормозили проведение этого мероприятия. На июльском пленуме ЦК ВКП(б) в 1925 г. указывалось, что «вопрос о помещиках стоит давно, а выселить их не можем: делаются

¹ Там же, стр. 4.

² «Красный Дагестан» от 9 декабря 1928 г.

³ Там же.

⁴ «Красный Дагестан» от 18 февраля 1927 г.

ссылки на то, что они засеяли хлеб, необходимо дать им возможность снять данный урожай и т. д. А вслед за этим они приступают к новому севу и опять остаются, а в крестьянской бедноте растет по этому поводу недовольство»¹.

Лишь 14 апреля 1927 г. было опубликовано постановление ЦИК и СНК ДАССР о выселении в месячный срок помещиков с их семьями². Для подготовки и проведения этого мероприятия при ЦИК Дагестана была создана Центральная комиссия. На местах при окрисполкомах были созданы окружные комиссии, в задачи которых входило выявление хозяйств помещичьего типа и представление данных о них в Центральную комиссию.

Выселение помещиков проходило в атмосфере ожесточенной классовой борьбы. Буржуазно-националистические элементы приложили немало усилий, чтобы сорвать проведение в жизнь постановления партийной организации и правительства Дагестана о выселении помещиков. Значительные искажения правооппортунистического толка были допущены и Центральной комиссией. Комиссия проводили всю свою работу в отрыве от бедняцко-средняцких слоев крестьянства. Нередко она, по существу, тормозила работу окружных комиссий и выступала в качестве покровителя помещиков. Так, Кизлярская окружная комиссия представила материалы на выселение 21 помещика, однако, Центральная комиссия не удовлетворила ходатайство Кизлярского округа. Несмотря на требования Самурского окружного комитета ВКП(б) не были выселены бывшие беки из аула Рутул.

Аналогичные факты имели место и в Дербентском округе. Дербентский окружной исполнительный комитет собрал материалы и послал их в Центральную комиссию с просьбой выселить из округа бывшего князя Абдурахмана Алиева. В материалах указывалось, что Алиев попрежнему эксплуатирует бедноту, избивает своих батраков. Несмотря на это Центральная комиссия отказала в его выселении на том лишь основании, что Алиев является отцом заместителя Наркомздрава. После настойчивых требований окружного комитета ВКП(б) и исполнительного комитета Алиева все же удалили из его имения. Однако из Наркомзема в Дербентский окружной комитет поступило новое указание, что его нужно оставить на месте и дать ему землю³.

В итоге из 204 помещичьих хозяйств, выявленных в ходе подготовительных работ, только 54 хозяйства были выселены с конфискацией земли, скота, сельскохозяйственного инвента-

¹ «Красный Дагестан» от 24 июня 1925 г.

² «Красный Дагестан» от 24 апреля 1927 г.

³ «Красный Дагестан» от 3 июля 1928 г.

ря и остального имущества¹. Из 75,4 тысячи га земли, находившейся в помещичьем владении в фонд наделения бедноты перешло лишь 38900 га².

Характерно, что комиссия постановила выселять только тех помещиков, которые до революции принадлежали к дворянскому сословию. Поэтому многие владельцы крупных хозяйств остались на месте.

Правооппортунистические ошибки были допущены и при распределении имущества, конфискованного у помещиков. Вместо того, чтобы передать это имущество колхозам, совхозам или обратить в средство укрепления обобщественного сектора, оно частично было продано с торгов, частично передано товариществам, где заправляли кулаки. И если иметь в виду, что в торгах мог участвовать каждый, имеющий деньги кулак, то станет очевидным, что значительная часть имущества попала из рук одних эксплуататоров в руки других.

Из сказанного ясно, что выселение помещиков не имело того политического и хозяйственного значения, которое хотело придать ему Советское государство. В распоряжении помещиков осталось 36500 га земли⁴. Многие из них сохранили дореволюционные размеры хозяйства. Так, в предгорном Кюринском округе в селении Киндик в 1927 г. помещик Хан-Магомедов имел 44 десятины пашни, 22 десятины сенокоса, 1800 десятин пастбищ, 500 лошадей, 25 коров, 8 рабочих быков, 8 буйволиц, 8 буйволов и 1500 овец; в том же округе помещик Ридза-Арджанов имел 70 десятин пашни, 70 десятин сенокоса, 80 лошадей, 80 коров, 1500 овец, 12 буйволов и буйволиц⁵. Из Табасаранского округа не были выселены многие помещики, имевшие по 50—70 дес. пашни и по 100—150 десятин сенокоса⁶.

Однако, несмотря на все эти недостатки и извращения, изъятие вакуфов и выселение помещиков имело немалое политическое и хозяйственное значение. Беднота и середняки в значительной степени освободились от экономической зависимости и политического влияния феодально-клерикальной верхушки аула. Изъятие вакуфов и частичное выселение помещиков способствовало развитию производительных сил аула и экономическому подъему бедноты. Наблюдается дальнейшее осереднячивание дагестанского аула. Об этом свидетельствуют материалы экспедиции Дагестанского Обкома

¹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 17, д. 204, стр. 6.

² «Красный Дагестан» от 24 апреля 1927 г.

³ «Красный Дагестан» от 31 октября 1929 г.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 1, д. 3а, стр. 2.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 10, д. 13, стр. 2.

⁶ Там же.

ВКП(б) по изучению классового расслоения аула. Из этих материалов видно, что в 1928—1929 г. батрацко-бедняцкая группа с 62% в 1926 г. уменьшилась до 52,1%, а середняцкая выросла с 33,3% до 43,1%. С 4,7% до 5,1% увеличилась также кулацкая группа¹. Одновременно эти данные свидетельствуют о том, что несмотря на огромные изменения, в дагестанском ауле продолжался процесс классовой дифференциации, который вел к некоторому росту кулачества. Кулацкое хозяйство, как хозяйство более крупное и обеспеченное живым и мертвым инвентарем имело больше возможностей для применения в земледелии более высокой техники и агрикультуры и, как правило, не могло существовать без наемного труда, без аренды земли и сдачи в аренду сельскохозяйственного инвентаря.

В 1927—1928 гг. дагестанская беднота, составлявшая более половины всех крестьянских хозяйств, владела лишь 25,6% всех средств производства, а кулачество, едва превышавшее 5% всех хозяйств — 28,8% всех средств производства. На одно кулацкое хозяйство приходилось инвентаря в 15 раз больше, чем на одно бедняцкое хозяйство². И это в условиях Дагестана, где на сто хозяйств приходилось 12,8 единицы орудий вспашки, в то время как по Советскому Союзу это количество достигало 72 единиц. 59,9% всех крестьянских хозяйств Дагестана вообще не имели пахотного инвентаря³, 33,2% хозяйств не имели рабочего скота⁴. Поэтому до 33% бедняцких хозяйств были вынуждены прибегать к аренде у кулачества живого и мертвого инвентаря. За аренду они были обязаны отработать на земле кулака или расплатиться с ним частью урожая⁵.

Наряду с этим в сельском хозяйстве Дагестана широко использовался наемный труд. Какие же социальные группы продавали свою рабочую силу и какие группы нанимали ее? Ответом на этот вопрос могут служить приводимые ниже данные 1928 г.⁶

Группа	Продажа рабочей силы	Наем рабочей силы
Батраки	99	—
Бедняки	36	1,6
Средняки	8	7,4
Кулаки	5	145,0

¹ Журнал «Плановое хозяйство Дагестана», 1930, № 3-5, стр. 29.

² Труды Наркомзема ДАССР. Серия работ по земельной реформе. Вып. 5. М. 1928, стр. 35.

³ Журнал «Плановое хозяйство Дагестана», №№ 5-6, 1928, стр. 77.

⁴ ЦГА ДАССР, д. 37, оп. 19, д. 115, стр. 12.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 146, стр. 102.

⁶ Журнал «Звезда». Орган ДК и ДКК ВКП(б). № 1-2, 1930, стр. 58.

Таблица свидетельствует, что основным поставщиком рабочей силы являлась батрацко-бедняцкая часть дагестанского крестьянства, которая была лишена земли и средств производства. Из 167 тысяч крестьянских хозяйств, учтенных в Дагестане в 1928 г., 35 тысяч составляли батрацкие хозяйства¹. Таблица показывает также, что середняк больше нанимался, чем нанимал. Всю продающуюся рабочую силу нанимал кулак, который наживался на дешевом труде дагестанской бедноты.

Таким образом, в дагестанском ауле, как и по всей стране, сохранились арендные отношения и наем труда, которые способствовали росту и укреплению частнокапиталистического сектора в лице кулачества.

Партия и правительство видели это положение и тщательно изучали отношения, связанные с наемным трудом, арендой земли и сельскохозяйственного инвентаря и принимали все меры к регулированию этих отношений, к ограничению и вытеснению эксплуататорских элементов. Видное место среди этих мероприятий занимали Временные правила по применению наемного труда и регулированию арендных отношений в крестьянских хозяйствах.

Таким образом в результате осуществления мероприятий партии и правительства был обеспечен подъем материального благосостояния маломощных хозяйств.

Коммунистическая партия и Советская власть неуклонно проводили политику всемерной помощи бедняцким и середняцким хозяйствам, ограничения и постепенного вытеснения капиталистических элементов. В этих целях использовались, во-первых, налоговая политика, во-вторых, землеустройство, в-третьих, кредитование крестьян, в-четвертых, ограничение возможности роста капитализма в деревне на почве аренды земли, скота, инвентаря, и найма рабочей силы.

Однако, несмотря на колоссальные изменения, происшедшие в ауле в тот период, мелкотоварное хозяйство занимало здесь господствующее положение. В. И. Ленин указывал, что такое хозяйство ежедневно, ежечасно порождает капитализм. Советское государство не могло «отменить» этой закономерности, оно лишь ограничивало ее действие.

Преобладание мелкотоварного хозяйства в сельском хозяйстве ставило под угрозу завоевания Октябрьской революции. Поэтому с первых дней Советской власти перед нашим государством встала задача — обеспечить в сельском хозяйстве, как и в промышленности, господство социалистического уклада. Эта задача была осуществлена в результате проведения политики индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

¹ Журнал «Звезда», орган ДК и ДКК ВКП(б), № 1-2 за 1930 г., стр. 57.

Г.-А. Д. ДАНИЯЛОВ
Кандидат исторических наук

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЕ И ХАРАКТЕРЕ ДВИЖЕНИЯ ГОРЦЕВ ПОД РУКОВОДСТВОМ ШАМИЛЯ

Величественная программа коммунистического строительства, принятая XX съездом КПСС, предъявляет к работникам общественных наук требования всемерного усиления разработки важнейших вопросов исторической науки, укрепления ее связи с жизнью, поворота к практике хозяйственного и культурного строительства.

Разработка важнейших проблем исторической науки должна строиться так, чтобы она правильно, с марксистско-ленинских позиций, освещала вопросы истории народов нашей страны, помогала повышать сознательность трудящихся, совершенствовать практическую деятельность народа, обеспечивала полный расцвет духовных качеств советского человека.

Историческая наука будет тем более действенной, чем быстрее будут устранены элементы конъюктуры, догматизма и чуждичества, доктринерского отношения к теории, к разрабатываемым проблемам.

Разработка важнейших вопросов истории нашего народа, в частности, истории национальных окраин бывшей царской России, не должна подменяться пережевыванием цитат и общими рассуждениями.

Как указал XX съезд нашей партии, борьба против догматизма и формализма, субъективистского отношения к научной проблеме, за творческий подход к историческим вопросам, разоблачение всех и всяческих концепций буржуазных апологетов и извращений в области исторической науки — главная задача работников общественных наук.

После XX съезда партии работники исторической науки смело взялись за исправление тех извращений, которые были допущены в тех или иных вопросах истории. Известно, что как в истории СССР, так и в истории КПСС таких извращений было не мало.

Не останавливаясь на других вопросах, отметим, что подобное извращение и превратное толкование было допущено и при оценке движения горцев под руководством Шамиля в первой половине XIX века. Главную роль в этом сыграл Багиров. Не имея достаточных оснований и фактического материала, он одним росчерком пера превратил в англо-турецких ставленников горцев Дагестана, которые более 40 лет вели военные действия против царских колонизаторов.

Великий Ленин учит нас подходить к изучению истории того или иного народа, к анализу исторических событий, отдельных фактов и явлений с позиций исторического материализма. Если вопрос вызывает сомнения и требует пересмотра, нужно проводить обсуждения, дискуссии с привлечением широкого круга работников исторической науки, общественности и после этого, разобравшись во всех деталях, определить свои взгляды в этом важном историческом вопросе. Однако Багировым этого не было сделано. Он выступил на страницах печати с извращающей факты, фальсификаторской статьей, и тем самым бесчестным образом извратил историю.

Вместо того, чтобы тщательно изучить конкретные факты, без всякой лакировки и приукрашивания дать правдивую оценку движению горцев в XIX веке, отдельные историки встали на неправильный путь. Переосмысливая историческую действительность, исходя из соображений конъюктуры, они выступили с ложных позиций и тем самым запутали вопрос и, сами того не понимая, приукрасили колониальный режим царизма, подошли к освещению истории национального движения без учета всей сложности национального вопроса. Другими словами, к освещению национально-освободительной борьбы горцев они подходили вне связи с конкретной обстановкой и условиями, которые ее породили.

Против такого формального отношения к решению вопросов исторической науки выступил и XX съезд нашей партии. Вот почему нам думается, что правы товарищи, рассматривающие движение горцев против царизма с тех позиций, с которых оно трактовалось, начиная с периода Октябрьской революции до 1950 года, и выступающие против субъективистско-формального отношения к данному вопросу, против неправильного освещения и извращений, допущенных в оценке движения горцев под руководством Шамиля.

Рассматривая данный вопрос, мы должны избежать двух крайностей: во-первых, одностороннего освещения вопроса, без выяснения и показа реакционных черт мюридизма, как религиозной идеологии, отразившихся на моральном облике горцев; во-вторых, упорного отрицания прогрессивного, национально-освободительного характера войны горцев против царской России.

Эклектика и компромисс в исторической науке приводят к извращениям, и поэтому, анализируя весь комплекс вопросов, связанных с борьбой горцев против царизма, мы должны сделать правильные выводы и обобщения и дать правдивую оценку антиколониальной войне первой половины XIX в. на Северном Кавказе. Для этого нам требуется хотя бы вкратце рассмотреть: 1) общественное устройство горцев Дагестана в первой половине XIX в.; 2) колониальную политику царизма в Дагестане; 3) социальную базу и характер движения горцев; 4) реакционные черты движения, порожденные мюридизмом, как религиозной идеологией.

* *

*

Дагестан, по образному определению древних авторов, — «страна гор», являющаяся в то же время «горой языков».

Население Дагестана по переписи 1886 года состояло из 81 народности, из которых к коренному населению относилась 31 народность. Едва ли в мире была другая столь мозаичная в отношении национального состава, быта и культуры страна, как Дагестан, где на протяжении тысячелетий причудливо переплетались самые различные исторические события.

На сравнительно небольшой территории Дагестана совмещаются разнообразные природные условия, начиная от песчаных пустынь и субтропических лиановых лесов низовья Самура до альпийских лугов и снеговых вершин швейцарского ландшафта. По рельефу Дагестан может быть разделен на четыре зоны: приморскую низменность, пояс предгорий, внутренний горный Дагестан, высокогорный или альпийский Дагестан.

Древнейшими насельниками, аборигенами суровых дагестанских гор, как это показывают археологические раскопки, являются горцы. Они живут здесь более 40 тысяч лет. При этом какой бы замкнутостью и консерватизмом он отличался в прошлом быт дагестанцев, сменявшие друг друга во власти над Дагестаном хазарские, арабские, персидские и турецкие захватчики оказали большое воздействие на общественную и юридическую организацию горцев Дагестана, оставили заметный след на их нравственных представлениях, повседневном складе жизни и обычаях.

Несмотря на исключительную национальную пестроту и отсутствие общего языка, одинаковые условия жизни, экономики и общие исторические судьбы выработали из различных народностей общий национальный тип. Необходимость защиты от чужеземных завоевателей приводила к единению

народностей Дагестана; несмотря на их разноязычие и этнические особенности, они безусловно представляли и представляют единый дагестанский народ. Связанные общностью экономики, быта и культуры, жители этого края осознают себя, как единый дагестанский народ.

Этот малочисленный, экономически отсталый, заброшенный в глухие ущелья народ, начиная с IV века нашей эры, постоянно вел борьбу против иноземных завоевателей. В течение этих столетий эволюция форм общественного строя народностей Дагестана происходила в условиях борьбы, была подчинена потребностям самообороны. Война с завоевателями приводила к ломке самобытных общественных отношений и в конечном итоге ставила задачи создания централизованного государства. Вот почему вопрос о процессе исторического развития горцев Дагестана и степени русского и чужеземного влияния на них является важнейшим вопросом истории этого края.

В настоящее время вопросы исторического развития народов Дагестана вызывают в кругах советских историков большой интерес, но трактуются они часто неправильно.

В 1953 году Государственным издательством Грузинской ССР был выпущен сборник «Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов». Авторы сборника, стараясь показать «особую роль» Грузии в Кавказской войне, грубо искажают историю народов Дагестана, движение мюридизма и Шамиля.

Прежде всего следует отметить, что составители этого сборника совершенно не знакомы с особенностями экономического и политического развития Дагестана как до XIX, так и особенно XIX века. Это видно из того, что они неправильно характеризуют общественный строй народов Дагестана. Они пишут: «Омусульманившиеся горские племена Дагестана, Чечни и Черкессии, застрявшие в основном на общинно-родовом укладе социально-экономической жизни, в конце XVIII и начале XIX вв. переживали процесс феодализации. Племенно-родовые общины этих народностей жили отсталой хозяйственной жизнью, разрозненные друг от друга, одурманенные и забытые первобытной религией. Только верхние слои населения, выделившиеся в процессе феодального разложения этих общин, восприняли распространяемую со второй половины XVIII века мусульманскими муллами монотеистическую религию ислама, сыгравшего некоторую роль в деле объединения горских народностей на «священную войну» с Россией»¹.

Чтобы показать насколько путанны и вредны высказывания авторов сборника, сошлюсь на следующее.

¹ Предисловие к сборнику, стр. III-IV.

Развитие общественных отношений народов Дагестана характеризовал постепенный хозяйственный подъем. Население росло, параллельно развивалось земледелие, садоводство, виноградарство и животноводство, развивались торговля и промыслы. Продукты и изделия Дагестана находили себе сбыт далеко за пределами Кавказа.

По сведениям Масуди, на территории современного Дагестана в середине X в. были следующие «царства» во главе с «царями»: царство лакзов, Табасаран, Джидан со столицей Семендером, Серир, Ал-Керуж во главе с Берабаном, Гумик, Зиригеран¹.

У Белазури (X век) в связи с событиями VI—VIII вв. упоминаются следующие «царства»: Серир, Филан во главе с Филаншахом, Табасаран, Ал-Лак во главе с Джурджаншахом, Зирихгеран, Хамана, Гумик (Туман)².

Большую часть западного и северо-западного Дагестана занимало «царство» Серир. В. В. Бартольд справедливо утверждал, что Серир занимал территорию, населенную аварцами. Многие исследователи также локализуют его в этих местах. В X в. «царь» Серира вносил титул филаншаха и, как сообщает историк начала X века Ибн-Русте, звали его Авар³.

Средневековый Серир — самое крупное и самостоятельное политическое объединение в Дагестане. Как сообщает Масуди, царь Серира с успехом воюет с хазарами и царь Алан, имеющий в своем распоряжении тридцатитысячное войско, входит с царем Серира в родственные связи.

В Серире особенно четко наблюдается классовое расслоение. Масуди сообщает, что престол в Серире стал наследственным. Но сделать власть наследственной можно лишь при усилении власти и увеличении богатства «царя» и его семьи, а также при наличии поддержки со стороны определенной социальной группировки. В X в. мы уже видим у царя Серира дружину, которая выделилась из основной массы соплеменников и жила вместе со своим «царем» в отдельном замке. Замок этот «имеет 4 фарсаха в длину и столько же в ширину, и окружает его стена из камня. В ней находится казнохранилище царя.»⁴

¹ Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. Сб. материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Вып. 38, стр. 42, 43, 51, 52.

² Баладзори. Книга завоевания стран. Пер. с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 7, 16, 19.

³ Ибн-Русте. Из «Книги драгоценных камней». Пер. с арабск. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. 32, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 47.

Опираясь на эту силу, «царь» устанавливает личную зависимость населения Серира и применяет эксплуатацию чужого труда: «царство это, — пишет Масуди, — содержит 1200 поселений, из которых царь берет себе в рабы кого угодно»¹.

Факт социального расслоения подчеркнут и в сведениях Гардизи (XI в.), писавшего, что у царя Серира «два престола, золотой и серебряный. На золотом он сидит... сам, на серебряном сидят его придворные»².

Складывавшиеся в Дагестане феодальные отношения нашли идеологическое оправдание в религии.

Задолго до XV века в южном Дагестане крупным феодальным владением являлось Дербентское ханство. Во главе этого ханства стояли наследственные правители, которые имели право самостоятельной чеканки монет. Население Дербентского ханства находилось в полной феодальной зависимости. В XV в. Дербентское владение оказалось в составе крупного ханства ширваншахов. Правители феодального Ширвана Халил-Лулах I (1437—1462) и Фаррух-Ясар (1462—1500) старались сохранить свое влияние над Дербентом, областью Цахур, Кайтаг и районом Ахты. Феодальные порядки Ширвана были распространены и на этой подвластной территории.

Помимо Дербентского феодального владения в Дагестане становятся известными шамхальство Казикумухское, Аварское ханство, уцмийство Кайтагское и майсумство Табасаранское. Наиболее крупными из них были ханство Аварское и шамхальство Казикумухское. То, что они были крупными феодальными владениями, подтверждают источники. Один из местных историков Мухаммед-Рафи в 1313 г. сообщает, что в «благословенной», прекрасной Дагестанской стране существовали многие виды податей, налогов и десятин от всех обитателей страны в пользу «презренных государей», «творцов жестоких дел».

Источники XIV в. сообщают о том, что, наряду с шамхалом Казикумухским и ханом Аварским, в стране имелось множество мелких феодалов, знати и духовенства. В конце XIV и начале XV в. Аварские ханы распространили свою власть далеко за пределы Аварии. Аварский хан, сообщает Мухаммед-Рафи, «получал доход со всех владений, и ему посылались

¹ СМОМПК, вып. 38, стр. 53.

² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию. Записки АН. VIII серия, ист.-филол. отдел, т. I, № 4, стр. 124.

все подати, налоги и десятины от всех обитателей Дагестана, начиная от страны черкесов до Шемахи». ¹

Из сохранившегося завещания аварского нуцала Андуника видно также, что это ханство было крупным феодальным владением ². Наряду с шамхальством Казикумухским и ханством аварским, феодальные отношения укреплялись в уцмийстве Кайтагском и майсумстве Табасаранском. Здесь эксплуататорами выступали ханы, уцмии, майсумы, беки и духовенство. Эксплуатируемые представляли собой многочисленный слой крестьян, райятов и рабов. Они находились в феодальной зависимости и принуждены были вносить натуральную ренту зерном, скотом и т. д., а также выполнять различные работы в пользу феодала и бека.

Чтобы наглядно показать могущество Аварского ханства в конце XVIII века приведем документ, который хранится в рукописном фонде ИИЯЛ. Согласно этому документу Аварское ханство получало от входивших в него селений подати и различные сборы; все селения должны были выставить ополчение и были подвластны хану.

Подати аварскому хану ³:

С жителей Верхнего Арадериха по две мерки голого ячменя с дыма; у кого имеется стадо овец — с него бзж ⁴ и два ягненка, две шали, они же должны платить 3 хвалченбухьи ⁵ (надеть шашку) стоимостью каждый 6 руб., всего 18 руб.

С жителей Среднего Арадериха по мерке голого ячменя с каждого двора; у кого стадо овец, то с него бзж и два ягненка, с жителей аула — две шали (сукно кавказское) и хвалченбухьи, стоимость которого составляет 18 руб.

С жителей Нижнего Арадериха (Энцила) с каждого двора два бзж с каждого, у кого имеется стадо овец — два ягненка, со всего аула — две шали (сугъур) и стоимость хвалченбухьи — 18 рублей.

С жителей аула Игали — 25 мерок виноградного сока для правителя; кроме того они (игалинцы) обязаны хунзах-

¹ Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи. «Сб. св. о кавк. горцах», вып. V, Тифл., 1871, стр. 10-11; Аварские народные сказания, «Сб. св. о кавк. горцах, вып. II, Тиф. 1861, стр. 6, А. Бакиханов. «Гюлистан-Ирам», Баку, 1926, стр. 51; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Изв. русского географ. общ-ва, т. XX, стр. 388.

² Завещание Андуника. Перевод с арабского М. С. Саидова. Рукоп. фонд ИИЯЛ, оп. 2, д. 1356.

³ Перевод с арабского М. С. Саидова.

⁴ Слово, видимо, арабское и его значение выяснить не удалось.

⁵ Дословный перевод: ношение сабли. Видимо, налог, установленный в честь совершеннолетия ханского сына, вносимый всеми гражданами аулов.

скому Майиндуру 16 мерок виноградного сока, 12 мерок лука и 8 мерок лаклак¹.

С жителей аула Верхн. Инху 25 корзинок винограда.

С жителей Нижн. Инху 33 мерки виноградного сока и одну козу, для того, чтобы нарезать сборщикам подати.

С жителей аула Читль 6 мерок виноградного сока или же 12 мерок кукурузы или другого зернового хлеба.

С жителей аула Тлох: с бештисел 2¹/₂ мерки виноградного сока, у кого стадо овец — два ягненка, у кого козы — два козленка.

С жителей аула Килатль две с половиной мерки пшеницы и две мерки проса с каждого двора.

С жителей аула Хиндалал с каждого двора по одной мерке и 3 четверти² пшеницы, две мерки проса и один трехгодовалый петух; с (тех), у которых овцы имеются — бзж, у тех, у которых имеются козы — годовалый козел.

С жителей аула Хиндал 60 посохов толщиной в указательный палец и длиной 3 локота (натI) белые, гладкие, ровные, и 60 жалобов и шесть мерок золы из дерева грецкого ореха, просеянной (через сита).

С них с каждого двора по две мерки пшеницы и по мерке проса и полумерки проса называемой богол рикьи¹. Если ослы вошли во двор, где собраны подати, и мочилась там хоть одна корова до взвешивания пшеницы, с виновного взимается в виде штрафа телка.

С рода Околал из Хиндаха 40 (мерок) пшеницы. Со всего населения 32 мерки жудухь муц¹, которые получаютс в кунацкой, и 40¹/₂ мерки проса, называемого лъел рикьи¹. Они же должны 40 мерки пшеницы очищенной, готовой к помолу, четыре мерки пшеницы, называемой якунж¹ и 12 мерок овса.

С жителей аула Орота 112 мерок, из них половина — пшеница, а другая половина — просо. Одна мерка измеряется тремя четвертями. У кого есть овцы — один бзж, у кого козы — годовалый козел.

С жителей аула Харахьи 264 мерки, из них половина — пшеница, а другая половина — просо; в местности Хогрикь с каждого дома Хиндалалая, но не с горцев по 4 саха² пшеницы и по 4.саха² проса; однако Солтан Ахмедхан снизил с них подати до 2 четвертей пшеницы и двух четвертей проса, один бзж с пастуха овец. Харахинцы обязаны были подвести пшеницу и просо в дом нуцала и развести удобрения нуцала на своих ослах к пахотным местам нуцала; когда хунзахцы начинают полевые работы, они должны явиться со своими ослами, мешками и веревками и не имеют права вернуться

¹ Значение этого слова не выяснено.

² В оригинале сагI.

домой до тех пор, пока не расчистят окончательно конюшни и хлевы нуцалов.

С жителей аула Амишта 30 мерок голого ячменя и один ратал¹ железа.

С жителей аула Целмес с каждого двора по 3 мерки пшеницы; с каждого, у кого окотилось десять овцематок, полагается отборный ягненок и со всего аула один ратал железа.

С жителей аула Мушули с каждого двора по одной мерке пшеницы и по одной мерке проса; раньше с них полагалось по две мерки пшеницы с каждого двора.

С жителей аула Бакда Амуши с каждого двора по две корзины (гъегъ) винограда, по одной мерке чеснока, по одной мерке лука, со всего аула один ратал железа; у кого стадо овец — бзж, у кого козы — годовалый козел (хЮргец).

С жителей аула Хонда Амуши с каждого двора по мерке чеснока, по мерке лука; с них полагается и 34 корзины винограда; у кого из них имеется стадо овец, полагается бзж, у кого из них имеются козы — годовалый козел (хЮргец); один ратал железа.

С обоих аулов также полагается 40 мерок виноградного сока наряду со всеми вышеуказанными податями.

С жителей аула Ортаколо с каждого двора по одной мерке лаклак, по одной мерке лука и по одной корзине винограда.

С жителей аула Муни 180 мерок лаклака, сорок корзины винограда, три шали (сугъур) и с каждого хлева в местности Дангиз по одной шали.

С жителей аула Кванхидатль 90 мерок соли.

С жителей аула Энхелу 40 мерок виноградного сока и 10 мерок соли.

С жителей аула Ботлих, когда правитель отправляется в Бурт, шесть козлов.

С жителей аула Миарсу двадцать мерок проса и тридцать мерок виноградного сока.

С жителей аула Годобери 30 ягнят после стрижки шерсти.

С жителей аула Тандо 25 овец.

С жителей аула Ансалта 25 овец.

С жителей аула Зибирхалиб 40 бзж.

С жителей аула Бурти 20 овец, 2 ягненка или козленка.

С жителей аула Хириб (Хъириб) по одному ягненку с каждого двора.

С жителей Абасу (Габасу) 20 овец.

С жителей населенных пунктов СатЮ, Гъинди, МаккайичА также 20 овец.

¹ 6½ фунтов.

С жителей населенного пункта Лъондохъ 10 овец.

С жителей населенного пункта Зикариб 20 овец.

С жителей населенных пунктов Хаду и Монох то же самое.

С жителей аула Шекъери 34 овцы и с каждого двора по козе или по два ягненка.

С жителей населенного пункта Хъару 40 овец и 40 ягнят.

С жителей аула Гъакъмада то же самое.

С жителей аула Лъинду 12 овец и 12 ягнят.

С жителей населенного пункта Санакъори 20 овец.

С жителей населенного пункта Хонолъи 4 овцы и 4 ягненка.

С жителей населенного пункта Къеселу 12 овец и 4 ягненка.

С жителей населенного пункта Жонсо с каждого двора по овце и одной корове.

С жителей населенного пункта Гъашины по овце с каждого двора.

С жителей населенного пункта Хъаширу то же самое.

С жителей населенного пункта Ламагъ Жари то же самое.

С жителей населенного пункта КахIачIараб то же самое.

С жителей населенного пункта Къакъади 3 овцы и одну козу.

С жителей населенного пункта Чичиникъ одну корову и 6 руб. (гъуруш).

С жителей населенного пункта ХIалтIи 100 мерок ячменя.

С жителей аула Гъима 60 овец и 3 козы.

С жителей аула Кванхи 21 шт. овец.

С жителей аула Чадири 50 овец и 3 годовалых барапа.

С жителей аулов Къиди, Сасикъ, Сильди, Гъакъу с каждых 20 овец, находящихся на пастбищной горе, по одному ягненку.

С жителей Сили и Гъаквари с каждого чабана на пастбищной горе ГъагIамал по две овцы.

С жителей Верхнего и Нижнего Хъваршини, Сихал, БутIалъи тридцать овец.

С жителей аула Хушати один бык.

С жителей аула Метрата 30 мерок пшеницы и 30 мерок голого ячменя.

С жителей селения Эчеда 40 овец и один ягненок.

С жителей аула Цумади 30 мерок голого ячменя.

С жителей Хъари, если они будут пасти свой скот на горе Хули, полагается 5 руб., а с каждого из чабанов, которые будут там пасти свой скот, по одной овце.

С жителей Томсода 23 руб.

С жителей Ракью-Гахъвал — 33 руб.

С ахвахцев — 20 овец и 20 мерок ячменя.

Перечень аулов Бакълъулал: Циликъ, Сиюхъ, Ципиди, Ингишу, Шаблухъ, Ичичали, Данухъ, Паркъухъ, Аргъваниб, ЛъаратIа, МельелтIа.

Из числа жителей вышеуказанных аулов полагалось с тех, у которых имеются овцы, независимо от количества их — десяти или сотни — по одному ягненку, за пользование пастбищной горой с жителей этих аулов полагалось сто годовалых овец. Сиюхцы, в случае, если они арендовали пастбищную гору, платили 8 туманов.

С жителей аула Хилди хIариб с каждого двора по одной овце.

С жителей Акнада 2 быка.

С жителей Ангъида то же самое.

Эти аулы входят в Тиндал.

С жителей аула Ришнял один бык и 12 руб.

С жителей аула Буртуб 3 овцы и один козел.

С жителей аула Цолода 70 бзж, 33 ягненка, еще 20 бзж для энхел, еще одна отборная корова и хвалчен бухьи ценою 18 рублей и 30 шт. кругляка, 3 балки, 3 столба, 20 мерок голого ячменя.

С жителей аула Энгердах 46 бзж, один годовалый козел (хIоргец). У кого количество овец превышало 50 голов и его стадо переходит воду хIарихъ, с того полагается два ягненка.

С жителей аула Местерух 46 бзж и один ягненок. У кого стадо овец переходило Къварилъи, с того полагались отборный бзж и отборный ягненок и двадцать мерок голого ячменя.

С жителей Токита полагалась дань больше, чем с вышеупомянутых двух аулов, а именно: по одной мерке голого ячменя, овца и ягненок, две мерки с каждого, кто имел двух сыновей; затем Солтан Ахмедхан освободил их от этого, когда он примирился с Сурхайханом.

Жители вышеупомянутых четырех аулов, а именно: Цолода, Энгердах, Местерух и Токита обязаны были косить траву в местности Тобот.

С жителей аула Къаваниб 160 мерок пшеницы.

С чабанов аула Сиюх с каждого по одному ягненку спустя один год и сиюхцы должны поставлять 60 ратIал топленого масла.

С жителей аула Гозолоколо полагалось с каждого, у кого имеется десять овец — два ягненка.

С жителей аула Цада с каждого, у кого окотилась овца, даже одна единственная, полагался ягненок.

С жителей аула Эбута то же самое.

С жителей аула Жалатлури с каждого двора по две мерке голого ячменя и с тех, у кого окотилось десять овец — два агненка.

Помещаемый здесь документ показывает, какую ренту вносили аварскому хану. За исключением аулов Андалала, Караха, Гидатлинского общества, все аулы были подвластны аварскому хану и вносили налоги.

Ханы, уцмии, майсумы были не только обладателями пастбищ и богатств, но и верховными правителями в ханствах. Кроме верховных правителей, в стране насчитывалось много мелких феодалов — беков. Они управляли аулами от имени верховного сюзерена и за свои услуги получали часть доходов, взимаемых с населения. Беками становились преимущественно законные и незаконные дети ханов, а также служилая знать. В конце XV века в стране стало настолько много беков, что один из крупных владетелей Дагестана Кайтагский уцмий Мухаммед решил ограничить их число.

В XVI веке происходит распад шамхальства на множество отдельных удельных владений¹.

О феодальных отношениях, сложившихся в Дагестане, довольно убедительно говорят также адаты горцев. Ряд статей постановлений Кайтагского уцмий Рустем-хана и аварского Умма-хана позволяют существенно дополнить данные о феодальных отношениях в этом крае.

Как видно из постановления уцмий и Умма-хана, классовые отношения в Дагестане были построены на сословных началах. Здесь фигурируют верховный правитель уцмий, ханы, многочисленные беки, духовенство, свободные и зависимые крестьяне и рабы. В постановлениях, наряду с сохранением общинных порядков, ярко выражены давно сложившиеся принципы феодального права.

Несомненно, что определяющим началом в социально-экономической жизни страны к концу XV в. были феодальные отношения. Установившийся у горцев Дагестана способ производства неизбежно вел к разложению родового патриархального строя и образованию феодального.

Военная удача, большое количество захваченного скота и рабов создавали мощь отдельных родов и власть их над другими. Из свода адатов андалальцев, гидатлинцев вытекает, что уже в XVI веке феодальные отношения здесь были сильно развиты и в так называемых «вольных» обществах произошла ломка патриархальных отношений.

Представители дореволюционной историографии, оценивая степень развития общественного строя отдельных народностей

¹ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 88-89; Г. Алкадари. Асари-Дагестан. СМОМК, вып. 46. Махачкала, 1929, стр. 41.

Дагестана, исходили из наличия пережитков родо-племенных отношений и утверждали, что эти народности представляли собой «вольные» родо-племенные общества.

Такая точка зрения получила широкое хождение и в советской историографии. Между тем эта концепция была основана на неправильном утверждении, что дагестанский тухум и джамаат еще в XVIII—XIX вв. являлись институтами родо-племенной организации.

В XVIII — начале XIX вв. дагестанский тухум и джамаат не были низовой ячейкой патриархально-родового строя. Возникновение частной собственности на землю и стада, развитие обмена и торговли, наличие еще задолго до XVIII в. индивидуальной семьи, как основной хозяйственной ячейки, в корне изменили структуру общины, нарушили родовые связи. В результате члены разных родов объединились на территориально-экономической основе. Например, в Ахтынском обществе в сел. Ахты известны шесть кварталов, заселенных не по родовому, а по территориальному признаку¹.

В XVIII — начале XIX вв. Ахтынское общество было классовым обществом. Еще до XIX в. здесь выделилась феодальная знать, имевшая от 4 до 12 тыс. баранов, по 100 и более лошадей, владевшая большими пастбищными, пахотными и сенокосными участками². Руководство всеми делами военного и гражданского характера было сосредоточено в ее руках. Представители феодальной знати ежегодно получали с каждого дыма по одному барану и имели право требовать от подчиненных им аулов так называемые «пахты», т. е. обязательное угощение в году в течение целых суток; пользовались тягловой силой узденей во время перегона скота и т. д.³

При разбирательстве гражданских и уголовных дел ведущая роль принадлежала феодальной знати, без ее посредничества не выносились решения. За посредничество феодалы получали соответствующее вознаграждение. В целях эксплуатации трудящихся узденей феодальная знать использовала также первичные формы «родовой помощи».

В процессе феодализации многие сельские общества попали также в зависимость от соседних феодальных владельцев. Например, в первой половине XVIII в. лезгинские селения Ялах, Лутнун попали в зависимость от казикумухского хана и должны были платить ему соответствующие подати и повинности⁴.

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1722, л. 120.

² М. В. Саидова. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным». Рукоп. канд. диссертации, стр. 119-137; ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 142, л. 24.

³ Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1722, л. л. 119—120. М. М. Ковалевский и. Законы и обычаи на Кавказе. М., 1890, стр. 162-164.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 236.

Таким образом, территориальные союзы сельских обществ лезгинов, даргинцев, аварцев и др. в XVIII — начале XIX вв., и даже задолго до этого, не являлись «вольными», демократическими, независимыми обществами.

Термин «вольное» общество совершенно не приемлем при определении уровня развития этих народностей. Он не соответствует социально-экономической и политической структуре общества. Особенностью общественного строя отдельных аварских, даргинских и лезгинских обществ являлось то, что классовые отношения в них были более опутаны патриархально-родовыми пережитками, чем в окружающих феодальных ханствах Дагестана.

Процесс феодализации народов Дагестана происходил в VII—XII вв. В социально-экономическом отношении народы Дагестана в период арабского завоевания находились в стадии перехода от родового строя к феодальному. Еще в IX веке народы Дагестана во главе со своими «царями», с помощью отдельных князей боролись против иноземных захватчиков и уже тогда вели обширную внешнюю торговлю, имели крупнейшие экономические и политические центры (как например, Баб-уль-Абваб), где производили товары, которых не могли производить в других городах Кавказа.

В XVII веке в Дагестане насчитывалось несколько самостоятельных феодальных владений, которые имели дипломатические отношения с Россией. К этому времени большинство владений Дагестана дают нам картину развитого феодального общества, напоминая Европу XI—XII вв. Некоторые из них были владениями крепкими и экономически и политически.

В недрах союзов «вольных» обществ в результате классовой дифференциации возникли феодальные владения. Так, например, до 50 семей феодалов было в Ругудже, Чохе, Сограле, Кудали, Бухтиб Андалальского общества. Несколько феодальных владетелей было в Гонода, Соситль, Тинди, Телетль, Урада и т. д. В Андалальском обществе к этому времени имелось 416 чанков, а в Казикумухском — 830¹.

На большей части территории Дагестана экономика была феодальной и вследствие этого господствующим строем являлся феодализм. Если мы возьмем такие крестьянские группы, как райяты или чагары (крестьяне, поселенные на ханской земле), мы сразу же столкнемся с чисто феодальным характером эксплуатации этих групп крестьянства дагестанскими феодалами — ханами и беками. Райяты и чагары были обязаны феодалам целым рядом повинностей как отработочных (барщина), так и натуральных (оброк). К той же категории относилась часть кулов.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 79, л. 64.

Еще в XVIII в. в Дагестане насчитывалось более 110 райятских селений. Одних рабов и чагаров имелось около 10 тысяч. В то время была развита работорговля. Стоимость раба определялась в 150—600 рублей¹.

Неоспоримо, что в сколько-нибудь крупном селении Дагестана в начале XIX века насчитывалось большое количество беков, карачибеков, чанков.

Если все источники, которыми мы располагаем, подтверждают тот факт, что большинство районов Дагестана к XIX веку успело миновать родовой строй и перейти к феодальным производственным отношениям с патриархальным рабством, то как можно согласиться с тезисом некоторых авторов, утверждающих, что в Дагестане тогда господствовал родовой строй?

Разумеется, феодальные отношения в Дагестане имели свои специфические особенности и отличались от феодальных отношений в России.

К концу XVIII века в Дагестане эксплуататорский класс противостоит крестьянству и характеризуется, как чисто феодальное дворянство. Ко второй половине XIX века в Дагестане было 694 потомственных дворянина, 1838 личных, 1296 беков, 2931 чанк. Ханы и беки взимали с горцев повинности, имели своих сборщиков. Узденская масса нагорного Дагестана была закабалена ханами и беками путем захвата зимних и летних пастбищ, необходимых для отгонного животноводства.

В период кавказских войн общественный строй горцев должен был подвергнуться коренной ломке, потому что потребности обороны от царских войск требовали перехода к более развитым общественно-политическим формам. С другой стороны, под ударами войск Шамиля разорялись феодалы, в результате чего свободное крестьянство—узденство успело сосредоточить богатства в своих руках.

Процесс приобретения кутанов и пахотных участков богатым узденством Карахского, Кайсубулицкого, Анди-Дидоевского, Ункратльского обществ происходил как на плоскости, так и в горах.

Перенаселение в ряде обществ нагорного Дагестана вызвало усиленный спрос на хлеб и пастбищные участки. Происходит обмен хлеба на продукты садоводства, скотоводства и кустарной промышленности.

Большой интерес представляет кустарная промышленность Дагестана, которая получила весьма большое распространение и способствовала разложению родовых отношений. Кустарная промышленность располагалась в трех центрах: южный Дагестан — главным образом металлообработка, ковровые

¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, л. 6.

изделия, средний Дагестан — главным образом металл и сукна, нагорный Дагестан — главным образом кожевенные товары, бурки, столярные и гончарные изделия. Всего ко второй половине XIX в. в Дагестане насчитывалось около 84 тыс. кустарей.

Вопреки мнению некоторых исследователей можно утверждать, что в Дагестане в первой половине XIX века на сцену выступает новый общественный слой — богатое узденство, которое содержит наемную силу.

Всем известно, что дагестанские горы не создавали условий для легкой, обеспеченной жизни. На суровых бесплодных скалах каждая горстка зерна добывалась тяжелым, упорным трудом; каждый кувшин воды стоил большого труда, ибо его приходилось приносить из речки, протекающей в ущелье, на глубине нескольких сот метров. Жизнь покупалась в горах истощающим, упорным трудом, выработавшим в населении силу, твердость, пастойчивость и умение переносить лишения. Природные условия были такими, что самым упорным трудом нельзя было вполне обеспечить всех потребностей и приходилось изыскивать источники их удовлетворения, лежащие вне горных ущелий.

Горские народы были слишком малы, чтобы захватить и сохранить за собой значительные площади плодородных равнин, лежавших у подножья гор и уже освоенных другими, более крупными и дальше ушедшими в культурном развитии народами. Оставался только один выход — пополнять недостатки скудного хозяйства в горах путем ухода на заработки на равнину, на отхожие промысла.

Все это приводило к ломке самобытных отношений, сосредоточению в руках отдельных хозяйств больших богатств. Земля — пахотные и сенокосные участки — все больше и больше вступает в торговый оборот и к XIX веку на большую часть земли вовсе исключается общественная собственность. Документы свидетельствуют, что в Андалальском обществе к этому времени имелось 416 чанков, а в Казикумухском — 830¹. Но это не чанки, ибо в Андалальском обществе не было таких крупных феодальных единиц, чтобы от неравного брака появилось такое количество чанков. Это были богатые уздени, успевшие сосредоточить у себя огромные богатства и выделиться из основной массы узденства.

Процесс внутреннего развития нагорного Дагестана в первой половине XIX века приводит к расслоению населения с выделением на одном полюсе, кроме ханов, беков, чанков, и богатого узденства.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, д. 79, л. 64.

Большинство богатых узденей были владельцами овец, крупного рогатого скота и недвижимого имущества. Ни один из исследователей прошлого этого края не может отнести к простому узденству таких лиц как Магомед Каделав из Гигатли, Аличулав Магомед из Тинди, Кинха из Цунта, Ахмедхан, Али Галбацилав, Магомед Али, Султан Ахмед, Бейбулат, Дамадан из Силди и Акнада, Нурмагомед Хаки, Хоти из Чадари, Булатилав из Цубутль, Османов Нурмагомед, Гужу Чезрав из Унцукуля, Ражбадин из Харачи, Габа Алилав из Бетель, Юсуп из Кахаб-Росо, Мусал Адалов из Балахани, Курбаи Мусалав из Карата, Башканди из Кидиб и другие, которые были представителями при избрании Шамиля имамом. Овцеводством могла заниматься только зажиточная верхушка горского крестьянства.

Никак нельзя отнести к простому узденству и тех, кто владел огромными богатствами в аулах. Так, например, богатый узден Шуаиб Мулла оставил после своей смерти награбленного и нажитого торговлей добра: 35 крымских ружей, 4000 баранов, 500 голов крупного рогатого скота, не считая 60 буйволов, и около 30000 рублей серебром¹. Телетлинский наиб Шамиля Кебет Магомед был крупным барановодом в Гидатлинском обществе. Он имел более 30000 рублей серебром, кроме крупного и мелкого рогатого скота.

«У богатого телетлинца, — писал Н. Львов в 1848 г., — 10 голов крупного рогатого скота и 300 штук овец»². «У богатых жителей Анкратля, — писал Емишников в 1831 г., — было от 8 до 10 коров, от 200 до 300 овец, от 3-х до 4-х лошадей»³. Богатые хозяева Тиндинского общества в 1884 году имели по 20 голов крупного рогатого скота и до 300 баранов. В отдельных хозяйствах общества Ратлуб насчитывалось до 100 голов крупного рогатого скота и до 100 овец⁴. Житель сел. Кудали Гунибского округа Магомед Амралов завещал $\frac{1}{3}$ своего имущества мечети, если у него не будет наследников. Эта одна треть имущества составляла 1000 рублей серебром и 13 пахотных участков⁵.

Богатое узденство располагало частью пастбищ, кутанами и пахотной землей.

По данным 1846 года в южном Табасаране 29 процентов хозяйств сосредоточивали у себя 60 процентов всего рогатого

¹ Акты Кавказской археограф. комиссии. Т. IX, док. № 725. стр. 881.

² Сб. сведений о кавказских горцах, вып. 3, стр. 17.

³ ЦГВИА. ф. ВУА, 103212, кол. 41, стр. 201.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, 6528, ч II, л. 83.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 4, оп. 3, д. 15.

скота, 22 хозяйства имели 23 процента лошадей, 32 хозяйства сосредотачивали 16 процентов овец и коз. Земля, особенно пахотная и сенокосная, служила предметом оживленной торговли.

Торговля занимала в экономике значительное место. Так, например, к середине XIX в. оборот самого меньшего в Дагестане Хунзахского базара составлял 45 тыс. рублей серебром. Только продуктов животноводства в этом округе было продано на 33168 рублей серебром¹. В Аварском округе за один 1848 год было выработано для торговли более 2300 ведер вина. Купцы и торговцы имели свои лавки.

Для торговли жители Дагестана ездили в Кизляр, Тарки, Темир-Хан-Шуру, Карадах, Хунзах, Сугратль, Ириб, Кумух, Цудахар, Анди, Ботлих, Акушу, Дешлагар, Кубачи, Дербент, Ахты, Закаталы, Телав, Сичнах, Тифлис, Астрахань, Баку.

О степени развитости торговли можно судить по следующему документу. Исполняющий должность начальника левого фланга Кавказской линии генерал-майор Пулло в 1840 г. доносил командующему войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-адъютанту Граббе: «Главный пристав нагорных обществ штаб-капитан Муртаза и Аджиев донес мне, что два еврея и четыре казикумыка, с дозволения будто бы Ахмедхана Мехтулинского, закупили в Анди более 50 тыс. буроқ и намерены с оными отправиться скоро в Тифлис»². Такое количество буроқ могло быть произведено лишь при наличии хорошо поставленного производства с наемной силой и развитого торгового оборота. Везде и всюду, где более или менее была развита кустарная промышленность, она была отделена от сельского хозяйства и притом могла преуспевать в своем развитии лишь при наличии наемной силы.

Генерал Пулло в своей записке говорит, что «Ежегодно до 40 тыс. горцев приходили на линию для сбыта своих продуктов, и звонкая монета... усилилась в обращении»³.

В одном только Андалальском обществе было в это время до трехсот купцов. Кроме торговли были развиты и отхожие промыслы. Не может быть сомнения, что подобная хозяйственная структура не приводила к ломке феодальных отношений и не выступала на смену им новая форма отношений.

Таким образом, в первой половине XIX века в аулах Дагестана происходит усиленная дифференциация и сосредоточение экономических ресурсов в руках богатых узденей. В экономическом отношении они становятся полновластными хозяевами

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1284, оп. 3, ед. хр. 150, лл. 33-40.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 345, л. 1.

³ ЦВИА, ф. ВУА № 16438.

в аулах и диктуют свою волю основной массе населения. Но богатое узденство, сосредотачивая в своих руках экономические ресурсы, в политическом отношении было отодвинуто ханами и беками на задний план. Поскольку ханам и бекам покровительствовала Россия, борьба богатого узденства против них своим острием направляется и против царской администрации. Богатое узденство не было заинтересовано в политике царизма в Дагестане, так как оно не получало из рук царя экономических и политических выгод.

В целях удовлетворения потребностей богатого узденства Шамиль совершенно ликвидировал сословные преимущества беков, обратив последних в простых узденей. Одновременно получила льготы и узденская масса.

Шамиль объявил войну всему господствующему классу — землевладельцам и рабовладельцам. Он уничтожил сословия и сословные привилегии, лишил владетельных ханов и дворян земли и раздал эту землю своим воинам, освободил крепостных крестьян от личной зависимости и барщины, и прокламировал равенство всех перед законом.

В результате исследования данного вопроса автор этих строк пришел к выводу, что Шамиль возглавил антифеодальное движение. Однако это движение не может быть названо буржуазным, ибо в Дагестане не существовало промышленной буржуазии.

Несмотря на то, что движение горцев было не в интересах буржуазии, а в интересах крестьянства, оно при нормальном положении страны безусловно открыло бы дорогу буржуазному развитию. Но Дагестан не находился в нормальном положении. Он был отрезан от всего мира, и так как идеология слоя, который возглавлял это движение, имела густо религиозную окраску, в Дагестане создалось не буржуазное, а теократическое государство, управляемое военно-духовной организацией, возглавляемой неограниченным духовным владыкой — имамом.

Движение, которое вначале было направлено против феодалов, впоследствии переросло в длительную войну. Шамиль строил свое государство на основе шариата. Он решительно боролся со всем, что закрепляло старый родовой и феодальный быт. Боролся с адатами, вплоть до угрозы смертной казнь. Боролся с кровной мезтью, заменяя ее платой за кровь по постановлению суда. Боролся с антигосударственными анархическими элементами. Боролся с нежеланием отдельных обществ примкнуть к государственному объединению. Боролся с этим пропагандой, репрессиями и силой оружия. Шамилю приходилось создавать из отдельных народов государственное объединение кровью, огнем и оружием.

Активная завоевательная политика самодержавия на Северном Кавказе началась в период царствования Александра I, именно в тот самый период, когда русский царизм вел оголтелую реакционную внутреннюю политику. Это были годы, когда по воле Аракчеева в страхе создавались военные поселения, когда реакция в России торжествовала не только в политической жизни, но и в идеологии и в просвещении, а сам русский народ терпел невыразимое бесчеловечное насилие и произвол крепостников. Это были годы, когда над Европой нависла тяжелейшая реакция трех монархов, душителей революции и освободительного движения народов, когда по словам Маркса и Энгельса, этими и им подобными колониальными державами «народы покупались и продавались, разделялись и соединялись ровно в такой мере, в какой это прежде всего соответствовало интересам и целям их правителей»¹.

Подобно тому, как венский конгресс подавлял стремление народов Европы к национальной независимости, так один из главных вдохновителей «священного союза» — русский царизм выступил душителем народов Северного Кавказа, которые стремились к национальному и социальному освобождению.

По велению Александра I, в угоду крепостнической реакционно-самодержавной дворянской верхушки, под командой Ермолова, того самого Ермолова, который ожидал приказа Александра I о наступлении во главе 100-тысячной армии против революционной Европы, уже в 1818 году сравнивались аулы с землей, огнем и мечом подавлялось движение горцев Дагестана.

Понятно, что Ермолов действовал в духе времени, по методу Цицианова, того самого Цицианова, который еще в начале XIX века обрушил свою мощь на Джаро-Белоканскую область, где жили дагестанцы — аварцы, лакцы, лезгины. Превратив многочисленные аулы в развалины, истребив значительную часть населения, он присоединил их к России и обложил эту область ежегодной данью. Цицианов после этих погромов обращался к народам Дагестана со словами: «Истреблю вас всех с лица земли, пойду с пламенем и сожгу все, чего не займу войсками. Землю вашу покрою кровью вашей и она покраснеет, и вы, как зайцы, уйдете в ущелья и там вас достану и буде от меча, то от стужи поколеете». По приказу Цицианова командующий войсками Гуляков вступил в Джаро-Белоканскую область и в две недели разорил ее. Запылали аулы, полилась кровь, оголился весь край,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 13.

все было уничтожено, разорено. Эта и подобная ей жестокость царских администраторов способствовала тому, что народы Дагестана, Чечни и Западного Кавказа выступили против войск царского самодержавия и решили до победного конца бороться против колонизаторов.

Под командой николаевско-аракчеевских генералов на Дагестан была двинута большая армия с целью скорейшего его завоевания, покорения и присоединения к России.

Подтверждением этому служит письмо Николая I генералу Паскевичу, написанное в 1829 году, где говорится: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз — гораздо более важное — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Для царя и его генералов горцы Дагестана оказались менее сговорчивыми, сильными противниками, которые нанесли удар за ударом царским войскам.

В ответ на донесение генерала Головина в 1838 г. Николай I дал указание: «Покорить и усмирить горный Дагестан... ибо без оного ни покоя, ни верного владычества на Кавказе иметь не можем».

Средства и методы борьбы царизма против народов Дагестана приводят к заключению, что эта война велась варварски, сопровождалась истреблением горцев. В своей работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс говорит: «генерал Кауфман летом 1873 г. напал на татарское племя иомудов, сжег их шатры и велел изрубить их жен и детей, «согласно доброму кавказскому обычаю», как было сказано в приказе»¹.

Этим «кавказским методом» Цицианов и генерал Ермолов истребляли горцев Дагестана, их жен и детей, разоряли дотла и превращали в пустыни заселенные места.

Захват Дагестана царские войска производили путем и методами военной колонизации, методами экспроприации, методами насильственного удаления населения со своих земель, путем выселений и переселений. Система выселений и переселений была равнозначна физическому истреблению горцев Дагестана. Если к этому прибавить физическое истребление горцев путем непосредственных военных действий, то напрашивается единственный вывод, что отпор Шамиля царским завоевателям и сохранение народа от истребления является положительным фактом, против которого нам думать не приходится возражать.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. ОГИЗ, Госполитиздат, 1945, стр. 95.

В период завоевания Кавказа царизм приступает к лишению горцев пастбищных и пригодных к севу земель. Осуществляя указания царя, лучшие земли отбирались у горцев под строительство крепостей и прочих военных объектов в Дагестане.

К 1830 году в плоскостной части южного Дагестана были отобраны в пользу казны лучшие земельные участки и эти приносили ежегодный доход императорскому двору 1300 руб. серебром¹.

Отобранные в Каракайтаге кутаны в 1822 г. давали казне ежегодный доход 329 руб. серебром². Отобранные в Дербенте земли приносили казне в год 423 руб. серебром³. Земельный фонд на территории Дагестана, принадлежащий казне, исчислялся в 180 тыс. десятин⁴.

У народа были отобраны летние пастбища, леса, соленые озера, промысловые предприятия.

Отобранная земля присваивалась генералами, военными и гражданскими чиновниками, казаками. В целях быстрой колонизации сюда переселялись казаки и русские из центральных губерний.

Так, граф Воронцов-Дашков имел в Дагестане 2314 дес. земли, генерал Лазарев — 1765 дес.⁵ Помещик Кожевников — 5472 дес., дворянин Пильцов — 2175⁶, действительный статский советник Кривенко — 973 дес.⁷

Царизм намеренно заселял лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами. Наместник Кавказа князь Голицын писал губернаторам на Кавказе, что «как бы ни был ограничен существующий на Кавказе запас свободных земель, его падлежит целесообразно использовать для водворения русского населения... Ввиду чрезвычайно важного государственного значения вопроса об усилении русского населения на Кавказе, считаю нужным просить вас обратить на это ваше особое внимание и принять все зависящие от вас меры к усиленному и возможно скорому выполнению настоящего моего предложения»⁸.

Из сказанного вытекает, что при первом же завоевании царизм сделался собственником земли и, сделавшись таковым, раздал ее, во-первых, казакам, во-вторых, своей агентуре из местных феодалов и беков, в-третьих, назначил за пользование ею горцами ежегодные подати. После экспроприации

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 1994, лл. 34—35.

² АКАК, т. IX, стр. 310.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 2267, л. 27.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 0, л. 300.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 30, оп. 3, д. 6, л. 23.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 18, л. 9.

⁷ Там же, д. 6, л. 3.

⁸ Обзор Дагестанской области за 1913 г., стр. 12.

непосредственными хранителями царских завоеваний стали казачьи военные колонии, военная администрация, искусственные феодалы из туземных дворян и военные агенты из туземцев.

Русская администрация, не учитывая того, что этот край был в политическом и экономическом отношении очень отсталым, вносили русские формы правления в Дагестан.

В период войн на Кавказе царское правительство старалось привнести в Дагестан свой порядок, хорошо известный внутри России, т. е. утверждение господствующих классов в роли угнетателей крестьянства. Вот документ, красноречиво говорящий об этом. «Настоящая система управления в дагестанских провинциях... сходствует с прежнею ханскою системою, которая основывалась на одном произволе ханов, которая прежде была без всяких форм, держала народ в постоянном угнетении... хан располагал провинциею как собственностью, и угнетал народ без умысла... В настоящее же время коменданты соединяют в себе все черты этой власти, от них налагаются все требования повинностей, они... заведывают полицейскою частью в городе и провинции; по их распоряжению производятся следствия, под их представительством решаются следственные и тяжёбые дела, они делают раскладку податей. И при всей важности этой должности, при обширности власти и круга действий, коменданты не имеют определенных правил в руководстве, так же точно в этом отношении, как прежние ханы, они основывают все свои действия на собственных соображениях более или менее, по всегда произвольных.

Те недостаточные формулы, которые теперь введены в управлении... более тяготят народ, ибо не ограждают его от произвола... на самом деле нынешний образ управления вреден обоюдно и для народа и для правительства»¹.

Более убийственную картину управления завоеванным краем русской администрацией вряд ли кто-либо мог дать. Так же, как при ханах, народ терпел невыносимый произвол, который еще больше усиливается с водворением здесь колониальных порядков. Народ выступает против такого колониального угнетения со стороны царизма.

Характерным в этом отношении является письмо жителей плоскостных районов русскому командованию. Испытывая невероятный произвол и насилия, население плоскости выступает против колонизаторов. В письме этом говорится:

«Вы успели обмануть людей наших красноречием своим, уверяя нас, что государь ваш не притесняет и не обманывает

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 5007, лл. 7-13.

никого, напротив того словами вашими, и беками, находившимися при вас, мы были обмануты и через этот обман вы сделали над нами начальниками и влезли на голову нашего народа, обременяя нас песноснейшей тягостью. Сверх того вами отпята были у нас места наши без согласия хозяев, словом: вы и назначенные от вас управляющие наполнили воздух между землею и небом притеснениями, так что для нас день превращен в ночь, в которой мы страдали долго, по неимению другой защиты. Наконец, теперь пахотя желанного защитника, мы уже проснулись со сна и находим вас неблаговерными, а следовательно, вы должны оставить места и уйти»¹.

Население облагалось непосильными налогами, подвергалось поборам и многочисленным повинностям. «Подати и повинности, отбываемые жителями, были чрезвычайно разнообразны и к тому же эти повинности неслись жителями так различно, что привести их в общую цифру и разделить их подымно, приведет к ошибочности относительно налогов на каждое селение отдельно»², — говорится в официальном документе.

Так, например за 1831 по 1 января 1840 г. с покоренных жителей Дагестана кроме натурального налога взыскано 28683 руб. серебром³, в среднем с каждого двора 3 руб. 25 коп. серебром. Между тем в эти подати не входят подати и взносы, которые они исправно должны были вносить хашам и бекам. Кроме податных сумм на население налагались штрафы, что составило за 6 лет 8826 руб. серебром⁴. Только с 1 января 1833 г. по 1 января 1834 года было собрано податей 5781 руб. серебром⁵.

Для содержания все возрастающей своей армии и разбухшего военного аппарата, царизм ввел в Прикаспийском крае чрезвычайно большие, невыносимые подати, которые тяжким бременем ложились на плечи горцев. Так, например, по всему Прикаспийскому краю сумма податей на 1841 год составляла вместе с недоимками 1.061.630 руб. серебром⁶.

Народ волнуется и отказывается платить непосильные налоги, но генерал Вельяминов, в целях устрашения лезгин направляет к ним с войсками генерал-майора князя Эристова. Последний собрал «с лезгин без всякого выстрела как всю недополученную ими подать, так и пшеницу и ячмень, который они обязались выставить, и если возможно будет, то соберет

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 9, лл. 10-11.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 113, лл. 3-8.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 7442, л. 11.

с них за уплату и лишнее количество провиантов»¹. В рапорте указано, что «я (т. е. Вельяминов) генерал-майором кн. Эристовым весьма доволен»². Подати с населения собирались не только деньгами, но и натурой: хлеб, ячмень, сено, масло, яйца. Зная о таком беззаконии по части взимания податей, правительство не только не предприняло мер, предохраняющих от этого насилия, но само позаботилось о его усугублении. Так, например, министр финансов предписал: «Все сборы по завоеванным областям и городам как те, кои уже известны и введены в общий счет по расписанию о доходах, так и те, кои сверх того открыты могут, равно как и самые остатки сих сборов от прежних лет с казенной экспедиции хранящиеся причислить к общим своим доходам»³.

Сбор податей и повинностей обеспечивался путем применения вооруженных сил.

Так, например, в одном из документов говорится, что «койсубулицы никаких повинностей раньше не вносили... генерал Фези возложил на них платеж по одному барану в год и по 1 рублю серебром с дома... Предложено мною генерал-адъютанту барону Розену взыскать с них силою оружия следуемую с них дань с давних времен»⁴.

Даргинцы Журкальского магала, да и все жители Карайтагского уцмийства царской администрацией были обложены податью, которую они уплачивали беспрекословно. Кроме того жители, находившиеся в зависимости от уцмий, платили ему подать ячменем, пшеницей и баранами.

Сверх того жители Даргинского округа отбывали натуральные повинности: аробную, дорожную, подобно тому как прочие жители северного Дагестана, и дровяную поставкою дров для войск, расположенных в округе⁵.

Для более точного уяснения вопроса обратимся к другому документу. «На жителей Салатавского общества полагается ежегодная подать по полтора рубля серебром с каждого семейства. Салатавцы при покорении их обязались... с одних деревень по 3, а с других по 4 барана с каждого двора»⁶. Кроме того жители Салатавы были обязаны: — доставить аманатов... Постоянно содержать караулы... снабжать гарнизоны Черкесского замка водою и дровами»⁷.

Подати и повинности, вносимые населением царским властям и в несколько раз больше своим ханам и бекам, крайне отрицательно сказывались на быте обездоленных горцев.

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 966, л. 11.

² Там же.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 821, лл. 5-6.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 5007, лл. 7-13.

⁵ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 113, лл. 3-8.

⁶ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 6774, лл. 2-8.

⁷ Там же.

Кустарная промышленность, которой могла просуществовать большая часть населения Дагестана, приходила в упадок из-за таможенных препятствий и конфискации всех видов изделий. О притеснении горцев в этой части говорится и в имеющихся документах. Характерным в этом отношении является рапорт командиру войсками генерал-лейтенанту Вельяминову I от генерал-майора барона Вреде.

«Едущие туда и обратно останавливаются объезчиками, и ежели окажется у кого бездельная сумма в червонцах и серебре или кусок какой-нибудь материи, представляют в таможенную заставу, а сия отправляет в Баку в тамошнюю таможенную для взыскания узаконенных с него пошлин, при том случается, что чиновники застав задерживают даже и тех жителей, кои собственные свои произведения и изделия в своих границах перевозят из одного места в другое.

...И люди недостаточно торгующие собственными изделиями и произведениями оставляют свою малозначительную промышленность единственно потому, что употребляемые ими по сей обязанности издержки несоразмерны с состоянием торгующих и доводят их до убытка вместо приращения... Многие из сих отвозя родственникам своим разные малозначительные вещи в подарок, как-то: узды, чулки, пеньковые веревки и тому подобное, а от них заимствуются бумажными тканями; другие... ходят для работ в означенные ханства и провинции, где получают вместо денежной платы бязь и прочие материи, и с сими то вещами должны они отправляться в Баку для уплаты пошлинных денег тамошней таможене...»¹

Торговля горцев с плоскостью была крайне необходима для их существования. Хлеб, соль, сельскохозяйственные продукты и хлопчато-бумажные ткани горцы могли приобретать только на Тереке, в плоскостной части Дагестана и в Закавказьи.

Заведомо зная, что эти торговые отношения горцев для них являются жизненно необходимыми, царские колонизаторы вели ожесточенную борьбу, дабы лишить горцев и этого. Достаточно сказать, что царские военные колонизаторы лишили горцев не только хлеба, но и соли. «Ваше сиятельство, — писал в своем рапорте главнокомандующий Кавказской армией военному министру, — объявили мне волю государя императора относительно необходимости приступить ныне к той решительной мере, которую доселе препятствовали исполнить обстоятельства военные, ... что одним из вернейших средств принудить аварцев к исполнению наших требований и держать их в страхе было бы занятие и укрепление деревни Тимирхан Шура, служащей единственным проездом из Аварии в Тарков-

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 614, лл. 8-9.

скую область. На сие последнее честь имею ответствовать, что главные народы аварцев, заставляющие их иметь торговые сношения с определенными Российскими областями состоят в соли, хлебе (не в значительном количестве и в зимовых для стад пастбищах...

Селение Темирхан-Шура лежит на втором из сих путей, между Черкеем и Тарками. Занятием оного в некотором отношении стеснит промышленность ближайших по сему направлению аварцев, но сие стеснение послужит единственно в пользу продавать им соль за высокую цену, а присутствие нашего отряда удержит только в спокойствии и повиновении жителей...

Одно занятие главных пунктов по линии Койсу могло бы стеснить чувствительным образом промышленность аварцев с Дагестаном и споспешествовать достижению ожидаемой пользы, если в то же время совершенно загорожен будет и третий торговый пункт в Андреев. ...При наблюдательнейшем надзоре удержать андреевских и кизлярских евреев и армян от оборотов торговых с жителями разных Аварских округов»¹.

Для аварцев были закрыты все пути для торговли и к зимним пастбищам. В то же время и к ним никто не допускался для ведения торговли.

В результате таких мер соль в горах стала настолько редкостным продуктом, что царизм стал производить обмен соли на перебежавших к горцам русских солдат и офицеров. Вот что говорится об этом в документе:

«Государь император, повелеть соизволил: дабы местное начальство требовало возвращения воинских чинов, скрывшихся у горцев, изъявивших нам покорность, но отнюдь не выкупая их, старалось соглашать непокорных к выдаче дезертиров за соль»².

Иными словами мы сталкиваемся с таким положением, что горцы после прихода царских войск в Дагестан могли получать соль только в обмен на тех же русских солдат, которые добровольно перешли к горцам и рука об руку с ними воевали с царизмом.

Горцев лишили соли, лишили пастбищ на плоскости, в результате чего гибнул скот, лишили хлеба, привозимого с плоскости, к тому же горцы лишены были всякой возможности вести торговлю, везде и всюду конфисковалось их имущество, а их сажали в тюрьмы и отправляли в Сибирь. В одном из документов говорится:

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2231, лл. 9-14.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 359, л. 1.

«Грузинскому гражд. губернатору.

Поручаю вашему сиятельству сделать немедленно надлежащее распоряжение, чтобы бурки выделяемые андийцами и другими горцами отнюдь не были впускаемы для продажи в Грузию; в случае же тайного привоза оных, конфисковать их и доносить мне в то же время, как о именах тех, кому оные принадлежат»¹.

Дагестанские изделия не находили себе рынка сбыта по той простой причине, что вести торговлю горцам не было разрешено. Ведь в эти годы казикумухцы и даргинский народ были мирными по отношению к России. И андийцы, по признанию самого генерала Фези, тоже изъявили покорность русскому царю. Жизнь горцев всецело зависела от торговли и ее оборота. Изъятие их продукции в пользу казны и запрещение им вести торговлю, означало доводить народ до крайности — или с голода умереть, или пробить себе дорогу в жизнь шашкой и кинжалом. Другого выхода завоеватели им не оставляли.

Генералами давались предписания не допускать дагестанцев к торговле, пока царизм и его генералы не убедятся в окончательной покорности горцев. Все изъятые товары власти продавали с публичного торга, внося вырученные деньги в казну.

Нам известно, что жителям гор приходилось ездить на заработки, наниматься на работу к состоятельным людям на Тереке, на плоскости, в Закавказье, чтобы обеспечить себя и семью куском хлеба и не умереть с голода. То, что жители гор уходили в самые мирные края, общались с русскими, искали у них покровительства, считали их своими близкими, должно было радовать русское начальство.

На самом деле, обстояло далеко не так. Горцев арестовывали, отправляли в Сибирь и жестоко наказывали. Только в одном Кизляре было арестовано более 594 работавших там горцев, по одной лишь причине, что они горцы. По всему Закавказскому краю было дано строгое распоряжение арестовывать и сажать в тюрьмы горцев Дагестана, которые окажутся где-либо на работе в этом крае.

«... Тотчас прикажите, — говорится в документе, — посадить в крепость, заковав в железа, а самих дидойцев, когда по комерции их и другим надобностям будут приезжать в Кахетию, велите арестовать и содержать под строгим караулом, равно и приходящие от них караваны конфисковать в пользу казны»².

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2573, л. 2.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 966, л. 2.

И вот, поставленные в такое невыносимо стесненное положение царизмом, горцы Дагестана вынуждены были прибегать к разбою. Убедиться в этом не трудно: «сами лидойцы, лишенные средств к пропитанию, которое они спискивали, работая у кахетинских крестьян, из крайности были вынуждены решиться на хищничество...»¹, — говорится в одном из документов царской администрации.

Царизм и представители царской власти не были способны по-человечески относиться к мирным жителям, своими действиями они отталкивали в лагерь Шамиля покоренных и добровольно присоединившихся горцев. Избегая тяжелого колониального гнета, горцы, которые уже успели испытать его на себе, везде и всюду восставали и присоединялись к Шамилю, «оному поводом служило не то, чтобы особенно любили и уважали Шамиля, или имея надежду и упование на многочисленные его войска в защиту их, но понудили к этому со стороны генерал-майора Пулло нетерпимые нужды, сделавшись для них излишне обременительными и неспособными, кои он в прошлую зиму им с войсками нанес без разбора покорного и преданного, с непокорными изменниками вместе наказав; почему и говорят они, чем быть чем быто у Пуллы под жестоком несправедливым наказанием, лучше предаться Шамилю»².

Вопреки высказываниям русских дворянских историков, которые стремились изобразить кавказские войны как самооборону царизма от «варваров», «диких», «разбойников», своими набегами терроризировавших мирное население, в действительности, как это показывают приведенные документы, борьба горцев была в буквальном смысле борьбой за существование. Всем известно, что горцы находились в экономическом отношении в зависимости от плоскости. Горы не только не давали возможности заниматься земледелием в сколько-нибудь значительных размерах, но не обеспечивали развитие скотоводства. Расширяя свои завоевания, царские войска проводили политику 1) последовательного оттеснения горцев в глубину неплодородных скалистых ущелий, изолируя от плоскости; 2) лишения горцев возможности иметь зимние пастбища для содержания скота; 3) лишения горцев торговли, доведения до крайнего упадка кустарной промышленности; 4) лишения горцев хлеба, соли и других предметов первой необходимости; 5) лишения горцев возможности наниматься на работу и зарабатывать на кусок хлеба; 6) обложения народа непосильными податями и поборами.

Загнанным в дикие, малодоступные и бесплодные горные районы народам оставались на выбор — голодная смерть или

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1105, т. I, д. 930, л. 1-2.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 293, л. 279.

решительная борьба со своими притеснителями не на жизнь, а на смерть. Один за другим аулы отходили от царизма, разочаровавшись в царских колонизаторах, вступали с ними в борьбу.

Приведем отрывок из письма ряда обществ Дагестана:

«... Вы всегда разоряли имущество наше, жгли деревни и перехватывали людей наших, но притеснения эти мы противу желанья носили на себе до сего времени; потому, во-первых, что не имели нужных инструментов и оружия, и, во-вторых, что между нами находились люди глупые, которые из видов своих предавались вам, ради временной пользы непостоянного света, теперь мы сговорились между собою доказать верность свою смертью против неверных»¹.

Или письмо даргинского народа командованию русской армии. Оно показывает, как отходили горцы к Шамилю: «Войска русские пришли в Дагестан частями для подачи просителям помощи и через сие были построены здесь укрепления, с обложением здешних обывателей повинностями, которые жители не в состоянии были отбывать и вынуждены были прибегнуть под защиту имама Шамиля... а потому теперь народ Дагестана решительным образом приготовился действовать против русских... Наконец, теперь цель нашего желанья состоит в том, чтобы вы оставили Дагестан и возвратились в Россию, мы беспрестанно и упорно будем продолжать с вами войну, до тех пор пока живы»².

Нестерпимая военная, политическая и экономическая политика царизма привела к тому, что весь Дагестан восстал. Началась длительная война. Идея длительной войны осадного характера первоначально нашла свое выражение в сооружении так называемых линий, представлявших цепь укрепленных пунктов. Официально они предназначались для предотвращения набегов горцев внутри областей, оккупированных царизмом, в действительности же они служили средством отрезать горцев от плоскости, блокировать горы, и являлись опорными пунктами для наступления царских войск вглубь гор. Наступление вглубь гор проводилось посредством особых экспедиций, часто предпринимавшихся царскими войсками. Во время экспедиции царские войска сжигали все попадавшееся на пути аулы, вытапывали посевы, вырубали сады, вырезали взрослых мужчин, женщин, детей и стариков, продавали горцев в рабство. «Бунтующие села были разорены и сожжены, сады и виноградники вырублены до корня, и через многие годы не придут изменники в первобытное состояние. Ницета крайняя будет им казнью», — писал в своих «Записках» генерал Ермолов.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6563, лл. 4-5.

² Там же, 6-7.

Против такой колониальной деспотической системы и выступили народы Дагестана под водительством Шамиля.

Из сказанного следует, что в основе движения горцев против феодалов и России лежали как внутренние социальные причины, вытекавшие из экономических и политических интересов большей части среднего крестьянства, так и нестерпимая, тяжелая колониальная политика царизма в этом крае, а не частные интересы иностранных государств, как об этом говорят в последнее время.

Таким образом, исследователю, который хочет понять социальные корни имамата, следует начать с изучения социально-экономического строя народов Дагестана и колониальной политики в этом крае в конце XVIII—начале XIX вв. Корни всего движения лежат в том переплете классовых взаимоотношений, который сложился в Дагестане в начале XIX века.

Не уяснив особенностей этого процесса, отдельные исследователи допускают неточное освещение прошлого, выражающееся в утверждении, что Шамиль выступал якобы как выразитель интересов феодалов. Между тем имамы, в том числе и Шамиль, являющиеся представителями узденства и духовенства, истребили в Аварии почти всех светских феодалов, боясь их соперничества и влияния на народ. Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

Наиб Шамиля Аличулла уничтожил всех феодалов аулов Киди и Соситль, Гамзат-бек истребил феодалов Султаниловых в ауле Ругуджа¹. Кебед Магомед уничтожил телетлинских, гидатлинских и других беков и чанков. Известен факт поголовного истребления Гамзат-беком аварских ханов. Им же был казнен сын Сурхай-хана в Хунзахе². Шамилем был казнен хан Эрпелинский, уничтожено Дженгутайское ханство.

Известно, что большинство феодалов не были сторонниками Шамиля и выступали против движения мюридизма. Только Елисуйский султан Даниэль-бек сражался против России вместе с Шамилем. Но такие феодалы насчитывались единицами. Основная же масса феодалов вела борьбу с Шамилем, выслуживаясь перед царизмом и получая за это чины, подарки, земли.

Как ни трудно было народу переносить насилия своего дворянства, — но вся наглость, все своеволие дагестанского бека было ничто в сравнении с его действиями в то время, когда из бека он превращался в начальствующее лицо, которому покровительствовали царские власти.

¹ Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1744, стр. 76.

² Неверовский И. Об истреблении аварских ханов в 1834 г. СПб, 1848, стр. 16.

Всякого рода насилия, взятки и поборы, а в случае сопротивления, открытый грабеж, нередко сопровождавшийся убийством, составляли предмет ежедневной заботы дагестанских владетелей, говорил Шамиль; похищение отличавшихся красотой девушек из родительских домов, иногда из дома мужа, еще не успевшего увидаться со своею молодою женою, увод их в ханские гаремы открытою силою, — было делом самым обыкновенным.

Шамиль, знавший характер, образ мыслей и действительные нужды своего народа, воспользовался всем, чем пренебрегали его предшественники или что было для них доступно. Первое произнесенное им слово было не газават, — потому что народ и без того знал для чего избрал его имамом, — а «равенство», в котором горцы так пуждались после долговременного тяжелого гнета своей аристократии¹.

Истребив или отгнав у нее решительно все права, Шамиль сравнивал ее с народом. Шамиль окончил бы свое поприще подобно другим имамам, если бы народ не знал, что в основании его действий лежит идея равенства, идея освобождения большинства из-под тяжелого ига меньшинства. Собственно поэтому, доведенный одно время (после Ахульго) русскими войсками до последней крайности, скитаясь как бродяга из общества в общество, из селения в селение, Шамиль везде находил не только приют, но и готовность разделить его судьбу, не взирая на всю опасность такого участия. Если бы на его месте был кто-нибудь другой, действовавший по другим принципам, он с первых же шагов был бы выдан русским, или убит своими же сородичами.

Поэтому настоящею причиною восстания в Дагестане были не Курали-Магома и не Гази-Магомет, а деспотизм и испорченность дагестанских владетелей, коварство и корыстолюбие Аслан-хана Казикумухского, умышленные или неумышленные ошибки его в административных распоряжениях, и, наконец, воздвигнутое им гонение на веру и покровительство им со стороны царских войск².

Это можно подтвердить словами Шамиля, который говорил: «Прежде всего, уничтожьте ханскую власть и дворянское звание, держите беков в таком же черном теле, в каком держал их я. После того делайте, что хотите, горцы во всем будут вам послушны, и вы будете ими довольны»³.

Вот почему нам думается, что Шамиль был выразителем интересов не феодалов, как говорят некоторые исследователи, а узденства и духовенства. Всем известно, что казна шамилевского государства и набов пополнялась за счет экспроприации феодалов и отступников шарията. Но возникает во-

¹ АКАК, т. XII, стр. 1501.

² АКАК, т. XII, стр. 1500.

³ Там же.

прос, если движущей силой движения было узденство во главе с духовенством, то можно ли утверждать, что это движение было реакционным и участники его были англо-турецкими агентами?

Нам думается, что такое толкование не отвечает фактическому положению вещей.

Отдельные представители исторической науки склонны считать борьбу горцев под водительством Шамиля англо-турецкой диверсией и провокацией. Они называют Шамиля ставленником английских и турецких колонизаторов и исполнителем их воли. Немыслимо, чтобы горцы в течение 35—40 лет проливали свою кровь лишь потому, что этого хотели турки или англичане. Чтобы турки или англичане наслаждались, в горах Кавказа женщины, дети и старики, отцы и матери, братья и близкие должны были умирать, собственно-ручно убивать детей, бросаться в пропасти, лишать себя крова и скитаться закованные в кандалах по Сибири. Нет, такое толкование не имеет оснований и противоречит действительному положению вещей.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы говорят об обратном, что турки не только сами не помогали, а наоборот, мешали революционным элементам — участникам польского восстания — проникнуть в Дагестан или оказать возможную помощь горцам. Вот что мы находим в документе: «Г. посланник наш при Порте Оттоманской в дополнение сведений, доставленных им министерству, сообщил мне, что Турецкое правительство вызвалось содействовать достижению сей цели и посему уже изготовлено Визирское предписание к Трапезондскому паше, имеющему надзор над Анатолийскими берегами, г. Бутелев, препроводив с означенного предписания перевод, присовокупляя, что Порта, в ознаменование искренности своего содействия предложила ему доставить оное паше через посредство нашего консульства в Трапезонде»¹. Теряется всякая логика, когда Турции приписывается заслуга в деле оказания помощи горцам Дагестана, которые были отрезаны от всего внешнего мира. Если бы даже Турция хотела оказать такую помощь, она бы не могла, ибо для этого ей нужно было пройти земли Армении, Грузии, Азербайджана или с севера земли Черкессии, адыгов, балкарцев, кабардишцев, осетин.

Другой документ не оставляет сомнения в том, что Турция не была заинтересована в оказании какой-либо помощи народам Дагестана в их борьбе против царизма. Вот что говорится в этом документе: «...До сих пор турецкое правительство, связанное взаимными выгодами политического сближения своего с Россией, благоразумно удерживается от заманчивого для

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 11, д. 567, л. I.

него вмешательства в горские интриги в Константинополе. Но если бы нашелся охотник, способный принять предводительство над враждующими там племенами, если бы при дальнейшем развитии польского вопроса Порты, склонясь на происки наших многочисленных врагов, подпала искушению облечь его в полномочие султанского посланца, если бы партия мира, истощенная внутренним бессилием, принуждена была и сама приложиться к торжествующему большинству, тогда по всей вероятности пламя восстания охватило бы все непокорные нам племена и война на Кавказе могла бы принять характер упорной и истребительной борьбы, поддерживаемой внушениями и пособиями запада и для коей с нашей стороны потребовались бы неприязненные усилия.

Совпадение оной с политическими осложнениями по поводу польских событий могло бы придать ей еще более важный характер, если бы турецкое правительство было окончательно увлечено тройственным союзом западных держав и неприятельским флотам открылся бы свободный доступ к восточным берегам Черного моря»¹.

К. Маркс в своем письме ясно определяет отношение горцев к Турции, говоря «... а кроме того, перспектива присоединения к Турции очень мало их воодушевляет»².

Нельзя не согласиться с мнением генерала Муравьева об отношении Шамиля и горцев к туркам. «При большой опытности и лучшем знании народов, с коими союзники вступили в сношения, они должны были бы рассудить, что горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго, и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов, столько же было бы для них тягостно, как и наше владычество... Шамиль, руководствуясь, быть может, подобными же мыслями, имел к союзникам нового рода едва ли не большее еще отвращение, ибо он мог ожидать, что мнимые благодетели союзники, хотя бы то были единовверные ему турки, потребуют от него покорности»³.

Французские историки пишут об отношении Шамиля к союзникам в период Крымской войны: «Шамиль тоже ничего не предпринял из недоверия не то к своим христианским покровителям, предлагавшим ему помощь, не то к султану, духовный авторитет которого ему казался подозрительным»⁴.

Без анализа социально-экономических причин этого движения немисливо объяснить, почему в течение многих лет большая часть населения Дагестана вела военные действия

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1093, лл. 1-5.

² К. Маркс. Соч., т. X, стр. 524-525.

³ Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом, т. I, Спб, 1877, стр. 293.

⁴ Лависс и Рамбо. История XIX в. Перев. с французского. М, 1938, т. 6, стр. 99-100.

против России. Общность религии приводила к тому, что Турция через своих духовных наставников, отдельных мюрид-эмиссаров, действительно влияла на население. Однако забывать социально-экономические причины движения и трактовать его как происки англо-турецких агентов и их ставленников, будет неверно.

До сих пор не обнаружено документов, доказывающих, что Шамиль непосредственно получал помощь вооружением, солдатами или деньгами из Турции. Турецкая армия не имела возможности помочь дагестанцам, и Шамиль, видя, что Турция не оказывает ему помощи, был настроен против турецкого султана. Вот, что говорится об этом в одном из документов: «Поручик, князь Илико Орбелиани, адъютант генерала Фези, попал в плен в 1842 г. к Шамилю. В беседах с Шамилем, однажды, опросил Шамиля, почему бы ему не взять пример с турецкого султана и не жить в дружбе с Россией? Дагестанцы могли бы тогда извлекать выгоды из торговли с русскими, между тем спокойно бы исполняли свой шариат». Шамиль ему ответил: «Конечно, но разве ты думаешь, что султан — верный исполнитель закона Магомета, а турки — истинные магометане? Они хуже гяуров. Ох, если бы они попались в мои руки, я изрубил бы всех на двадцать четыре куска, начиная с султана. Он видит, что мы, его единоверцы, ведем столько лет борьбу с русскими за бога и за веру, что же он нам не помогает!»¹.

Шамиль не только не англо-турецкий агент, но и из имеющихся документов вытекает, что он не оказывал в период Крымской войны сколько-нибудь серьезной прямой или косвенной помощи англо-турецким войскам. В правящих кругах Англии ослабление военных действий со стороны Шамиля в период Крымской войны истолковывалось чуть ли не как предательство. В речи, произнесенной в парламенте 5 мая 1856 года, лорд Кларендон, жалуясь на пассивность, проявленную Шамилем и его соратниками во время войны, ссылался на то, что «единственный период, в течение которого Шамиль и черкесы не принимали никаких военных действий против русских, были два года войны. Они никогда не проявляли... минимального желания помочь нашим войскам»².

О неприязненном отношении горцев восточного Кавказа к турецкому владычеству знал даже такой их притеснитель, как Николай I. Рассматривая обстановку на Кавказе перед предстоящей войной, царь считал, что «лучше всего было бы с главными силами направиться на Дагестан и Баку и здесь создать важнейший узел обороны, в надежде также и на

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6478, л. 94-об. Показание, данное Орбелиани после его освобождения из плена.

² Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1435, док. 76.

антипатию, которая существует между населением Дагестана и турками»¹.

Газимулла, Гамзат-бек и особенно Шамиль создали общественную организацию народов Дагестана в соответствии с требованием и духом времени.

Высшая форма организации горцев проявилась в шамилевской военно-теократической системе. В основу этой системы легли общие интересы военной обороны.

Военно-теократическая власть Шамиля по своему происхождению была демократической, основанной на признании и избрании ее собранием представителей народа. Эта власть не считалась ни с какими родовыми и племенными перегородками. На месте адата она ставила одно общее для всех мусульман право — шариат.

Шамиль сосредоточил в своих руках всю гражданскую и военную власть. Важнейшие военные, экономические, административные вопросы разрешались главным советом государства Шамиля — диван-ханой. Проводилась полная централизация государственного аппарата. Экономической базой, закреплявшей единство государства, служила финансовая и налоговая система, узаконенная шариатом. Арабский язык и арабская письменность заменили пестроту языков и были признаны общегосударственным языком и письменностью.

С созданием военно-теократического государства Шамиль разделил подвластную территорию на округа, во главе которых он поставил наибов. Округа делились на участки. Власть в аулах осуществляли выборные старшины. В целях устранения произвола со стороны наибов, муфтиев и кадиев Шамиль издал кодекс законов — низам, одобренный диван-ханой, который устанавливал единые законы для всей территории имамата.

Закон строго наказывал за воровство, уклонение от военной службы, предательство. По закону уравнивались права наследства для всех детей, регулировались брачные отношения и калым, наносился сокрушительный удар по обычаю кровной мести, искоренялась административно-судебная власть ханов, беков и их привилегии как политические, так и экономические. Шамиль создал государственную казну, организовал централизованную армию, численность которой доходила до 60 тысяч. Вместе с тем он организовал во всех наибствах ополчение, наладил собственное производство оружия.

Борьба за национальную независимость объединила горцев в централизованное военно-теократическое государство. Это, разумеется, еще не означает, что государство Шамиля было приемлемым для всех народов Дагестана. Однако организационные мероприятия, проведенные Шамилем по сплочению

¹ Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 275, док. 96.

народа и созданию государства для защиты от колониального завоевания, по своей значимости являются величественными и достойными восхищения.

Нам думается, что характеризуя колониальную политику царизма и борьбу горцев против завоевателей, нельзя отождествлять русский народ с реакционным русским царизмом. Были две России — Россия угнетателей и Россия угнетенных.

Угнетатели истребляли горцев, поднявшихся за свободу, и в этой борьбе было выковано новое оружие — мюридизм, который сыграл огромную роль в судьбах Дагестана.

В противовес официальной религии, закреплявшей существующий порядок, уже с XVII в. в Дагестане получают широкое развитие мусульманские секты, возглавлявшиеся вовсе не принадлежавшими к официальному духовенству «шейхами» и явно выражавшими чаяния угнетенных классов в идее «имамата», построенного на основах уничтожения сословий и равенства всех граждан перед общим для всех религиозным законом — шариатом. Секты эти, естественно, вели своих последователей по пути фанатического аскетизма, а аскетизм, по словам Ф. Энгельса, «характерен не только для всех восстаний средневековья с религиозной окраской, но и для начала всякого пролетарского движения новейшего времени, эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех радостей жизни, с одной стороны, выдвигает против господствующих классов принцип спартанского равенства, а с другой — есть необходимая переходная ступень, без которой низший слой общества никогда не может придти в движение. Чтобы развить свою революционную энергию, чтобы выяснить самому себе свое враждебное отношение ко всем другим элементам общества, чтобы объединиться, как класс, — этот слой должен начать с отречения от всего, что еще может примирить его с существующим общественным строем»¹.

Лозунгом защиты шариата мюридизм прикрывал главную цель — политическую борьбу против русского царизма.

Таким образом, к началу 30-х годов складывается, примерно, следующая расстановка сил. Против царизма выступают проповедники мюридизма, как хранители «священных идей» ислама, узденская верхушка, пытающаяся отменить привилегии ханов и беков, узденская масса, недовольная политикой царизма, жестокостью ее администрации, усилением феодальной реакции и стремившаяся к освобождению от феодального гнета.

Знаменем, объединившим все группы, участвовавшие в движении, был лозунг религиозной независимости. Это и дало всей борьбе ярко религиозную окраску. Как указывал

¹ Коммунистический манифест. Изд. Ком. ак. — примечание к главе 3-й, стр. 192.

В. И. Ленин, «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития». ¹

Неслыханный даже в истории ислама взрыв религиозного фанатизма у горцев имел, конечно, экономическую и политическую основу.

Социально-политических предпосылок для использования религиозных настроений масс было достаточно. Но кроме того, политическое положение в крае обострялось царскими военными управителями-усмирителями и лакействующими перед ними местными владетелями.

В одном из писем Шамиля генералу Розену говорилось, что «войска Койсо-буюн, Гумбет, Андалал, Нусал, Баголал, Чамалал и другие войска от чистого сердца признают и принимают мусульманскую веру, беря на себя ее законы. Все они будут мириться вместе и бороться вместе. И они разгромляют аулы, которые отделяются из их среды. Поэтому нет для вас пользы в ведении переговоров с вашей стороны с жителями одного или двух аулов. Если вы захотели мир и согласие с нами, то мы хотим иметь его с вами. Поэтому заключайте мир со всеми по-хорошему без обмана и коварства. Если же вы хотите войну, то знайте, что мы мужчины, которые не отказываются от войны. И раньше мы с вами находились в согласии мира и заключили перемирие с вами. Потом вы нарушили (мир) тем, что вы выступали против нас неоднократно. Поэтому виноваты вы, а не мы. Слава аллаху и в начале и в конце». ²

Предпосылки для успешной обработки масс в пужном для шейхов смысле на территории горских земель были налицо, и проповедники ислама не преминули воспользоваться этим. На далеких от культурных центров того времени равнинах Закавказья и в диких ущельях Кавказа это философское учение «созерцания божества» дало специфические результаты. Под его влиянием аскеты делались вооруженными борцами за «истину». Объективные условия толкали дагестанских и вообще кавказских тарикатистов избрать боевой путь «непобедимых», вместо сиденья в бесконечных молитвенных бдениях под сводами келий и мечетей. И все, что было фанатического на Кавказе, устремилось за новым учением.

Таким образом, из аскетического учения духовного совершенства на исторической арене первой четверти XIX века появляется воинствующее движение — мюридизм, сумевший поднять горцев Дагестана на газават.

¹ В. И. Ленин, т. 4, стр. 223.

² Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. № 105, док. 338.

Известно, что дагестанские мюриды разделялись на два разряда: на мюридов наибских и мюридов по тарикату. Первые из них, как порождение газавата, действительно исчезли вместе с газаватом и званием имама. Но мюриды по тарикату существовали решительно во всех сектах, образовавшихся из созданной религии. Слово «мюрид» в тесном смысле значит — «искатель правильной дороги», а в смысле общем — «ученик, желающий учиться». В то же время «шариат» — значит правильная дорога, следовательно, учением «мюридизма» скорее следует назвать «шариат».

Мюридом по тарикату и мюридом наибским мог сделаться всякий желающий, без различия возраста (с 15 лет), состояния и умственных способностей. Желающий получить это звание должен был для этого явиться к известному преподавателем тариката муршиду, или, что все равно, — одержимому болезнью «зультат». Объявив ему желание «искать правильную дорогу», желающий получал указание — какие книги следует читать и на какие места в них нужно обращать особенное внимание. Сверх того ему давали изустное наставление — как должен держать себя человек, желающий идти по стопам пророка и удостоиться блаженства в будущей жизни, отказавшись от приманок настоящей.

Затем будущий мюрид отправлялся к себе домой, или же оставался в той деревне, где проживал избранный им наставник; но во всяком случае на собственном своем иждивении. С этой минуты он принимал название мюрида и предавался единственно изучению тариката, устраняя от себя всякие другие житейские заботы. Только изредка являлся он к муршиду за разъяснением своих недоразумений, а также и для бесед, в которых обнаруживались сделанные им успехи. Формального же испытания, которое давало бы другим людям возможность судить о степени познаний мюрида, не было, и репутация этого будущего ученого окончательно составлялась все тем же наставником на основании видений, представлявшихся ему во время пароксизмов болезни «зультат».

Мюриды, посвятившие себя тарикату, считались в Дагестане лицами привилегированными и даже избавлялись от обязанности участвовать в газавате. По словам Шамиля, немногие из таких мюридов пользовались этим правом, а напротив, всякий, кто имел возможность исполнить это богоугодное дело, непременно принимал в нем участие, за исключением разве тех, которые были заняты изучением самых высоких истин, — занятие несравненно важнее всякого газавата. Мюриды по тарикату пользовались в стране большим уважением и влиянием и весьма легко разжигали фанатизм.

Совсем другого рода человек был наибский мюрид и столь же различны были условия его быта, обязанности,

которые он на себя принимал. Все познания его в книжной мудрости ограничивались чтением корана и сознанием необходимости газавата. Все его достоинства, физические и моральные, заключались в отсутствии физических недостатков, препятствующих владеть оружием, и в слепом повиновении своему наибу, как бы бесчеловечны и несправедливы были его приказания.

За свою службу при наибе мюрид получал от него все, что необходимо для существования и для участия в войне. Ему давали лошадь, оружие и одежду, если он в них нуждался. Иногда наибы содержали и всю семью мюрида; у самого Шамиля это было всегдашним правилом¹.

Такие условия составляли лакомую приманку для людей, которым нечего было терять. Впрочем и люди богатые шли в мюриды чуть ли еще не с большею охотою, имея в виду удовлетворение честолюбия, так как служба мюридов считалась самой почетной в крае, а сами мюриды, если не пользовались особенным уважением, то внушали страх.

Наибские мюриды составляли учреждение Шамиля — при прежних имамах их не было. Его побудило к этому необходимость иметь под рукою верных людей для безотлагательного исполнения различных мер, требуемых исключительным положением страны и разнородностью элементов ее населения. Некоторые историки путают и не отличают мюридов от муртазегетов. Муртазегетом назывался в Дагестане каждый воин не-мюрид. В Чечне же это имя носили люди, посвятившие себя собственно кордонной службе и занимавшие караулы по всей границе немирной Чечни пикетами, а также у ворот и на вышках селений; за эту службу они получали от своих обществ особую плату.

При Шамиле мюриды были настолько зажиточны, что могли содержать семейства и в свое отсутствие². Приблизительным образом определяет число мюридов наибских сын Шамиля, Гази-Магомет, основывая свою догадку на распоряжении Шамиля, по которому наибы (числом от 40—50-ти) не должны были иметь более двенадцати мюридов, и то по мере действительной надобности, и принимая во внимание, что у него самого, по званию мудира, было только 20 мюридов, а у многих наибов не более пяти. По его словам, число всех мюридов не превышало четырехсот. В числе их находились и мюриды тариката.

¹ На иждивении Шамиля жили 132 мюрида, составлявших постоянную его стражу, семейства некоторых наибских мюридов, множество нищих и увечных горцев с их семействами и все беглые солдаты, проживавшие в Ведене, всего до 2000 душ.

² АКАК, т. XII, стр. 1491. Тифлис, 1904 г.

После этого нам становится понятным, что учение тариката отнюдь не было опасно для спокойствия народов: оно было скорее способно сохранить мир, нежели возбудить войну, потому, что последователи этого учения являлись скорее монахами, а не воинами. Доказательством сего служат его требования, во всем сходные с монашеским обетом: как можно меньше говорить; ушам и глазам воли не давать; как можно меньше есть; как можно меньше спать и как можно больше молиться богу.

Учение тариката представляет собою результат буквального выполнения требований шариата. Достигнув этого совершенства с помощью особых молитвенных приемов, человек отрешается от всех уз, соединяющих его с миром. Поэтому в тарикате ни одного слова не говорится про газават. Напротив, он строго предписывает своим последователям удаляться от всего, что напоминает войну; так что мусульманин, выразивший желание принять учение тариката, этим самым заявляет о своем отвращении к войне.

Короче говоря — учение тариката не включает в себе ни малейшего политического оттенка: это монашеский орден, сходный с церковными монашескими орденами.

Последователи тариката далеко не представляли собою той опасности для общественного спокойствия, какую представляли последователи некоторых других сект.

Действительно же опасность со стороны мюридизма заключалась, по словам Шамиля, отнюдь не в учении тариката, а в общем учении ислама¹. Чтобы в этом убедиться, стоит только прочитать первые страницы корана, наизусть выученные каждым мусульманином: стремление к прозелитизму и религиозная нетерпимость, резко высказанные на этих страницах, — вполне подтверждают слова бывшего имама.

И действительно, семилетний мальчик, начиная учиться закону божию, прежде всего получает убеждение, что нет бога, кроме «его» бога; и что самое богоугодное на свете дело заключается в обращении всех неверующих к исповеданию этого бога.

Таким образом, знамя священной войны обыкновенно поднимали не муршиды — проповедники тариката, а последователи общего учения ислама, фанатики — амены, которые назывались муршидами только в исторической литературе, потому что муршид не может быть народным предводителем, точно так же, как и народный предводитель не может быть муршидом. Это не мешало, однако, историкам называть муршидом не только Шамиля, но даже и Гамзат-бека, тогда как ни тот, ни другой муршидами не были.

¹ АКАК, т. XII, стр. 1491. Тифлис, 1904 г.

Перекинувшись из Турции в Среднюю Азию, затем через соответствующих турецких эмиссаров в Азербайджан, мюридизм при помощи муршидов распространился и в Дагестане, сначала лишь в одном уголке тогдашнего Кюринского ханства, а затем и в Северном Дагестане. Отцом и носителем мюридизма на Кавказе являлся Эфенди Гаджи-Измаил, называвшийся муршидом. Он жил в бывшем Ширванском ханстве Азербайджана, в селении Кюрдемир. Звание муршида он получил от учителей своих, известных на Востоке богословов.

Муршид считал себя посвященным во все таинства мусульманской веры. Ученики его, называвшиеся мюридами, составляли особую секту. Они отличались от крестьян одеждою, сдержанностью и строгим соблюдением всех правил шариата. Постоянно находясь в молитве и посте, они не прикасались к спиртным напиткам, запрещенным Магомедом, не курили табак, убегали от светских развлечений и роскоши. Преданность учителю и слепое повиновение его воле — главнейшая заповедь мюридов.

Эфенди Гаджи-Измаил, распространив мюридизм в Ширванском ханстве, стал проповедывать мюридизм и в Дагестане, провозгласив ученого Магомеда Яраглинского муршидом дагестанским.

Магомед Яраглинский не жалел ни трудов ни денег для того, чтобы жители окрестных селений приходили слушать его проповеди. Сущность учения Магомеда Яраглинского заключалась в том, что истинные последователи корана не должны признавать над собою другой власти, кроме духовной. Если же обстоятельства поставят их под христианское иго, то, считая это за величайшее наказание, ниспосланное богом за грехи, они должны с терпением ожидать минуты, когда создастся возможность восстать против русских.

Слух о Магомед Яраглинском стал широко распространяться. Горцы со всех сторон стекались в селение Яраг. Таким образом, число мюридов в Кюринском ханстве стало быстро возрастать.

Из разных «вольных» общин сюда приехало много мулл, в том числе Магомед Гимринский, ставший впоследствии известным под именем Гази Муллы. Яраглинский муршид развил перед ним свои взгляды и восторженно говорил о необходимости газавата. Гази Мулла не отказался от его предложения и поклялся вооружить жителей северных районов против русских во имя защиты религии. Яраглинский муршид провозгласил его кадием и благословил на газават.

После Гази Муллы во главе мюридов становится имам Гамзат-бек, который отличался от Гази Муллы и Шамиля тем, что не обладал личной храбростью и не был таким фанатиком, как они.

После гибели Гамзат-бека его место занял Шамиль. По воле узденства Шамиль вскоре был избран имамом и возглавил мюридистское движение.

По свидетельству секретаря Шамиля Хаджи-Али, Шамиль был человеком ученым, набожным, проницательным, храбрым, решительным, хорошим наездником, стрелком, пловцом, бегуном. Твердость характера, преданность делу, честность, незаурядные полководческие способности создали Шамилю большой авторитет среди горцев. Именно потому он возглавлял это движение в течение 25 лет. Однако действия Шамиля на разных этапах борьбы были непоследовательными и во многом противоречивыми, что наносило ущерб военно-теократическому государству.

Нам думается, что Дагестан следует считать небольшой страной, воевавшей с великой державой за свою независимость, против колониального порабощения. Эта война длилась в течение многих лет. С обеих сторон одновременно в военных действиях принимало участие огромное количество войск. После окончания Крымской войны Россия выставила против войск Шамиля более 350 тыс. солдат регулярной армии с большим количеством артиллерии и другого вооружения.

В 1820—1840 гг. имамату удалось объединить в централизованное военно-теократическое государство все народы Дагестана, создать, кроме ополчений, регулярную армию, государственные учреждения. Правда, религиозный дурман заслонял основную политическую цель борьбы горцев. Однако за эти годы военно-теократическое государство ликвидировало ханско-бекские привилегии, их экономические и политическое господство, отменило крепостничество и сословное деление среди узденства. В большинстве районов имамату удалось заменить патриархальные порядки адата основами шариата, что являлось положительным явлением в развитии новых общественных отношений.

Имамат предопределил переход к единым государственным налогам и созданию централизованного финансового аппарата и казначейства. Имамат учредил знаки отличия, знамена, ордена, установил строгую дисциплину в войсках. Эти и многие другие мероприятия обеспечили успех военных действий и создали угрозу существования колониальной системы в Дагестане. С 1840 по 1850 г. шамилевское военно-теократическое государство было полновластным хозяином в северо-западном Дагестане и Чечне.

От Самура до Черноморского побережья все селения были охвачены движением. Едва ли 10 процентов населения оставалось в эти годы покорным царизму. Имели свое правление—наибства и примкнули к Шамилю:

1. Черкесы и адыги — 501 тыс. душ.
2. Абадза — 109 тыс. душ.
3. Чегемцы и балкарцы и часть жителей большой Кабарды.
4. Чеченцы и ауховцы — 218 тыс. душ.
5. Часть терских кумыков и кумыки владения шамхала Тарковского.
6. Салатавцы, гумбетовцы, андийцы, койсубулинцы, аварцы (кроме некоторых аулов Хунзахского плато), батлукцы, каралинцы, чамалал, андидидойцы, тамсудинцы, кособцы, анкратлевцы, бежетинцы, андалалцы, гидатлинцы, карахцы, рисоравцы, горная часть Каракайтага, Табасарана, часть акушинцев, лакцев, горная часть Джарской области и часть селений южного Дагестана ¹.

Ранее разрозненные, враждовавшие между собою горские племена, в силу сложившейся внешне-политической обстановки, слившись как ручейки в могучий поток, объединились и под знаменем свободы, во главе с Шамилем, выступили против царизма.

Возникает вопрос: если Шамилем в это время были проведены столь значительные мероприятия по укреплению имамата, как независимого государства, если борьба народов этого государства была направлена против тех, кто силой оружия уничтожал его суверенитет, самостоятельность и независимость, а со стороны царизма это была захватническая, колониальная война, то почему же столь упорное и энергичное сопротивление со стороны горцев под руководством Шамиля принято считать реакционным. Не впадают ли в крайность историки, которые придерживаются этой концепции, не идеализируют ли они царизм и его колониальную политику, не становятся ли они на путь ревизии марксизма-ленинизма в характеристике колониальных войн?

Если это было, по выражению Ленина, политическим и экономическим завоеванием царизма, то как можно отрицать прогрессивность борьбы горцев против захватчиков или завоевателей? Почему мы замалчиваем слова великого Маркса: «Храбрые черкесы снова нанесли русским несколько серьезных поражений. Народы, учитесь у них, на что способны люди, желающие остаться свободными» ².

Значение борьбы горцев высоко оценивалось революционными демократами Добролюбовым, Чернышевским, Белинским. Перед горцами преклонялись гении русского народа — Пушкин, Лермонтов, Толстой. Войну горцев под руководством Шамиля считали прогрессивной ученики Ленина — Сталин, Орджоникидзе, Киров и Фрунзе.

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 2459, лл. 63-69.

² Коммунистический манифест. Библ. научн. коммунизма, М., 1930, стр. 235-237.

Наши товарищи говорят о прогрессивном значении борьбы Салавата Юлаева против екатерининских войск, восстаний в Польше в 30-х и 60-х годах прошлого столетия, борьбы Кармелюка на Украине. Если все эти движения рассматриваются в исторической науке как прогрессивные, освободительные, то почему подобную же борьбу горцев Дагестана нужно считать реакционной, не национально-освободительной? Когда горцы так яростно боролись против царизма, отвлекая на себя его значительные силы, они косвенно помогали русскому народу, который также боролся против своего классового врага.

У русского народа и дагестанцев был общий враг царизм. Поэтому нельзя ставить знак равенства между национально-освободительным движением народов Дагестана и реакционным учением и идеологией ислама, так же как и реакционный царизм нельзя отождествлять с русским народом. Тарикатизм — идеология мюридов — был лишь оболочкой прогрессивного национально-освободительного движения горцев Дагестана.

Мы изложили вопрос о мюридизме и движении Шамиля пока что только с одной точки зрения. Мы показали, как это религиозное учение в ходе событий вплелось в идею антикрепостнической и национально-освободительной войны, как мюридизм стал религиозной оболочкой движения. Эта религиозная оболочка в свое время, как указывал Энгельс, была нужна массам, но мы, исследователи, должны за этой оболочкой ясно видеть истинную классовую и национальную сущность движения. С этой точки зрения борьба Шамиля была справедливой и его движение по своей социальной сущности являлось прогрессивным. Это была прежде всего крестьянская, антикрепостническая, антифеодалная война, волею событий и внешней обстановки переросшая в борьбу народа за свою свободу и независимость. Но, делая такой, в общем правильный вывод, мы допустили бы ошибку, скатились бы к односторонней оценке движения Шамиля, если бы тут же не дали освещения тех реакционных черт, которые порождались мюридизмом, как религиозной идеологией.

Объективно присоединение Дагестана к России сблизило народы Дагестана с русским народом и он помог их экономическому и культурному возрождению. Русская экономика и культура приобщили народы Дагестана к цивилизации и постепенно втягивали его экономику в общеевропейские связи. В этом крае создавались школы, больницы, были созданы общегосударственные правовые институты, объединяющие все народности в одно целое. Появилась интеллигенция, которая воспитывалась на демократических и революционных традициях русского народа. Не может быть и сомнения в том, что идеи декабристов и революционных разночинцев, наука

и культура, передовая общественная мысль того времени не были прогрессивными для народов Дагестана.

Независимо от целей и желаний царизма, вхождение многочисленных народов Дагестана в состав сильного централизованного русского государства имело для них огромное прогрессивное значение. Вопреки реакционной великодержавно-шовинистической политике царизма трудолюбивый, гуманный, великодушный русский народ сыграл прогрессивную роль в дальнейшем экономическом, политическом и культурном развитии народов Дагестана.

Присоединение к сильному, передовому русскому государству и объединение экономических ресурсов ускорило общественное развитие народов Дагестана, содействовало росту производительных сил и культурному взаимообогащению их. Оно ускорило процесс слияния и консолидации различных этнических групп в единые народности. Оно вывело отсталые народности из состояния изолированности и включило их в общий поток поступательного исторического развития России в целом.

Благодаря этому акту судьбы народов Дагестана слились воедино с судьбой России, с судьбой русского народа. В результате присоединения к русскому государству народы Дагестана приобщились к передовой материальной и духовной культуре русского народа. Соединившись с русским народом в рамках единого Российского государства, народы Дагестана были спасены от поглощения и порабощения иноземными захватчиками.

Благодаря присоединению к Российскому государству народы Дагестана обрели в лице русского народа и его передового отряда — революционного русского пролетариата — великого союзника, верного друга, защитника и руководителя в борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

Таким образом, объективно для народов Дагестана присоединение к России было более прогрессивным явлением, чем перспектива стать колониальным придатком отсталой Турции или Персии. Ф. Энгельс писал К. Марксу: «Чем больше я размышляю об истории, тем яснее мне становится, что... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹.

В национально-освободительном движении горцев Шамиль избрал своим знаменем учение ислама, которое разбивает все народы на правоверных и неправовверных. «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство, — писали Маркс и Энгельс, — сводят географию народов всего мира к простой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 210-211.

и удобной формуле деления на две половины: правых и неверных. Неверный — это «гяур», это — враг. Ислам прокликает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»¹.

Мюридизм и его учение привели к изоляции и обособленности горцев от освободительной борьбы других народов России и, прежде всего, русского народа.

В последние годы имамата с особой силой разворачивается мобилизация земельной собственности, выражающаяся прежде всего в разграблении богатыми слоями общинных земель. Наибы нередко сами организуют это разграбление. Однако крестьянская масса оказывает этому разграблению сопротивление.

К концу движения наблюдается упадок имамата, что выразилось в первую очередь в усилении внутренней борьбы.

Беспощадно подавив ханско-бекские группы, Шамиль в то же время создал новую аристократию — институт военно-теократических бюрократов. Предоставление хозяйственных, политических и административных льгот и преимуществ фактически и юридически превращало наибов, видных узденей и духовных вождей в новую аристократию, от которой не только политически, но и экономически зависели широкие массы горского крестьянства.

Постепенно разлагаясь, эта аристократия превратилась в эксплуататорскую касту, угнетавшую население. К концу движения видна была усталость трудящихся масс. В горах не стало ни хлеба, ни соли и начался страшный голод.

Трудящиеся Дагестана постепенно осознавали, что мюриды подвергают их гнету и усилили свое сопротивление этому. Из года в год увеличивалось количество горцев, которые в дагестанских полках и милиции принимали участие в боях против войск Шамиля. «Дух горцев, их готовность умирать с оружием в руках были в последние годы низведены до ничтожества непрерывными неудачами, ужасными потерями, обнищанием, жестоким деспотическим управлением шамилевских наибов, это были уже не одушевленные фанатизмом полчища, а простые толпы насильно согнанных голодных, отупевших людей, машинально, из страха казни, повинующихся; действительных бойцов, сохранивших дух джигитства, оставалось, может быть, три-четыре сотни из десятка тысяч, приведенных на Лезгинскую линию»².

В сражениях при взятии Ахульго участвовало более 3000 милиционеров из народностей Дагестана. Начальник Дагестанской области в своем отчете писал: «Набегавшие к нам

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 6.

² А. Зиссерман. История 80 пехотного Кабардинского полка. Т. 3, стр. 165.

горцы большей частью выходили вследствие преследования Шамиля, или его приближенных, и, будучи принимаемы нами, старались отблагодарить нас своею боевой службой. Эти, по истине, заслуженные люди настоятельно требовали полного разрешения им прав семейных и имущественных, а между тем, дома и земли их оказались конфискованными Шамилем и уже перешедшими в постоянное владение. Жены же, ими оставленные, выданными замуж за других лиц»¹.

Против юридикзма выступали даже отдельные духовные лица. О борьбе Саида из Араканы против Кази-Муллы подполковник Н. П. Неверовский писал следующее: «В то же самое время восстал против возмутителя бывший его учитель, знаменитый Алим Сеид Эффенди, подобного которому не было в Дагестане. Обласканный и уважаемый генералом Ермоловым, он был известен нашему правительству с отличной стороны. Изучив в подробности коран и постигая важность заблуждения, в которое попали горцы, — от принятия ложных правил юридикзма, Саид Эффенди начал опровергать новое учение и опровергать с большим успехом»².

В 1846 году газета «Кавказ» писала: «Некоторые лица из магометанского духовенства стали опровергать новое учение, но глава мюридов Шамиль сжег их дома, расхитил имущество и страхом заставил умолкнуть противоречия, грозя оружием не признающим его правила, вскоре распростер духовную, а вместе с тем и политическую власть над многими обществами Дагестана. Другие из них вооруженною рукою отстаивали свою независимость от притязаний честолюбца-фанатика и довольно счастливы, что так юридикзм мог бы потухнуть, если бы русское правительство тогда не вмешалось в это дело»³.

Сулейман Эффенди, некоторое время находившийся у Шамиля, а потом отколовшийся от него, написал следующее обращение к горцам: «Без всякого основания и исследования истины, а только по одной лишь клевете, приказывает он (Шамиль) своим палачам лишить жизни почтенных мусульман, обвиняемых в мнимых преступлениях, причем цель его состоит в том, чтобы вселить страх в других и тем утвердить над ними власть свою на прочном основании... Он, не обвиняя обитателей некоторых дагестанских деревень в изъявлении ими покорности и повиновения русским, делает на них нападения, взрослых мужчин умертвляет, женщин и малолетних детей берет в плен, а имущество их захватывает в пользу своей

¹ Отчет начальника Дагестанской области за период со времени образования Даг. обл. по 1 ноября 1863 г.

² Истребление аварских ханов в 1824 г. Отрывок из рукописи подполковника ген. штаба Неверовского. СПб, 1848, стр. 16.

³ «Кавказ», № 2, 1846 г.

казны и своих приверженцев... Шамиль разрешил своим набам совершать смертную казнь, произвол!»¹

Это письмо было предметом обсуждения в некоторых обществах и аулах Дагестана. Так, например, бежетинцы, анцухцы и амцросцы (жители теперешнего Тляратинского района) при обсуждении этого письма говорили: «Если с кожи щипать по одному волосу, то, наконец, останется голая кожа, то равным образом и от Шамиля мало помалу отстанут люди, пользующиеся в народе весом, иные по собственному желанию, а другие будут отторгнуты от него русскими, силою, так что Шамиль со временем подобно общипанной коже, останется совершенно гол»².

Это предсказание сбылось. Надо отметить, что дидойцы, жители самой высокогорной части Дагестана, еще 29 сентября 1821 г. подписали договор о подданстве России³. «Отходило от Шамиля и население, которое беспощадно эксплуатировалось набями, зачастую являвшимися для своего народа «обнаженными саблями», «взяточниками», «насильниками», «подлыми и своекорыстными людьми». Шамиль посылал карательные экспедиции и ряд набов. Население все чаще и чаще восставало против набов. Классовые противоречия в лагере Шамиля обострялись. Силы Шамиля слабели»⁴.

Это не могло не привести к ускорению крушения режима теократического государства Шамиля.

Однако все это еще не позволяет заявлять, что движение горцев против колониальной политики царизма было реакционным, и отрицать его национально-освободительный характер.

Следующее завещание Шамиля дает нам право утверждать это: «Любите свободу, как мать родную, и жизнь ваша будет вечно прекрасной. Пусть золото и богатство вас не манят, побольше любите ущелья гор седых. Боритесь за свободу, защищайте ее. Без нее для вас, бедных горцев, нет жизни»⁵.

Борьбу горцев Дагестана под руководством Шамиля нужно рассматривать, как национально-освободительную, прогрессивную борьбу против колониальных завоевателей в лице реакционного царизма и его дворянской верхушки.

Без этого нельзя объяснить национальную политику нашей партии, роль русского народа в освобождении от колониального рабства национальных окраин бывшей России, совершенном в ходе Великой Октябрьской революции.

¹ «Кавказ», № 5, 1847 г.

² «Кавказ», № 27, 1847 г.

³ ЦГИА Груз. ССР, № 2, ОПЛ, ед. хр. 962.

⁴ К биографии Шамиля, «Красный архив», 1941, № 2(105).

⁵ Рукоп. фонд ИИЯЛ. Письмо Шамиля.

Без этого нельзя объяснить, почему Советское государство сочувствует освободительному движению угнетенных народов капиталистических стран.

«Теория» о реакционности освободительной борьбы горцев не может устроить советских людей, она противоречит фактам, документам, она направлена на ослабление дружбы между народами. У каждого малого или большого народа есть свое прошлое и настоящее. Прошлое Дагестана насыщено большими событиями и отбрасывать его под предлогом «реакционности» — это значит фальсифицировать историю.

Покончить с фальсификацией истории движения горцев Дагестана под руководством Шамиля — почетная задача советских историков.

ЛИТЕРАТУРА
и
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Ш. И. МИКАИЛОВ

Кандидат филологических наук

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ГАМЗАТА ЦАДАСЫ

Обычно биографию писателя положено начинать с детства. Этот период жизни отражается на деятельности поэта, кладет неизгладимую печать на всю его дальнейшую жизнь.

Но что можно сказать о детстве поэта, отец которого прошел тернистый путь горца-бедняка? Что можно сказать о детстве человека, который семи лет лишился отца?

Собственно, детства и отрочества в обычном смысле у Гамзата Цадасы не было. Была лишь мечта о лишней га-лушке, о комке толокна. Жмутся детишки друг к другу, сидя у камина, где тлеют куски кизяка, и коротают вьюжные вечера горной зимы, конца которой не видно. Но кизячный дым не греет, он лишь обдает едким запахом все жилище. Детей грели прибаутки, сказки, которые они слышали от старших и рассказывали друг другу. Через века проходили эти прекрасные, незамысловатые творения народного поэтического гения, изменяясь и совершенствуясь. В этом кругу замыкались все радости маленького Гамзата. Они оставили неизгладимый след в детском воображении, они возбуждали любознательный ум и фантазию будущего поэта.

Вспомним стихотворение поэта «Сон (сказочка)», написанное уже в преклонном возрасте, в 1940 году. В этом, сравнительно небольшом произведении Гамзат в искусном сплетении с реальным миром сумел показать чудесный мир народной фантастики. Эта игра детского воображения в устах маститого поэта прозвучала как краткая летопись народной мудрости. Вот пред вами предстает мирный пахарь, трудящийся на полях, чабан-страж, коротающий ночь у своих стад; заяц, лиса шныряют в кустах, медведь и кабан ворочают валежник в лесах, а наш герой во сне все мчится и мчится над неведомой страной. «На орлице с журавлями в землю Цора он слетал; жил на башне у Немруда, Сураката край видал. Был у нарта — одноглаза, пятиногих навестил и в чертогах дивных дэвов как почетный гость гостил».

Что же было в отрочестве? Оно не особенно отличалось от детства. Официальная общественная среда, в которую Гамзат впервые в жизни входит, — это группа муталимов во главе с муллою. Идеология их вполне гармонировала с почерневшими от дыма сальных светильников каменными стенами мечети, от которых веяло вечным холодом. С потолка мечети свисали серо-черные ожерелья паутины, на полках лежали огромные комья сала, каждый из которых имел своеобразный цвет — печать десятилетий, а может быть и больше. Эти комья росли из кусков сала, приносимых правоверными в дар для освещения мечети.

Представьте Гамзата, сидящего на корточках и с упорством горца-муталима твердящего урок, заданный муллою. Но что было бы со всеми муталимами, в том числе и с Гамзатом, если бы они пребывали под исключительным влиянием убеждений учителей-догматиков? Но так не бывает. Даже там, где господствует мрак мистицизма, всегда пробиваются ростки здравого смысла.

В каких бы условиях она ни воспитывалась, молодость всегда стремится к свету. Так было и с муталимами. Так рос и Гамзат, которого целиком захватывала полная кипучей энергии и внутренней борьбы жизнеутверждающая народная поэзия; он знал современных ему поэтов и их произведения. Поэтическое творчество у аварцев тогда было на сравнительно высоком уровне. Любовь народа, особенно молодежи, к певцам была безгранична.

Проф. Жирков, приезжавший в горы с научной экспедицией в начале 20-х годов, писал, что «перед приехавшими в Аварию открывается широкая картина деятельной литературной жизни... Когда вы едете в Хунзах, спуститесь с первого плато в Араканское ущелье, проезжаете мимо аула Араканы, вам сообщают, что в Араканах живет знаменитый поэт... В дальнейших беседах с аварцами выясняется, что и в Ашильта есть поэт, что в Игали есть поэты, что и в других аулах литераторов много. Словом, мы наблюдаем полную и развитую аналогию с тем, что мы видим в нашей европейской литературной жизни.» (Старая и новая аварская песня». 1927).

Раз появившись, удачная песня передавалась из уст в уста. У автора ее переписывали друзья, которые передавали ее дальше; так песни быстро распространялись по всей Аварии. Их обсуждали, критиковали, комментировали.

Гамзат был одним из таких поэтов, его талант, попавший в подобное окружение, не мог не проявиться в поэтическом творчестве. Но по какому пути суждено было пойти этому творчеству?

Тяжелое, безысходное положение безземельного крестьянина-горца в дореволюционной Аварии, жестокая эксплуатация его кулачеством, бесправное, униженное положение женщины, реакционная роль духовенства в классовой борьбе — вот что наблюдал Гамзат Цадаса с самого начала своей сознательной жизни, ощущая на себе ее горести и лишения. Все это в будущем поэте создало такое мироощущение, которому впоследствии суждено было воплотиться в острой сатире. Этим и объясняется то обстоятельство, что мотивы, выражавшие социальное неравенство, социальный протест, давали себя чувствовать еще в ранних произведениях Гамзата.

Уже в таких, на первый взгляд, безобидных произведениях, как «Собака Алибека», «Песнь о дохлой собаке Исина», «Песнь о павшей корове», начинают звучать социальные мотивы. Если в этих произведениях речь идет о противоречиях окружающей его жизни, то в таких стихотворениях, как «Тревожный поход», Гамзат обращает свой взор на царских чиновников, бичуя косность, несправедливость. И вполне понятно, что Гамзат после Великой Октябрьской социалистической революции без колебаний поставил свой талант на службу Коммунистической партии и Советской власти.

Иного пути у Гамзата не было.

Надо сказать, что лойяльных Советской власти поэтов в те годы, как и позже, было много. Но лойяльность одно, а ярко выраженное классовое самосознание, революционная целеустремленность, поэтический кругозор — дело другое. Многим поэтам всего этого не доставало. В основном произведения таких поэтов носили просто просветительный характер, революционность некоторых из них сводилась к благодарственному восхвалению бога за то, что он избавил народ от жестокого царя Николая. Можно назвать такие имена как Абдурашид из Араканов и др.

Среди этих поэтов резко выделяется поэтический облик Гамзата Цадасы. Он стал выступать как борец за новое. Первые же его произведения свидетельствовали о том, что он принял новый строй не как простой факт смены одной власти другой, хотя бы демократической, а как то, за что еще надо бороться и бороться. Чувство нового, стремление к новому может быть и у буржуазного писателя, но гамзатовская борьба за новое была строго классовой, в интересах социалистического строительства.

Повседневно общаясь с народом, среди которого родился и вырос, встречаясь с представителями разных аулов, Гамзат впитал в себя все особенности окружающей его жизни, к критическому восприятию которой он приучился еще с первых лет творчества.

Старые, уродливые обычаи, стяжательство, алчность мулл и кулаков, невежество и отсталость, все, что мешало продвижению вперед, привлекало острое внимание поэта. Для него мелочей не было. Он прекрасно знал, что именно во множестве мелочей выражается то общее отрицательное, что досталось в наследство от прошлого.

Народ настолько привык прислушиваться к голосу поэта, что каждый считал долгом сообщать ему факты, на которые следовало бы откликнуться гамзатовским стихом. И не случайно еще задолго до появления в печати произведение обычно распространялось в рукописи.

Борясь со всем вредным, Гамзат в то же время откликался восторженными стихами на новые, доселе неизвестные в горах явления. И, как правило, у него в центре внимания был человек со всеми его недостатками и достоинствами, с радостями и горестями.

Гамзат был в основном мастером малых форм, в которых казалось бы типам, героям негде развернуться, где для них нет широкого поля действия и они должны выступать с какой-либо одной типической чертой. Между тем особые качества художественного мастерства и классово-заостренная зоркость, единство формы и содержания делали произведения Гамзата Цадасы яркими и запоминающимися. Герои его настолько колоритны и по-гамзатовски характерны, что они как живые предстают перед нами; они спорят, пререкаются, смеются или мрачно молчат, полемизируют и отшучиваются, совершают поступки хорошие и плохие. Если бы наши дагестанские художники смелее обращались к такой области искусства, как иллюстрирование книг, то по произведениям Гамзата они могли бы создать целую галерею живых, оригинальных типов.

* *

*

Первое стихотворение Гамзата Цадасы «Собака Алибека» датируется 1891 годом. До 1918 года, т. е. за 27 лет он написал всего 14 стихотворений. Но и в этих немногих стихотворениях уже намечается поэтический почерк Гамзата, в них уже звучат мотивы социального протеста, выражается недовольство социальным неравенством, косностью и бюрократизмом царского строя.

В 20-х годах Гамзат, развивая социальную направленность своих произведений, выступает уже как поэт-профессионал, но количество его произведений возросло не на много — за 10 лет им написано всего 20 стихотворений.

За период с 1921 по 1926 год Гамзатом не написано ни одного произведения. Трудно выяснить причины его молчания в те годы. Этим вопросом, несомненно, займутся будущие биографы.

С 1926 года начинается период расцвета творчества поэта и в 30-х годах оно достигает своей высшей точки. Лучшие сатирические произведения Гамзата написаны именно в этот период. Среди них такие произведения как «Чухту», «Кровная месть», «Дети Хирача», «Алибек», «Песня о свадьбе», «Старый алфавит», «Гидатлинские адаты» и много других.

Нет такой стороны хозяйственной и политической жизни горца, его быта, куда бы ни заглядывал острый, всевидящий глаз Гамзата. Выбирают ли в Советы, решаются ли вопросы просвещения, препятствуют ли кулаки и духовенство распространению советской печати, проводят ли в аул воду или прокладывают дорогу, выдают ли замуж по старым обычаям, вымаливают ли у бога дождь или просят его уберечь посевы от града, расхищаются ли государственные средства, идет ли речь об упорядочении алфавита или о других делах, Гамзат воодушевляет своим поэтическим словом советских патриотов и клеймит позором всех мешавших нашему движению вперед. А каким он был поборником коллективизации в горах!

Гамзат не вообще пропагандировал, его темой были конкретные аулы, конкретные колхозы, люди, в большинстве случаев не вымышленные, живые люди, о плохих и хороших делах которых через его произведения узнавали все. И эти люди и их поступки брались не как частные случаи жизни — Гамзат делал художественные обобщения, типизировал и этим самым достигал совершенства своих произведений.

С выходом в свет сборника «Метла адатов» Гамзат стал известен не только в Дагестане, но и за его пределами. Его произведения начинают переводиться на русский и дагестанские языки.

С 30-х годов Гамзат знакомится с произведениями русских и дагестанских писателей, с этих же пор его связи с русскими и дагестанскими писателями усиливаются и принимают разнообразные формы, расширяется его политический кругозор. Именно в этот период раздвигаются границы тематики поэта. Она переходит не только за пределы Аварии, но и за пределы Дагестана. Если вначале Гамзат Цадаса не выходил за рамки жизни аварцев, то теперь уже весь Советский Союз, его люди и его дела становятся основным предметом его поэтического творчества.

Большую роль в его творческом росте сыграло участие в I Всесоюзном съезде писателей в 1934 году. Поэтическое мироощущение Гамзата углубилось, он понял всю огромную ответственность литературного деятеля.

Находясь в родной аварской стихии, Гамзат как поэт был самобытен. Творчество его, выражаясь в политической и бытовой сатире, политической и гражданской лирике, достигает больших художественных высот.

В сороковых годах, когда Гамзат уже жил в столице Дагестана, его литературная деятельность принимает более сложные формы. Этому способствовали следующие обстоятельства. Войдя в состав правления Союза писателей, Гамзат принимал деятельное участие в его работе, повседневно встречался и обменивался опытом с поэтами и писателями.

Особенно напряженно работал Гамзат в годы Великой Отечественной войны. Он помогал Советской армии не только острым сатирическим словом, бичуя гитлеровцев, высмеивая трусов на фронте и саботажников в тылу, прославляя героев фронта и тыла, но и своей общественной деятельностью. «Работаю много, иной раз по неделям с коня не слезаю, — писал Гамзат. — Тут нужна песня о смельчаках — детях аула, там — приветствие молодым, уходящим на фронт, или стихи о женщинах-грузениках, и все зовут, все торопят, и нельзя отказать, и надо ездить и читать, слушать и видеть».

«Представим себе зимнюю ночь в горных трущобах Дагестана, — писал Павленко, вспоминая свою поездку в Дагестан в те годы, — ветер, как терку, и скользкие дороги, и всю декабрьскую неуютность один на один с осатанелой природой, и старого Гамзата, укутанного в бурку и башлык, шопотом пробующего новую, еще не разошедшуюся песню, и радостно станет на сердце, точно увидел родного отца или старшего брата на боевом посту.»¹

В день нападения фашистских орд на нашу страну Гамзат выступил по радио с пламенной речью. Он обратился к народу с призывом «бороться за свободу, за счастливую жизнь, за Советскую власть».²

С первых же дней создания газеты «Дагестан своим фронтовикам» Гамзат принимает в ней активное участие. Он печатает в этой статье обращения к воинам, свои стихотворения.

В годы войны Гамзат Цадаса выступает не только как поэт-сатирик или лирик, но и как баснописец, публицист и памфлетист. Его произведения воспитывали в советских воинах чувство беспредельной преданности Родине, безграничного гнева и ненависти к врагам. В одном из стихотворений он выражает эти чувства устами бойца-фронтовика.

Отчизна счастливою жизнью живет.
Предавший отчизну — себя продает.
Смерть вас отыщет в дому и в бою,
Отчизну в беде не оставлю свою.

¹ «Литературная газета», 26 июня 1947 г.

² Стихотворение «В первый день войны».

Большое внимание Гамзат уделяет и героям трудового фронта. В этом отношении характерно его обращение к собрату по церу Абуталибу Гафурову. В стихотворении «Поэт Абуталиб Гафуров на трудовом фронте» он пишет:

Ты воюй своим стихом!...

Нет, сказал мне друг усатый, —

Буду воевать с врагом

И стихами и лопатой!

Чувством безграничной любви наполнены стихи Цадасы военных лет, посвященные горянке. Вот она, гордая мать, горячими словами провожающая сына на фронт; вот она, жена бойца, мечтающая «быстрой орлицей» помчаться на фронт и «сражаться бок о бок» с воином-мужем.

В сатирических произведениях военных лет «Весенние сказки Гитлера», «Летние сказки Гитлера», «О том, как Гитлер гнался за двумя зайцами», «Исчезновение Гитлера» и других Цадаса обобщил тип фашиста, раскрыл реакционную сущность фашизма.

В послевоенные годы Гамзат всецело отдает себя делу борьбы за мир. Посмертный сборник его стихотворений («Ракълил кучИдул» («Песни мира»)) показывает как страстно призывал он народы к миру. Прославляя созидательный труд героического советского народа, разоблачая кровавые планы поджигателей войны, Гамзат в одном из стихотворений, посвященных миру, пишет:

Много слышал я слов на веку,

Всех дороже мне, старику,

Большевистский призыв: «За мир!»

С ним вступили мы в новый мир.

В последние годы своей жизни Гамзат Цадаса написал поэму «Сказание о чабане», в которой нашли отражение процессы колхозного строительства, становление коммунистической морали. Несколько сюжетных, переплетающихся между собой линий показывают сложную обстановку классово-борьбы в дореволюционном Дагестане. Тысячи горцев-бедняков прошли тот путь, которым прошел один из основных героев поэмы Хирач. В лице его сына Али поэт создает образ лучших людей, боровшихся за социализм.

В дагестанской литературе поэма «Сказание о чабане» по реальности изображаемой действительности, по совершенству своей формы занимает одно из первых мест. Поэма «Сказание о чабане» была удостоена Сталинской премии второй степени.

Гамзат Цадаса обогатил аварскую литературу замечательными переводами произведений русских классиков. Им были переведены «Руслан и Людмила» и ряд стихотворений А. С. Пушкина, басни И. А. Крылова. Эти переводы имели

немалое значение не только для аварской литературы, но и для развития его собственного творчества. Работая над этими произведениями Гамзат знакомился с образными средствами русской поэзии, они влияли на развитие стилистических особенностей его языка.

Литературная деятельность Гамзата Цадасы получила высокую оценку Советского правительства. Он был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Значение творчества Гамзата Цадасы особенно велико для аварской литературы и языка. Дело в том, что его творческая деятельность, протекавшая с 90-х годов прошлого века до пятидесятых годов нашего столетия, охватывает огромный период и проходит сквозь всю историю аварской литературы. Начало аварской советской литературе положил Гамзат Цадаса, социалистический реализм с самых ранних произведений стал методом Гамзата. Поиски новых форм Гамзат не прекращал никогда, он постоянно заботился о совершенствовании языка своих произведений. Научное исследование творчества Цадасы поможет глубже раскрыть его мысли, лучше понять форму его произведений.

Вместе с тем нужно отметить, что творчество Гамзата Цадасы, являясь одним из наиболее важных идеологических факторов жизни дагестанских народов, не лишено недостатков. Некоторые его произведения сороковых годов, особенно басни, лишены того поэтического вдохновения, которым отличался Гамзат тридцатых годов. В основном к сороковым годам относятся и его произведения, в которых резко выражен культ личности.

В заключение следует сказать несколько слов о языке произведений Гамзата Цадасы, одного из самых замечательных дагестанских мастеров слова. Гибкость, острота, лаконичность — основные качества его языка. Едва ли кто из аварских поэтов выражал свою мысль так четко, кратко и образно, как Цадаса. Из его фразы слова не выкинешь! Полная юмора метафора, всегда оригинальная, свежая, делает его речь, если можно так выразиться, игривой. Чувство юмора его не покидает никогда. Пишет ли он наставления, бичует ли врага, обращается ли к другу — всюду присутствует неотъемлемый от народного духа и в то же время своеобразный, гамзатовский юмор.

Все это объясняется глубоким знанием народного языка, любовью к нему, умением подмечать в языке образно отшлифованную фразеологию, глубоким знанием народной идиоматики, стилистических особенностей, характерных для разных периодов общественного развития. Вот почему в его произведе-

ниях подчас не отличишь народную поговорку или пословицу от собственной фразы поэта. Не случайно многие выражения из произведений Гамзата Цадасы ныне бытуют в народе в качестве пословиц и поговорок.

Мы здесь имеем дело с одним из действенных способов обогащения, шлифовки народного языка, сближения его с литературным языком. Как известно, народный язык обрабатывается, отшлифовывается мастерами слова средствами самого же народного языка; так происходит постепенное превращение последнего в литературный язык.

Если содержание произведений Цадасы является зеркалом, отражающим сложную обстановку всех этапов развития общества в определенный период, то форма этих произведений отражает исторические этапы развития аварского языка. Язык произведений Гамзата является, я бы сказал, тем центром, вокруг которого происходило развитие стилистических норм и обогащение словарного состава молодого аварского литературного языка.

Умение Гамзата Цадасы запечатлевать борьбу уходящего старого и наступающего нового, разоблачать и высмеивать все, что мешает социалистическому строительству, роднит его со всей многонациональной советской литературой. В то же время творчество Цадасы отличается самобытностью, особой спецификой, и изучение его, несомненно, обогатит советское литературоведение.

У. А. МЕЙЛАНОВА

Кандидат филологических наук

П. К. УСЛАР — ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ-КАВКАЗОВЕД

60-е годы прошлого столетия явились переломным моментом в жизни народов Дагестана. Сюда стала проникать передовая русская культура, серьезное научное изучение природы края, жизни и быта его народностей.

До середины XIX столетия Дагестан почти не был исследован. Более достоверных сведений, чем высказывания отдельных древних писателей и философов и заметки арабских, византийских и других путешественников о Кавказе не было. Нельзя назвать научными и некоторые лингвистико-этнографические заметки миссионеров, путешественников и исследователей XVIII столетия. Это были очень скудные, подчас неточные, несистематически собранные и плохо записанные материалы.

50—70 годы прошлого столетия знаменуют собой новый этап и в изучении языков Кавказа. По поручению Академии наук начали свою работу по изучению кавказских языков академики Шёгрэн, Броссе, Шифнер, исследователи Берже, Люлье, Бартоломей, позже Дирр и другие.

К этому периоду относится и начало деятельности замечательного исследователя кавказских языков, талантливого филолога и историка П. К. Услара.

С целью глубокого исследования Кавказа в 1851 г. в Тифлисе был открыт Кавказский отдел Императорского Русского географического общества. Деятельным членом отдела был П. К. Услар, положивший много труда для исследования жизни и языков горцев, создатель первых горских алфавитов, просветитель и гуманист, который больше и терпеливее других трудился на этом поприще, дальше и острее других видел пути, по которым должно пойти развитие горцев.

П. К. Услар видел, что будущее горцев должно быть неразрывно связано с Россией, что для горцев настала пора морального и материального сближения с русским народом,

и что эта пора должна быть для них «пробуждением от тяжкого сна, излечением от страшной болезни». Труды П. К. Услара по истории, фольклору и особенно по языкознанию до сих пор не утратили своего значения. Труды Услара — основоположника кавказского языкознания — по праву гордятся вся Россия.

* *

*

Петр Карлович Услар родился в 1816 г. в деревне Курово Вышневолоцкого уезда бывшей Тверской губернии. Отец его Карл Карлович был обрусевший немец, который всю свою жизнь прожил в России. Дед Услара приехал в Россию из Ганновера (Германия) и с 1765 г. служил на военной службе в России, женился в Петербурге и обосновался здесь навсегда. Мать П. К. Услара Вера Васильевна Чихачева была русской и прививала своим детям любовь ко всему русскому.

Еще в детстве П. К. Услар пристрастился к чтению, стал изучать латынь. Окончив в 1833 г. петербургскую гимназию, он поступил в военно-инженерное училище. Причиной этого возможно было затруднительное материальное положение отца. Известно, что Услар переносил в годы учебы всяческие лишения, так как помощи от отца не получал. В 1836 году Услар окончил курс в училище, а через год начал службу на Кавказе. Он участвовал в экспедиции в южный Дагестан в 1839 г. и был при взятии селения Ахты.

В 1840 г. он решил продолжать учебу и поступил в Военную академию. Через два года он окончил ее и остался при генеральном штабе. В начале 1840 годов Услар был назначен на службу в Сибирский корпус. С этим корпусом он принял участие в экспедиции в киргизские степи, результатом чего явилась его статья «6 месяцев в Киргизской степи».

Уже с этого времени Услар проявляет интерес к научным занятиям, к литературе и языкам, о чем свидетельствуют его многочисленные заметки по разным вопросам. Чем дальше, тем занятия Услара принимают все более систематический характер. Он участвует в статистическом описании Тверской и Вологодской губернии (1848—1850 гг.). Эти описания включают в себя много интересных географических и этнографических сведений.

В 1850 году Услар переходит на службу на Кавказ и делает описание Ереванской губернии. Уже в этой первой работе по Кавказу Услар идет дальше своих современников. Он хочет глубоко заглянуть в сущность явлений и фактов, делает попытку изобразить ту роль, которую в истории играла Армения, пытается связать нравы, особый характер каждой народности с историей этого народа. Услар изучал и описывал многие местности Кавказа. Но до нас, к сожалению, дошли не все его труды.

В 1858 г. на П. К. Услара было возложено составление истории Кавказа. Он много работал в архивах Кизляра, Моздока и Георгиевска. Но одних архивных материалов было мало. Исследователь понимал, что серьезное изучение какого-либо народа невозможно без изучения его языка. В письме к А. Берже он писал: «С каждым днем я убеждаюсь в том, что была бы возможность написать удовлетворительно историю целого Кавказа, если бы были подготовлены к тому материалы. Цель истории — объяснить почему народ сформировался так, а не иначе, но формирование его определяется вовсе не случайностями, из которых до сих пор лепится история, а элементами постоянными, которые можно изучить»¹. И этими элементами по Услару являются язык народа и условия его материальной жизни.

Это был несомненно прогрессивный взгляд исследователя на историю и язык народа. Услар утверждал, что летописи и предания не составляют вполне достоверного пособия для изучения истории, часто они скудны или сомнительны. На первый план при изучении истории народа должны выдвигаться местность и язык, ибо «ни языка, ни местности подделывать нельзя, это суть правдивые и неисчерпаемые выводами летописи; таковыми летописями обладают все кавказские народы, как и все народы на земле, из них можно создать настоящую народную историю»².

В заметке о колхах, написанной в начале 60-х годов, Услар указывает, что только лингвистические исследования могут навести на следы существования этого народа на Кавказе. Больше исторические чем лингвистические цели преследовал Услар, делая наброски по языку убухов. Это народ, ныне не живущий на Кавказе, был крайне немногочислен и во времена Услара. Свой интерес к этому языку Услар объясняет следующим обстоятельством: он хочет по языковым данным найти следы аланов, проживавших, по свидетельству византийских и средневековых итальянских писателей, между зихами (черкесами) и абасками (абхазами). «Так как мы ничего не знаем о языке столь знаменитых аланов, — говорит Услар, — но, по всей вероятности, язык их оставил некоторые следы в языках множества европейских народов даже до самого Гибралтара. Эти следы могли бы быть обнаружены изучением языка убухского»³.

---

¹ П. К. Услар. Сочин. т. II. Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 6. В дальнейшем ссылку на этот труд будем давать сокращенно.

² П. К. Услар. Соч., т. II, стр. 7.

³ Он же. Абхазский язык. О языке убухов. Тифлис, 1887 г., стр. 77.

Услар был не только выдающимся историком и этнографом, но и просветителем горцев. Его гуманные идеи о дружбе между народами, о значении развития и изучения родного языка, о значении просвещения для населения, о планах устройства горских школ и т. д. должны занять подобающее им место в истории развития нашей педагогики.

Услар написал ряд статей, где излагает свои мысли об устройстве горских школ, о составлении азбук кавказских языков, о том как создать пособия для изучения родного языка и т. д. Он впервые в истории кавказской школы выразил мнение, что первоначальное обучение следует проводить на родном языке.

При этом он был сторонником светского образования горцев. В статье «О распространении грамотности между горцами» исследователь выступает против существовавших в горах варварских методов обучения. Учение здесь, как известно, проводилось при мечетях и исключительно арабскому языку с единственной целью читать коран. Заключалось учение в зазубривании корана, без проникновения в содержание заучиваемого, без понимания его. Тлетворное влияние этой школы — «гнездилища изуверства, придуманного с целью затормозить развитие умственных способностей учащихся», отравляло детские и юношеские годы горских детей. Нельзя не признать полной справедливости усларовской оценки и характеристики школ-медресе. Обучение в медресе чаще губило, а в лучшем случае ничего не давало горским детям. Услар видел, что «училищ, устроенных с исключительной целью готовить в духовное сословие, недостаточно для полного умственного развития народа»¹.

Первоочередным вопросом Услар считал книгопечатание для горцев. Ученый с присущей ему прозорливостью видел, что будущее горцев неразрывно связано с великим русским народом и его культурой. С целью обучения горцев русскому языку и грамоте Услар рекомендовал создавать школы на родном и русском языках.

Такие школы действительно были созданы им и под его руководством работали в различных местностях Северного Кавказа и Дагестана. Но так как царское правительство не отпускало средств на эти школы, их приходилось закрывать. Лучшим преподавателем для горцев Услар считал такого преподавателя, который знает русский и родной язык. Он сам подготавливал для горских школ преподавателей из местного населения, которые в свою очередь обучали и подготавливали следующее поколение преподавателей.

В статье «Предположение об устройстве горских школ» Услар излагает целую систему взглядов на устройство школ

¹ Абхазский язык, стр. 5.

с разработанными учебными планами и программами. На первых порах училища для горцев должны быть общеобразовательными и элементарными. Нужно научить детей учиться. Услар был прогрессивным ученым своего времени. Интересны его мысли о том, чтобы не принимать во внимание различие состояний, а обучать в школах всех детей горцев, училища открывать у каждой горской национальности отдельно.

Услар понимал, что как для обучения горцев грамоте, так и для записывания и исследования их языков необходимо разработать алфавит, дать горцам свою письменность. Составление алфавита для сложных в отношении вокализма и консонатизма горских кавказских языков было делом нелегким. Но Услар справился с поставленной задачей. Вслед за Шёгреном, который составил алфавит для осетинского языка, Услар разрабатывает алфавиты для целого ряда горских языков.

Взяв за основу русский алфавит, Шёгрэн ввел в него латинские буквы для выражения гортанности, готическую букву для обозначения придыхательности, немецкое умлаут и т. д. Недостающие знаки для шипящих Шёгрэн придумал сам. Он даже обозначил разными сложными начертаниями некоторые тонкие оттенки звуков. Услар во многом творчески переработал алфавит Шёгрена и составил на нем буквари абхазский, сванетский, аварский и др. В своей работе по составлению алфавита Услар руководствовался критерием полезности его работы не только для ученого мира, но и для самих горцев, косневших тогда во мраке невежества. По поводу Шёгреновской азбуки Услар говорил: «Обозначение всех тонкостей произношения, конечно, важно для филолога, но для народного употребления подобные азбуки становятся невозможными»¹.

Для того, чтобы создать алфавит, нужно было уметь выбрать и обозначить важные и необходимые звуки из всего неограниченного количества звуковых оттенков каждого живого языка. Таким образом, если подходить к исследованию звуков с физико-акустической точки зрения, то количеству звуков в языке нет предела. Но только строго ограниченное число звуков, меняющих значение слова, можно было обозначать отдельными знаками.

Мы считаем заслугой Бодуэна-де-Куртенэ и его школы то, что они разработали теорию фонем, т. е. установили, что для каждого данного языка существует не все бесчисленное множество наблюдаемых исследователями звуковых оттенков, но лишь строго ограниченное их число, сознаваемое говорящими. Эти сознаваемые говорящими звуковые оттенки позже были названы Щербой фонемами. Между тем Услар задолго до

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. V.

этих исследователей установил правильную точку зрения на это явление. Он различал звукоколичество и звукокачество, т. е. то ограниченное количество звуков, которые служат для различения слов данного языка и только их обозначил и ввел в алфавит. «То очевидно, — писал Услар, — что различных звуков во всех языках земного шара взятых вместе существует или может существовать бесконечное число. Это суть звукоколичества. Число различных звукокачеств в одном и том же языке никогда не бывает значительно; не думаю, чтобы где-нибудь доходило оно до 50. Каждое особое звукокачество необходимо должно быть выражено особым знаком, буквой»¹.

Таким образом, на материале совершенно новых для науки кавказских языков Усларом впервые в 1863 году была сформулирована сущность фонемы и положено начало теории фонем.

Алфавиты Услара построены с учетом фонем каждого горского языка и в основном правильно отражают его звуковой состав. Услар понимал, что для того, чтобы глубоко изучить кавказские языки, нужно работать на местах, среди самого говорящего на данном языке населения, иметь соответствующую подготовку и быть методически вооруженным. Услар же обладал огромным талантом и трудолюбием, был широко образованным человеком и был подготовлен методически. Он отошел от дурной привычки своих предшественников вызывать в Петербург отдельных представителей той или иной народности, или каких-либо чиновников из местного населения, находящихся на службе или на учебе в России, и с их слов изучать какой-либо язык. Он сам выезжал на Кавказ, жил там годами, чему способствовала и его военная служба на Кавказе. Ко времени, когда он приступил к изучению кавказских языков, Услар уже провел на Кавказе около полутора десятка лет в чине генерал-майора. Непосредственно участвуя в военных действиях и составляя военно-статистические описания некоторых местностей Кавказа, он хорошо познакомился с краем, прекрасно знал жизнь, обычаи и нравы кавказских горцев.

Услар был лингвистически хорошо образован и вооружен прогрессивным сравнительно-историческим методом, методом сравнения корней. Он использовал новый метод для записи слов местных языков. Не полагаясь на собственный слух, он использовал все возможности, которые открывались ему при содействии представителей местного населения, знающих русский язык. Услар говорил: «Вы заблудитесь безисходно, если положитесь на непогрешительность собственного слуха. Легче расслышать, как трава растет, по выражению скандинавских

¹ Соч., т. II, стр. VI.

скальдов, чем расслышать все видоизменения звуков кавказских горских языков... И так должно вполне положиться на слух самих туземцев. Они могут быть чужды грамотности, но это не помешает им вывести вас на добрый путь»¹.

Услар показал своим трудом необоснованность опасений Академии наук о том, что основательное изучение кавказских языков потребует многих лет и даже десятилетий и что поэтому оно невозможно. Бартоломей, член реакционного Общества восстановления христианства на Кавказе, рекомендовал Академии наук ограничиться сравнительным словарем главных кавказских языков и наречий. Это было бы повторением словаря Палласа (XVIII век) с более расширенным количеством слов. Опыт составления подобного словаря был сделан. Таблицы русских слов были разосланы по различным местностям Кавказа для вписания слов на местных языках. Но неопытность записывающих слова и невозможность выразить чужими буквами звуки этих языков заставили отказаться от такого нелепого способа изучения языка. Услар же считал, что составление сравнительных словарей — это дело конечное. Для этого нужно провести ряд грамматических исследований и собрать материалы. Собираение материала, по его мнению, должно заключаться в собирании песен, сказок, пословиц, предложений из повседневного разговора с буквальными и построчными переводами. Это не так легко, как составление сборников, но зато это ценно для науки. Услар не рекомендовал спешить подводить материалы по кавказским языкам под русскую грамматическую номенклатуру, ибо многие грамматические категории кавказских языков под нее вовсе не подходят. Услар требовал, чтобы основанием исследований служила фраза не переводная, а коренная, туземная.

Итак, к исследованию кавказских горских языков Услар подошел с методологических позиций сравнительно-исторического языкознания. Он с большим интересом начал изучение новых для науки горских языков. До него была известна в языковедческой науке только одна индоевропейская семья языков. Услар видел необходимость перешагнуть за пределы этой семьи. Чтобы увидеть новое, еще невиданное, Услар предлагал «своротить в сторону, из родного индоевропейского семейства шагнуть в чужое»². И он шагнул дальше. Для него, как исследователя, не существовало языков важных и мало-важных, языков крупных и мелких. Иногда язык совсем небольшой народности может пролить свет на разрешение крупных узловых вопросов языкознания.

¹ П. К. Услар. Т. II, стр. 10.

² Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис, 1876, вып. IX, стр. 5.

Изучая кавказские языки, Услар твердо убеждается в том, что при трудной и кропотливой работе над исследованием грамматического строя языков нельзя установить никакого превосходства одного языка над другим. Эти мысли, высказанные русским ученым почти сто лет тому назад, уже тогда опровергли теорию реакционных лингвистов Запада — глашатаев расового и языкового неравенства народов, с их утверждением о высших и низших языках.

Услар опроверг также мнение о кавказских языках, как о языках бедных и примитивных. «Мнение о крайней бедности этих языков, — говорил он, — совершенно ошибочно и проповедуется людьми, которые не имеют о них никакого понятия. Эти языки, напротив, неизмеримо богаты грамматическими формами, что позволяет им выражать самые тонкие оттенки мысли»¹.

Поэтому Услар считал необходимым изучить все горские кавказские языки и малые и большие, а затем сопоставить и исследовать их в сравнительно-историческом плане. Его не удовлетворяли сделанные им заметки по отдельным языкам, он считал необходимым систематически и глубоко исследовать каждый язык в отдельности.

Приступив к изучению кавказских языков, Услар сам должен был проторить дорогу, по которой можно было бы вести исследование. И ему — пионеру кавказского языкознания — принадлежит часть проложения этой дороги. Около четверти века, преодолевая многочисленные затруднения, встречающиеся в работе, работал Услар на поприще кавказского языкознания и дал 7 монографий по основным языкам Северного Кавказа и Дагестана. Он написал монографические работы об абхазском, чеченском, аварском, лакском, даргинском, лезгинском и табасаранском языках, не считая целого ряда небольших работ о других языках Кавказа (о языках мингрельском, чанском, сванском, черкесском, убухском и т. д.).

В 1861 г. Услар приступил к фундаментальному исследованию абхазского языка. В 40 годах абхазский язык был исследован Г. Розеном, но он допустил ряд ошибок в своей работе. Абхазский язык является едва ли не самым трудным в звуковом отношении. Услар правильно понял трудность абхазского языка, которая заключалась в структуре этого языка и в его произношении, основывающемся на сплетении самых разнообразных звуков: шипящих, дрожащих, свистящих, жужжащих. От непривычного слуха могли ускользнуть разновидности всех этих звуков. Но Услар блестяще преодолел эти трудности и дал капитальный труд об абхазском

---

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис, 1870, вып. III, стр. 28-29.

языке¹. Он впервые правильно заметил структуру абхазского языка, его словонакапливающий (агглютинативный) характер.

Грамматика абхазского языка так же, как и исследования по последующим языкам, состоит из пяти разделов:

- 1) абхазская азбука,
- 2) очерк грамматического строя абхазского языка,
- 3) образцы абхазского языка,
- 4) сборник абхазских слов,
- 5) алфавитный список русских слов с указанием, где отыскать соответствующие им абхазские.

В этом же издании помещены заметки о языках черкесском, убыхском и сванском, а также ряд статей учебно-педагогического характера.

В 1862 году Услар едет в Грозный, где при помощи лиц, владеющих родным и русским языками, пишет грамматику чеченского языка². Эта книга состоит из тех же частей, что и предыдущая, но значительно полнее ее.

Однако, влиятельные лица царской России не были заинтересованы в таком обстоятельном изучении кавказских языков и ученый, не получая поддержки от правительства, тратил на исследовательскую работу собственное жалованье. Об этом, впрочем, Услар говорит сам. В письме к Берже от 30 апреля 1863 г. читаем: «Теперь я горю желанием поехать в Дагестан, но у меня есть огромная остановка, а именно в деньгах. От 13 марта я писал Гурчину о высылке мне жалованья на имя мое в Вышний Волочок. Но до сих пор не получаю никакого ответа. В Петербурге мне выдали 1000 рублей, определенные на расходы по истории Кавказа и которые большей частью выдаются мне по третям, но эти деньги совершенно чужды остальному содержанию»³.

Несмотря на материальные затруднения, в 1863 г. Услару удается перенести свою лингвистическую деятельность в Дагестан, в гор. Темир-Хан-Шуру. Здесь ученый оставался вплоть до последних дней своей жизни, выезжая временами в аулы, чтобы изучать на месте нужный для него язык. Изучение и описание дагестанских языков Услар начал с аварского языка, который был ему несколько известен раньше. Помощь и содействие оказывал ему одаренный аварец Айдемир Чиркеевский, который сам также составил некоторые материалы по описанию Аварии и записал тексты устного творчества аварцев. Приобретенный опыт в изучении кавказских языков послужил тому, что грамматика Услара «Аварский язык»⁴ получилась полнее и обстоятельнее предыдущих.

¹ П. К. Услар. Абхазский язык, Тифлис, 1887.

² П. К. Услар. Чеченский язык, Тифлис, 1888.

³ П. К. Услар. Сочин. т. II, стр. 23.

⁴ П. К. Услар. Аварский язык. Тифлис, 1889.

В своем труде после общих замечаний о территории распространения аварского языка, автор переходит к характеристике языка с фонетической стороны. До него аварский язык исследовал Шифнер, но в его работе было много недостатков. Услар восполнил то, что ускользнуло от Шифнера как в звуковом отношении, так и в отношении морфологии этого языка.

В основу своего исследования Услар положил хунзахское наречие, как наиболее богатое в звуковом и грамматическом отношении. Он нашел начертания для всех фонем аварского языка. Для геминированных звуков Услар взял из арабского алфавита ташдид. Полнее дан и второй раздел книги «Очерк грамматического строения аварского языка». В разделе «Образцы языка» разобрано 26 пословиц, 3 рассказа и 3 песни. А в разделе «Сборник аварских слов» уже дано 1600 слов с русским переводом и толкованием, что составляет довольно обширный, тщательно проверенный лексикографический материал. В последнем разделе дается около 2000 русских слов с переводом на аварский. Эта часть играет роль указателя. Имея в виду практическую работу в школах, Услар составил также аварский букварь и под его наблюдением были составлены книги для чтения.

В 1864 г. ученый принялся за изучение лакского языка. В изучении этого и последующих дагестанских языков Услару принадлежит первенство. Попутно с изучением лакского языка исследователь дает некоторые сведения о языке арчи и других мелких языков. Книга «Лакский язык»¹ начинается сведениями о территории распространения лакцев, причем автор делает попытку связать происхождение этой народности с классическими легами, о которых упоминал древний историк Страбон. Но здесь, повидимому, исследователь ошибается, приписывая это название одной лишь народности Дагестана. Упоминание Страбоном леги или гели, которые, по его словам, жили между амазонками и албанцами, скорее лезгины, т. е. по тогдашнему представлению вообще все дагестанские горцы. Книга заканчивается сборником слов, куда входит больше тысячи лакских слов с русским переводом. Здесь даны некоторые сведения о лексике лакского языка. Так, например, указано, что в лакском языке встречается много слов арабских и тюркских, которые на чуждой для них почве подверглись более или менее значительным изменениям и притом вполне подчинились законам лакской грамматики.

В 1866—1867 гг. Услар исследует хюркилинский язык², как он назвал один из наиболее распространенных диалектов даргинского языка. В фонетическом отношении этот язык имеет особый гласный $\bar{a}$ (а — смягченное), произносимый более гортанно и с большим опусканием нижней челюсти.

¹ П. К. Услар. Лакский язык. Тифлис, 1890.

² П. К. Услар. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892.

Автор отмечает склонность этого языка к дифтонгизации. обстоятельно охарактеризованы все части речи. Сборник слов включает около 2000 слов.

Следующий крупный труд, полностью завершённый в 1871 г., был посвящён кюринскому языку¹. Название это Услар взял от названия бывшего Кюринского округа, население которого говорило на лезгинском языке. Он даёт описание одного из диалектов лезгинского языка, который частично лег в основу современного литературного лезгинского языка. Местность здесь не имеет трудно доступного горного характера, а потому и язык этот представляет большее единство. Несмотря на видоизменения выговора, кюринцы с разных концов края могут понимать один другого.

Самая южная точка распространения кюринского языка — это аул Филифар у Кавказского хребта. Дальше идет кюринский язык в смеси с азербайджанским. Кюринский язык доходил также до Кубинского ханства, в южной части которого существуют языки Шах-Дага, т. е. языки хиналугский, будухский и кризский. Мы сейчас называем кюринский язык лезгинским, а всех говорящих на нем лезгинами. Услар этого не утверждал, хотя и заметил, что существует общее название, которым именуют себя кюринцы, откуда бы они ни были родом.

В фонетическом отношении исследователь отмечает в лезгинском языке явление конкордации гласных, т. е. сингармонизма, которое, как явление свойственное тюркским языкам, наблюдается в основном в словах, заимствованных из соседнего с лезгинским азербайджанского языка.

В разделе «Очерк грамматического строения» Услар отмечает любопытное явление — отсутствие в лезгинском языке родов в именах и изменения по лицам в глаголах. Это ставит лезгинский язык поодаль от обширной группы восточно-кавказских языков и обнаруживает существование здесь юго-восточного подразделения кавказских языков, так как рода не имеют и исследованные Шифнером уди́нский язык и все языки «иверского семейства». Но сам автор замечает, что «такие сближения еще преждевременны».

Раздел «Образцы языка» включает 50 пословиц, 7 анекдотов и басен с переводом на русский язык и разбором каждого слова, а раздел «Сборник кюринских слов», самый полный из всех сборников в предыдущих трудах, включает в себя около 3000 слов с русским переводом. Алфавитный список русских слов с указанием, где отыскать соответствующие им кюринские, включает в себя 3600 русских слов с переводом на кюринский.

¹ П. К. Услар. Кюринский язык. Тифлис, 1896.

Завершив работу над кюриским языком, Услар принялся за изучение табасаранского языка. Но болезнь и смерть помешали ему обработать этот труд и он остался неизданным. Услар написал азбуку табасаранского языка, но она также осталась непечатанной. Изучая этот язык, Услар встретился с большими трудностями и у него сложилось впечатление, что «едва ли в целом свете найдется народ, который бы менее знал свой родной язык, как табасаранцы. На нем они говорят, как на языке чужом и плохо выученном»¹. Однако рукопись труда Услара не осталась утерянной для науки. Советские языковеды нашли и обработали ее и в настоящее время книга находится в производстве.

За заслуги, оказанные в деле изучения Кавказских языков Академия наук вручила Услару Демидовскую премию и избрала его в 1868 г. своим членом-корреспондентом по лингвистике. Но это была только формальность. Услар не получал от царского правительства не только материальной, но и моральной поддержки. Ни один из его образцовых для своего времени трудов не был опубликован при его жизни. Он тщетно пытался убедить царское правительство в необходимости грамоты для горцев на их родном языке, но практических результатов своей исследовательской и педагогической работы он так и не дождался. Услару не были созданы даже самые необходимые условия для литографирования его трудов. Литографировать приходилось ему в деревне с большими трудностями. При соответствующей обстановке и поддержке талантливый и неутомимый исследователь мог бы сделать еще больше, ибо круг его интересов был обширен.

Услар первый заметил, что кавказские горские языки представляют собой языковую семью, не похожую ни на одну из ранее известных. В 1871 г. он писал: «Относительно Кавказа я позволю себе говорить определенное. Приступая лет 8 тому назад к исследованию горско-кавказских языков, я надеялся в числе их отыскать разрозненные члены семейства арийского, семитского, финского и т. п. Ничего подобного не отыскалось. Горские языки составляют особое семейство или даже несколько особых семейств»².

Это уже было целым открытием для общего языкознания.

Услар придавал большое значение исследованию грамматического строя языка. Но он считал, что кроме грамматики следует изучить и лексику, ибо сравнительная лексика вместе со сравнительной грамматикой помогут изучить и восстановить историю развития кавказских языков, пути, по которому шло их совершенствование. Услар замечает, что в лексике горских языков встречается множество арабских, тюркских, арийских,

¹ Изв. Кавказ. отд. Русск. геогр. общества, том. VII, стр. 330.

² П. К. Услар. Соч. т. II, стр. 49.

финских и других слов. Но это несколько не свидетельствует о родстве этих языков с горскими, ибо у них совершенно различные грамматики.

Языки Кавказа исследователь разбил на три основные группы: западно-кавказскую, восточно-кавказскую и иверскую (грузинскую). «Под кавказскими языками, — говорил Услар, мы условно будем подразумевать не все те языки, которыми говорят на Кавказском перешейке, но только те, которых родство с какими-бы то языками внекавказскими, покуда еще не обнаружено»¹.

Таким же образом он исключает из числа языков кавказского семейства тюркские языки, которые непрерывной полосой очерчивают Кавказ с северо-востока и юга, татский язык в Дагестане и Бакинской губернии, талышский в Ленкоранском уезде, курдский и Ереванской губернии.

Услар мечтал создать большой труд, обобщающий все его исследования — классифицировать народы, говорящие на каждом языке, составить лингвистическую карту, установить степень родства этих языков между собой и решить вопрос об их генезисе. Усларом были сделаны попытки набросать план классификации языков вообще и кавказских в частности. Все разновидности языков он находил возможным подразделить на три великие категории: 1) флективную, 2) комбинирующую и 3) изолирующую. При этом Услар видел, что переходы этих категорий одна в другую трудно обозначить, они постепенны. Услар предполагал, что носители кавказских языков — кавказские горцы «представляют из себя ничтожные остатки множества народов, населявших в доисторические времена огромные полосы земли в Азии и Европе».²

Таким образом, Усларом была заложена основа для дальнейшей классификации кавказских языков и народов. Классификация П. К. Услара была ближе к действительности, чем появившаяся гораздо позже классификация Фридриха Миллера.

В 1874 г. Услар начинает свою итоговую работу «Характеристические особенности кавказских языков». Работа эта, обещавшая быть интересной не только для кавказоведения, была прервана смертью ее автора (8 июня 1875 г.). Но и в написанной части имеются любопытные мысли о происхождении и развитии языка. Эти мысли его были правильны, они совпадают с нашими марксистскими взглядами. Услар отдает преимущество звуковой речи над речью кинетической, ручной, и правильно отмечает характер лексики древнейшего языка. «Человек, — говорит Услар, — в недостижимо отдаленную эпоху начинал ощущать потребность объективировать впечатле-

¹ Сборн. свед. о кавказск. горцах, вып. IX, 1876 г., стр. 3-4.

² Газ. «Кавказ», 1863, № 113.

ния, получаемые им от внешнего мира, т. е. распределять их, удерживать в памяти. Ощутилась необходимость отмечать их. Можно было бы отмечать и посредством телодвижений, но голос имеет над телодвижениями неоспоримое преимущество. Впечатления только распределялись, но не анализировались; каждое из них получалось в виде неделимого; посему и первоначальные корни во всех языках, суть односложные».

Ученый пытается изобразить, почему для обозначения одного и того же впечатления люди брали различные звуки в разных языках. Вместе с тем он подвергает сомнению существование когда-либо праязыка, ибо сравнение большого числа языков по отношению к их корням отвергало мнение, что все языки произошли от одного первобытного языка.

Много внимания ученый уделял изучению этнографии края и его фольклора. Кроме разделов «Образцы языка» во всех его грамматиках, где помещен и некоторый фольклорный материал, Услар написал большую статью «Кое-что о словесных произведениях горцев». Здесь он объясняет, что словесные произведения горцев — одно из лучших средств для изучения горцев. В статье он приводит ряд фольклорных произведений самого различного жанра. Услар первый также указал на важное значение сказания о нартах.

В Дагестане одновременно с работой над языками, Услар продолжал обрабатывать древнюю историю Кавказа. Занимаясь историей, он не мог не обратить внимания на важное событие, повлиявшее на дальнейшую судьбу Кавказа, а именно — на водворение в нем христианства и ислама. Он пишет статью «Начало христианства в Закавказье». В ней ученый отдает дань всему времени, придавая важное значение привитию на Кавказе христианства.

Конечно, в работах Услара имеется ряд недочетов. Так, например, придавая большое значение фонетике, Услар тем не менее фонетической части каждого языка в своих грамматиках уделял незначительное место. Фонетические сведения в его грамматиках носят скорее практический, чем научный характер.

Исследователь допустил ряд ошибок в истолковании фактов морфологии. Так, он неверно понял сущность эргативной конструкции предложения кавказских языков при переходных глаголах, считая эргативный (активный) падеж творительным, а глаголы пассивными и т. д. В исследованиях Услара по всем языкам почти отсутствует синтаксис, за исключением очень немногих, а иногда не совсем точных сведений об употреблении отдельных падежей и др.

Ряд недостатков имел и алфавит Услара. Многие буквы были обременены дополнительными знаками, которые усложняли употребление их в письме. Алфавит был конгломератом

латинского, грузинского, сербского алфавитов, хотя основа его была русская. Несмотря на это, на усларовском алфавите вышел ряд книг, аварская, даргинская, лезгинская азбуки, книги для чтения и т. д. Алфавитом пользовались отдельные грамотные люди из местного населения для частной переписки и т. д. Но алфавит его не мог привиться полностью в условиях царской России, которая не ставила себе целью сделать всех горцев грамотными.

Услару приходилось много бороться с косностью и рутинной в методах работы различных «исследователей» и миссионеров на Кавказе. В газете «Кавказ», издававшейся в Тифлисе, помещено немало заметок Услара, в которых он отстаивает свое мнение о цивилизации Кавказа. Критикуя неграмотный букварь Бартоломея, Услар заявлял, что нельзя писать буквари, не ознакомившись основательно с грамматическим строем языка. «На этом основании, — пишет Услар, — я заблаговременно объявляю, что букварь господина Бартоломея чужь и безграмотность, что будет доказано мною математически впоследствии. Эти господа считают все это за личности. Чорт ли мне до них. У меня много дела поважнее их личностей. Только бы не пакостили цивилизации Кавказа, к чему первым шагом должна быть грамотность»¹.

Труды Услара имели огромное значение для науки. Это первые труды по еще никем не исследованным кавказским языкам и народам. Они впервые ознакомили ученый мир с кавказскими языками, в них высказывался ряд ценных мыслей и новых положений по общелингвистическим вопросам.

Большую роль сыграли труды Услара в деле развития кавказоведения и в нашу советскую эпоху.

---

¹ П. К. Услар. Соч., т. II, стр. 21.

Ш. И. МИКАИЛОВ
Кандидат филологических наук

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮЖНОАВАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

В 1955 году было завершено монографическое исследование южноаварских диалектов и говоров. Одновременно были определены изоглоссы распространения наиболее характерных фонетических и морфологических явлений, составлена диалектологическая карта.

В сферу исследования входило около двухсот населенных пунктов, группирующихся в шестидесяти шести сельских советах Гунибского, Кахибского, Тляратинского, Чарадинского, и частично — Буйнакского и Гергебильского районов.

Приступая к фронтальному изучению южноаварских диалектов, автор стремился разрешить следующие задачи.

1. Основной задачей, которую ставил перед собой автор, было выявление существующих на территории южной Аварии диалектов и говоров, определение территории их распространения и границ путем соответствующей классификации.

Известно, что аварский язык делился на южное (или анцухское) и северное (или хунзахское) наречия еще дореволюционными учеными (Услар, Шифнер). Но это деление не было результатом специальных диалектологических исследований.

В советский период значительный вклад в исследование южных диалектов аварского языка был сделан проф. А. С. Чикобава; И. И. Церивадзе изучил анцухский диалект; А. Махмудов написал монографию по закатальскому диалекту аварского языка. Северные диалекты ряд лет изучает М. С. Саидов. Фронтальное изучение южных диалектов предпринималось впервые. В результате были исследованы пять диалектов южного наречия: 1) анцухский, 2) карахский, 3) андалальский, 4) гидский и 5) батлухский, а также пять относительно самостоятельных говоров, не входящих ни в один из перечисленных выше диалектов: 1) бацадинский, 2) шуланинский, 3) унтибский, 4) келебский и 5) кахибский. Эти говоры носят черты тех или иных соседних диалектов, а также обладают особенностями, характерными только для

каждого из них. Таким образом, эти пять говоров оказались смешанными.

При выявлении диалектов и говоров и в определении их границ мы исходили из принципа классификации на базе обобщения фонетических, морфологических и лексических особенностей. Учитывались также синтаксические особенности, если они носили резко выраженный характер.

Сравнительный анализ всех южных диалектов и говоров позволил определить черты, характеризующие целиком южное наречие в отличие от северного, которое лежит в основе еще молодого аварского литературного языка.

2. Вторая задача, задача сравнительно-исторического анализа фонетических, морфологических и лексических данных, вытекала из первой; иначе говоря, сравнительно-исторический анализ явился естественным продолжением работ по монографическому исследованию. Эта часть исследования не претендует и не может претендовать на исчерпывающую полноту; этим и объясняется почти конспективный характер данных разделов работы; возможно даже, что некоторые вопросы, требующие привлечения широких посторонних материалов, здесь вовсе обойдены. Сравнительно-историческое изучение диалектов является следующим этапом нашей работы и оно предусмотрено в шестом пятилетнем плане Института ИЯЛ.

3. До широких исследовательских работ в области диалектологии не совсем были ясны многие вопросы истории аварского литературного языка. В литературе имеются те или иные высказывания некоторых ученых (П. К. Услар, проф. Л. И. Жирков, М.-С. Саидов), лишь в незначительной степени освещающие отдельные вопросы образования и развития литературного языка аварцев. При этом основные вопросы данной темы оставались не выясненными.

В процессе исследования диалектов автор не только стремился не упускать диалектных данных, но и прилагал усилия попутно выяснить экономические, политические и культурные факторы, так или иначе влиявшие на развитие аварского литературного языка. Однако учет данных одних лишь южных диалектов не давал и не мог давать ответа на все возникавшие вопросы. Наиболее полно эта тема может быть раскрыта при учете данных всей системы аварских диалектов. За неимением специальных исследований по северным диалектам пришлось ограничиться незначительными наличными данными, пополнявшимися личными наблюдениями автора.

В результате всего этого тема образования и развития аварского литературного языка не нашла у нас полного освещения. Но все же нам удалось нащупать и наметить основные факторы, влиявшие на развитие аварского литера-

турного языка ¹. То, что достигнуто в деле изучения этой темы, в дальнейшем можно будет использовать в качестве исходного материала, конечно, с учетом и другой существующей по этому вопросу литературы.

* *

*

В языкознании почти нет отрасли, где бы не нужны были результаты диалектологических исследований. А по отношению бесписьменных и младописьменных языков, какими являются дагестанские языки, можно сказать в более категорической форме: здесь любые отрасли теоретического и практического языкознания могут черпать материалы из диалектологических исследований.

При монографическом исследовании южноаварских диалектов автор ставил перед собой не только те цели и задачи, о которых говорилось выше и которые разрешены им в той или иной мере. Имелось в виду, что они послужат материалом для не менее важных научно-теоретических работ — при составлении описательной грамматики аварского языка, написании истории аварского языка, при сравнительно-историческом изучении близко-родственных между собою аварско-андийско-дидойских языков и других языков, входящих в иберийско-кавказскую семью. Имелось также в виду, что диалектология осветит ряд вопросов этногенетического порядка, поможет выяснить вопросы истории аварского и родственных ему народов.

В практике встречаются, так называемые, описательные грамматики, грамматики младописьменных литературных языков, или просто очерки грамматики, написанные вне связи с диалектной системой данного языка. Такое описание можно считать правомерным в том случае, когда автор свои исследования базирует на одном конкретно взятом диалекте. Но тогда это будет не столько очерком грамматики языка, сколько монографическим очерком диалекта данного языка. Отсюда возникает вопрос: в какой мере целесообразно писать грамматику языка без учета данных диалектологической системы? Несомненно, такая грамматика не будет отличаться полнотой и глубиной объяснения языковых явлений. Описывая факты языка в системе, т. е. ставя их в нормативные рамки, исследователь не может игнорировать историзма. Чтобы понять постепенные изменения, которые происходят в отдельных звеньях фонетики, грамматики и лексики, нужно учитывать исторический процесс.

¹ Подробно об этом см. статью «К вопросу о путях образования и развития аварского литературного языка». «Языки Дагестана». в. II, 1954.

Движение, развитие языка, очевидно, в основном проявляется в тех разделах, в которых мы сталкиваемся с явлениями, на первый взгляд носящими противоречивый характер, хотя бы, например, с не совсем ясно определенными частями речи или переходами между ними, категориями грамматики, звуковыми процессами и т. д.

В иных случаях эти не определенные явления, превратившись в закономерность, в правило, принимают устойчивый характер. Передко от них выделяются реликтовые формы, характеризующиеся как «исключения» из существующих правил.

Известно, что грамматика языка есть система правил; но также известно, что внутренние законы развития языка действуют так медленно, элементы языка изменяются так постепенно, что смена одних правил другими происходит незаметно. Следовательно, здесь неизбежны зародыши новых правил и реликты, сохраняющиеся от старых, вымирающих правил. Вправе ли исследователь обойти их? Нам кажется, что нет. Их можно проследить при помощи исторического анализа фактов по диалектам. «Материя и форма языка, — пишет Ф. Энгельс, выдвигая в полемике с Дюрингом положение о путях историко-материалистического изучения языка, — только тогда могут быть поняты, когда прослеживаются его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы, и во-вторых, родственные живые и мертвые языки»¹.

«Омертвевшие формы» языка неожиданно могут обнаружиться в диалектах в качестве живых, продуктивных, и наоборот, живые формы языка могут оказаться омертвевшими в диалекте. Это — элементы развития языка.

Любой современный язык, язык ли это племени, язык ли народности или нации, есть историческая категория, продукт пройденного ими исторического пути. Разные элементы современных языков восходят к разным, иногда весьма отдаленным эпохам. Это положение относится не только к различным структурным элементам данного языка, но также к различным его местным разновидностям — территориальным диалектам. Диалекты отражают пройденные языком этапы. Как объективно существующая реальная категория, диалект в разные эпохи, на разных этапах развития обладает различными свойствами. В науке существуют теоретические обобщения о характерных свойствах развития диалектов в родовом обществе, в эпоху феодализма, капитализма, о характере развития диалектов в эпоху социализма. Даже каждый диалект одного и того же современного языка есть результат пройден-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1950, стр. 303.

ного его носителями и только им свойственного исторического пути.

Из этого следует вывод: каждый диалект есть языковая единица, требующая к себе подхода как к цельной системе. Ведь система диалекта есть та же система языка; разница лишь в том, что диалект — это низшая форма, язык — высшая форма. Ценным является именно это соотношение, ибо диалект, как говорилось выше, отражает один из пройденных языком этапов, в нем часто скрыты корни закона внутреннего развития языка.

«Говоры, — пишет проф. Л. А. Булаховский, — наиболее благодарная область наблюдения внутренних законов развития языка»¹.

Таким образом, на более высокий научный уровень исследования по аварскому языку можно поднять лишь с учетом всей его диалектной системы. Едва ли без этого можно достичь большего, чем достигли до настоящего времени авароведы, работавшие в области аварского языка.

Таково же положение и с другими дагестанскими языками. Существующие грамматики следует поднять на более высокий научный уровень; а этого можно достичь лишь изучением всей диалектной системы языка.

* * *

*

История языка, как специальная лингвистическая наука, бесспорно, базируется на исторически документированных фактах языка. Исходным материалом для изучения древнерусского и других старописьменных языков всегда являлись дашные древних письменных памятников. Но исследователи, работающие в этой области, часто прибегают к помощи диалектных данных. То, чего нет в литературных памятниках, восполняют современные диалекты. А как быть с историей таких языков, как аварский, лакский, лезгинский и другие дагестанские языки, у которых нет письменных памятников древности?

Исторические данные о них скрыты в недрах диалектов. Правда, историки этих языков будут в более затруднительном положении, чем историки тех языков, у которых имеются письменные памятники. В истории младописьменных языков будет гипотетических элементов гораздо больше, чем у тех, у которых существовала древняя письменность. Ведь письменность сохраняет точные данные о языке, в то время как диалекты дают только материал, на основании которого мы воссоздаем архетипы лишь предположительно. Все же диалекты — богатый источник истории языка.

¹ См. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета, посвященного годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. Москва, 1951, стр. 23.

В качестве примера того, насколько полно и глубоко удается решать вопросы истории языка на основе сравнительного анализа диалектологических материалов и материалов родственных языков, можно указать на работы проф. А. С. Чикобава, который, пользуясь материалами диалектов и родственных языков, решил ряд вопросов истории аварского языка.

Итак, из сказанного можно сделать вывод, что единственно надежной материальной базой для истории младописьменных или бесписьменных языков оказываются диалектологические исследования.

Лучшей традицией дореволюционной русской лингвистической мысли являлась связь истории языка с историей народа. Крупнейшие русские ученые А. А. Шахматов, Ф. И. Буслаев и другие известны не только как историки языков, но и как историки славянских народов.

Советские языковеды и историки в течение последних лет прилагают усилия, чтобы наметить пути развития такого направления в науке. В частности, В. В. Виноградов, В. И. Абаев сходятся на том, что «изучение языка как истории народа может дать и дает ответы на три основных круга вопросов:

1. С какими другими народами, этническими группами был связан народ по своему происхождению?

Это — вопросы формирования и происхождения народов и языков, вопросы этногенетические.

2. Как развивалась культура народа, каково было состояние и качество ее на разных этапах его истории?

Это вопросы культурно-исторические.

3. С какими другими народами и языками был связан этот народ, какие влияния он испытал с их стороны и какое воздействие оказал на них сам?

Это — вопросы межплеменных и межнациональных связей»¹.

Связь истории языка с историей народа понятна; но какое отношение к этой связи имеют диалекты?

Дело в том, что все вопросы, которые приводились выше, могут быть освещены при сравнительно-историческом исследовании родственных языков, а диалекты при таком исследовании являются переходными звеньями в родственных языках и игнорировать их нельзя.

Таким образом, насколько важно историку быть одновременно и языковедом, а языковеду быть историком, показывает сама связь этих отраслей науки. Достаточно сослаться на такой факт: не специалист по лингвистике Ф. Энгельс в ка-

¹ См. «Вопросы языкознания в свете учения И. В. Сталина», В. В. Виноградов. Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания. Изд. МГУ, 1952, стр. 28-29.

честве примечания к работе «К истории древних германцев»¹ написал статью «Франкский диалект».

Из этого следует, что диалектология может быть связана с историей народа не только при посредстве истории языка, но и непосредственно. Известно, что русская диалектология помогла проследить пути колонизации территорий, ныне занимаемых потомками древнерусских племен, пути передвижения и миграции отдельных племен. Аварская диалектология помогла нам определить территорию первоначального пребывания аварцев, пути расселения и переселения их на север и на юг, колонизации отдельных территорий. Конечно, все это стало возможным при сочетании диалектологических, историко-этнографических и археологических данных, которые черпались не только из литературы, но и из личных наблюдений.

Излишне доказывать, что диалектология так же, как этнография и археология, является серьезным подспорьем при изучении истории народа.

* *
*

Мы выше говорили, что исследователь истории языка базируется на материалах письменных памятников, а если их нет, то единственно надежный материал может дать ему диалектология. Точно такое же положение наблюдается и при сравнительно-историческом исследовании родства языков.

Вопрос об исследовании иберийско-кавказских языков посредством сравнительно-исторического метода ныне стоит как неотложная задача установления родства этих языков. В связи с этим проф. А. С. Чикобава еще в 1942 году писал: «изучение истории кавказских языков должно базироваться на сравнении: сравнение диалектов одного и того же языка, сравнение языков одной и той же группы, сравнение данных различных групп — единственный верный путь для получения надежных данных независимо от того, что является объектом исследования — фонетика или лексика, морфологическая или синтаксическая структура данных языков»².

* *
*

Особенно важное значение диалектологии имеет для практических целей развития младописьменных литературных языков, какими являются дагестанские. Если исходить из необходимости повседневно заботиться о нормализации литературного языка, из необходимости обогащать его словарный состав, в первую очередь встает вопрос о связях с диалектами. Дагестанские языки еще не оторвались от диалектной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.

² Арн. Чикобава. Исследование горских кавказских языков и наши задачи. См. Изв. ИНИМК, XII, Тбилиси, 1942, стр. 287-283.

основы; мы еще не в состоянии определить, если так можно выразиться, водораздел между литературным и народным языком, между народным языком и диалектной основой его. Поэтому вопрос о связях с диалектами для дагестанских языков стоит значительно острее, чем для литературных языков, имеющих длительную историю развития, языков с уже сложившимися литературными традициями, какими, например, являются русский или грузинский языки.

В процессе становления младописьменные литературные языки всецело опираются на народные языки. «Отработанный мастерами» язык, о котором говорил А. М. Горький, здесь только-только начинает образовываться; важную роль в формировании литературных языков сыграли фольклорные традиции.

В этой связи в первую очередь требовалось изучение диалектной основы каждого литературного языка. Но нормы этой диалектной основы нарушаются под влиянием «нелитературных» диалектов. Ведь одновременно происходил и происходит интенсивный процесс нивелирования диалектов. Таким образом, новые нормы не могут развиваться в отрыве от «нелитературных» диалектов.

Особенно следует учесть то обстоятельство, что «нелитературные» диалекты постоянно питают словарный состав литературных языков. Но на первых порах образования их лексические связи с диалектами особенно интенсивны.

Все это говорит о том, что нормализация младописьменных литературных языков требует широких и глубоких диалектологических изысканий.

Не менее важное значение диалектология имеет в деле популяризации, так сказать, внедрения младописьменных литературных языков через школу. Опыт преподавания дагестанских языков в школах показывает, что если учитель не знает процесса их развития на базе взаимодействия диалектов, не знает фонетической, морфологической и лексической системы самих диалектов, то результаты деятельности его оказываются плохими. С диалектной речью учащегося можно успешно бороться лишь в том случае, если известны особенности данного диалекта.

Таким образом, монографическое исследование диалектов дагестанских языков, в частности аварского языка, кладет начало новому этапу развития дагестанского языкознания.

ХРОНИКА
и
СООБЩЕНИЯ

Х Р О Н И К А

22 декабря 1955 года состоялось расширенное заседание Ученого Совета Института истории, языка и литературы, посвященное 50-летию первой русской революции 1905—1907 гг., на котором были заслушаны следующие доклады:

I. Дагестан в период первой буржуазно-демократической революции.

Докладчик — кандидат исторических наук **Г. Д. Даниялов.**

II. Революционные выступления солдат в Дагестане в период первой русской революции.

Докладчик — кандидат исторических наук **А. С. Гаджиев.**

III. Всеобщая политическая забастовка железнодорожников Дагестана в декабре 1905 г.

Докладчик — мл. научный сотрудник ИИЯЛ **Г. И. Милованов.**

* *

*

26 декабря 1955 года состоялась сессия, посвященная 50-летию первой русской революции 1905—1907 гг.

Вступительное слово произнес **А. С. Солдатов.**

На сессии были заслушаны следующие доклады:

I. Первая русская революция 1905—1907 гг. — выдающееся событие в истории освободительного движения народов нашей страны и трудящихся всего мира.

Докладчик — кандидат исторических наук **Б. О. Кашкаев.**

II. Дагестан в период революции 1905—1907 гг.

Докладчик — кандидат исторических наук **Г. Д. Даниялов.**

III. Аграрная программа большевиков в первой русской революции.

Докладчик — кандидат юридических наук **Ш. М. Магомедов.**

IV. Работа большевистских воинских организаций среди солдат и матросов в период первой русской революции в Дагестане. Дешлагарское восстание 83 Самурского пехотного полка в 1906 г.

Докладчик — кандидат исторических наук **И. Н. Нарушевич.**

V. Историческое значение первой русской революции 1905—1907 гг.

Докладчик — кандидат исторических наук С. Ш. Гаджиева.

* *

С 31 марта по 6 апреля 1956 г. проходила отчетная сессия Института истории, языка и литературы, на которой были заслушаны следующие отчеты и доклады:

1. Отчет о научно-исследовательской деятельности ИИЯЛ за 1955 год.

Кандидат исторических наук Г.-А. Д. Даниялов.

2. Отчет о работе археологической экспедиции за 1955 год.

Кандидат исторических наук В. И. Канивец, мл. научные сотрудники В. Г. Котович, М. И. Пикуль.

3. Социально-экономические отношения в Дагестане в V—XV вв.

Кандидат исторических наук М. М. Ихиллов.

4. Дагестан в VII—X вв.

Мл. научный сотрудник А. Р. Шихсаидов.

5. Ахтыпаринское «вольное» общество XVIII—нач. XIX вв.

Кандидат исторических наук Р. Г. Маршаев.

6. Социально-экономический строй, политическое устройство и внешнеполитические отношения в Дагестане в XVIII в.

Кандидат исторических наук А. И. Тамай.

7. Социально-экономический строй кумыков во второй половине XIX века.

Кандидат исторических наук С. Ш. Гаджиева.

8. Аграрные отношения в Дагестане накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Кандидат исторических наук Г. Г. Османов.

9. Дагестан в годы империалистической войны и февральской революции.

Кандидат юридических наук А. С. Омаров.

10. Военно-политический союз русского рабочего класса с дагестанским крестьянством в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1917—1921 гг.).

Мл. научный сотрудник М. И. Кичев.

11. Дагестан в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Кандидат исторических наук А. С. Гаджиев.

12. Создание советской интеллигенции Дагестана.

Мл. научный сотрудник А. И. Эфендиев.

13. Промышленность и транспорт Дагестана во второй послевоенной пятилетке.

Кандидат исторических наук И. К. Керимов.

14. Лакская диалектология.

Доктор филологических наук Г. Б. Муркелинский.

15. Кубинский диалект лезгинского языка.
Доктор филологических наук **М. М. Гаджиев.**
16. Яркийский диалект лезгинского языка.
Кандидат филологических наук **У. А. Мейланова.**
17. Группа говоров даргинского языка Дахадаевского района.

Мл. научный сотрудник **С. М. Гасанова.**

18. Аварская диалектология.

Кандидат филологических наук **Ш. И. Микаилов.**

19. Салатавская группа говоров аварского языка.

Кандидат филологических наук **М. С. Саидов.**

20. Очерковые работы по литературоведению.

Кандидат филологических наук **Р. Ф. Юсуфов.**

Кандидаты филологических наук **Г. Б. Мусаханова, Б. М. Магомедов, Э. Ю. Кассиев.** Мл. научный сотрудник **Х. М. Халилов.**

* *

*

11 июня 1956 г. Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР совместно с Союзом советских писателей Дагестана провел научную сессию, посвященную 5-летию со дня смерти народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы.

На сессии были заслушаны доклады кандидатов филологических наук Ш. И. Микаилова «Жизнь и творчество Гамзата Цадасы» и Б. М. Магомедова «Образ труженика в произведениях Гамзата Цадасы». В докладах был поднят ряд вопросов, представляющих большой интерес для изучения творчества поэта. Отмечая многогранность подлинно народного творчества Гамзата Цадасы, докладчики подчеркнули, что литературоведам республики еще предстоит очень много работы по изучению исключительно богатого литературного наследия поэта.

С воспоминаниями о Гамзате Цадасе выступили редактор альманаха «Дружба» К. Султанов и народный поэт Дагестана Абуталиб Гафуров.

Поэты Аткай, Р. Рашидов и Ш.-Э. Мурадов прочитали стихи Гамзата Цадасы в своих переводах на кумыкский, даргинский и лезгинский языки.

Выступавшие на сессии указали на недостатки в работе по переводу произведений Гамзата Цадасы на языки народов Дагестана и признали необходимым издание в ближайшее время однотомников произведений поэта на основных языках народов нашей республики.

В. И. КАНИВЕЦ

кандидат исторических наук

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В 1955 ГОДУ.

В 1951 году, когда Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР начал самостоятельные археологические работы, перед исследователями прошлого республики стояло много сложных, еще не разрешенных проблем. Попрежнему оставался вне поля зрения археологов почти весь нагорный Дагестан, а именно здесь можно было найти новые данные для разрешения таких важных вопросов, как история заселения и хозяйственного освоения гор в древности, как время и пути сложения многочисленных народностей, говорящих на кавказских языках. По существу ничего определенного нельзя было сказать о каменном веке — наиболее продолжительной эпохе в истории Дагестана. Почти не изученными оставались памятники раннего железа и позднего средневековья.

Первоначально работы экспедиции института были весьма скромными по масштабу, но они дали новые материалы для археологической карты республики. В 1951—1952 гг. М. И. Пикуль провела маршрутную разведку на плоскости и в предгорьях северного Дагестана, а также по Андийскому Койсу. В следующем году работы экспедиции охватили более значительную территорию и более широкий круг памятников. За время разведки в равнинных и предгорных районах северного и южного Дагестана был частично исследован ряд интересных памятников, в том числе первое на северо-восточном Кавказе палеолитическое (мустьерское) местонахождение в урочище Чумус-Иниц у Геджуха, позднеэнеолитическое поселение у Великента, курганный могильник середины I тысячелетия н. э. в урочище Паласа-Сырт у Хошмензиля (раскопки В. Г. Котовича) и могильник из каменных ящиков раннего железного века у Дагбаша (раскопки М. И. Пикуль). В 1954 г. Дагестанская археологическая экспедиция (руководитель Р. М. Мунчаев) сосредоточила свою работу в горных районах. Важным результатом проведенной разведки было

открытие первой в горах восточного Кавказа мезолитической или неолитической стоянки у Чоха.

С началом строительства Чир-Юртовской ГЭС на среднем течении Сулака перед археологами Дагестана открылись новые возможности для больших по масштабам исследований памятников древности. Работы на новостройке, рассчитанные на 3 года (1955—1957), сделали реальной задачу создания археологической стратиграфии, отражающей последовательную смену форм материальной и духовной культуры древнего населения на сравнительно небольшой территории.

В 1955 г. археологическая экспедиция Института ИЯЛ проводила свои исследования в двух различных по своим природным условиям и историческому прошлому районах — на южной окраине Терско-Сулакской низменности, в зоне строительства Чир-Юртовской ГЭС (равнинный отряд) и в центральной части нагорного Дагестана (горный отряд) ¹.

Равнинный отряд

Работы отряда были сосредоточены на сравнительно коротком (15-километровом) участке среднего течения Сулака, между с. Миатли, Казбековского р-на и с. Бавтугай, Кизыл-юртовского р-на. Этот район представляет собой узкую, около 2 км шириной котловину, с запада и востока ограниченную цепями высоких всхолмлений, а с северной стороны переходящую в волнистую равнину. Хорошо выраженные здесь террасы Сулака сложены из третичных песчаников, известняков и глин.

Первоочередной задачей отряда было выявление археологических памятников, которым угрожало затопление или разрушение в результате размыва берегов будущего водохранилища. До недавнего времени этот район в археологическом отношении оставался совершенно не изученным. Лишь в 1954 г., в связи с началом строительства ГЭС, была произведена первая разведка. В 1955 г. открыто более 20 новых археологических памятников, часть которых исследовалась в этом же сезоне. Подготовлены данные для организации раскопок в последующие годы.

Исследуемый район был густо заселен в различные исторические эпохи. Объясняется это, прежде всего, географическим положением и условиями рельефа местности. Сулак

¹ Научный состав экспедиции: В. И. Канивец (начальник экспедиции), В. Г. Котович (начальник горного отряда), М. И. Пикуль (начальник равнинного отряда), Д. М. Атаев, С. С. Березанская, М. И. Исаков, И. П. Костюченко, В. М. Котович, Н. Д. Путинцева и А. П. Савчук. В работе равнинного отряда принял участие сотрудник отдела почвоведения Даг. ФАН СССР Н. А. Взнуздаев. Экспедиция получала научную консультацию действительного члена АН УССР П. П. Ефименко. Работы в горных районах проводились совместно с Дагестанским республиканским краеведческим музеем.

является водной артерией Дагестана, и, хотя сама долина местами превращается в узкий почти непроходимый каньон, вдоль реки лежит путь, связывающий степи Северо-восточного Кавказа с горными районами, ныне населенными аварцами и даргинцами. Здесь проходит большая скотопрогонная трасса, следующая по берегу или боковыми долинами. У Чир-Юрта и Миатли находятся переправы через Сулак.

Данных разведки далеко не достаточно для воссоздания полной картины заселения этого района. Пока не обнаружены сколько нибудь датированные памятники каменного века. В нескольких пунктах (у с. Верхний Чир-Юрт и хутора Зурама) сделаны первые находки кремневых орудий и отщепов, часть которых, вероятно, относится к каменному веку. Материалом для изготовления орудий служил местный кремень, встречающийся в виде желваков в долине реки. Этот кремень происходит из лежащей выше по Сулаку горной области, сложенной из меловых и юрских пород.

Эпоха меди и бронзы представлена большим курганным полем у с. Миатли, Казбековского р-на. На обоих берегах Сулака на протяжении около 8 км., от Миатлинского ущелья до серного источника Исти-Су (Горячие Ключи), открыто более 200 курганов, расположенных небольшими группами на высокой надпойменной террасе. Кроме того зафиксированы десятки продолговатых плоских каменных насыпей, которые, очевидно, представляют собой слившиеся курганы или особые погребальные сооружения. Раскопки Миатлинских курганов явились важнейшей частью стационарных работ равнинного отряда.

Полностью закончены раскопки 12 курганов, еще 3 кургана будут доисследованы в будущем году. Эти курганы представляют собой насыпи из валунов и земли высотой 0,5—1,10 м и диаметром 10—16 м, сооруженные над индивидуальными (реже семейными) усыпальницами. Всего в курганах раскрыто 32 погребения. Кроме того, в одной из плоских насыпей, которая, возможно возникла в результате слияния двух небольших курганов, исследовано 4 каменных ящика.

Почти во всех погребениях сохранился сопровождающий инвентарь — обычно керамика и украшения, реже — оружие. Значительную часть находок составляют изделия из меди или бронзы. Среди них следует отметить вислообушный топор, 2 плоских кинжала или наконечника копья, булавку, а также спиральные и полусферические подвески. Из меди, сурьмы, белой или голубой стекловидной массы (пасты), раковин, гагата, сердолика и других материалов изготовлены разнообразные пронизки, бусы и бисер, которые составляли сложные ожерелья или украшали одежду. Керамика представлена десятками сосудов, изготовленных вручную.

Раскопки дают возможность осветить некоторые вопросы хозяйственной жизни и развития техники в бронзовом веке. На одном из сосудов сохранились отпечатки зерна, очевидно пшеницы, в другом сосуде найдены кости животного (овца?). Исследование обнаруженного в одном из погребений остатков шнура позволит выяснить способ прядения и характер волокнистого вещества. Но особенный интерес представляют каменные сооружения и, прежде всего, прекрасные образцы кладки. Стены гробниц, каждая из которых имеет около 2 м длины, 1 м ширины и столько же высоты, сооружены из плоских сравнительно правильных плиток и блоков слоистого песчаника, тщательно сложенных рядами без применения скрепляющего раствора. Ряды кладки по углам перевязаны между собой в переплет. Стыки между плитками каждого ряда, как правило, перекрыты плитками верхнего ряда. Таким образом населению раннего бронзового века были знакомы технические приемы высокоразвитого строительного дела.

Получены также новые данные, позволяющие судить о социальной организации и духовной культуре местного населения. С этой стороны интересны сложные погребальные конструкции Миатлинских курганов, которые как уже отмечено, обычно сооружались для одного человека. В окрестностях всех курганных групп строительный материал встречается в изобилии, но, чтобы доставить десятки тонн валунов и массивных каменных плит от береговых обнажений до места погребения, требовалась огромная затрата труда. Ясно, что под этими курганами погребены люди, занимавшие среди соплеменников особое положение.

Большой интерес представляет открытое в одном из курганов (№ 1, группа II) парное погребение мужчины-воина и женщины. Этот курган заслуживает более подробного описания. Насыпь высотой 0,9 м и диаметром 14 м целиком состояла из валунов. Под насыпью на уровне древней почвы находился кромлех из плит песчаника, который окружал центральную могильную яму, перекрытую двумя массивными плитами. В этой яме находились останки двух человек, погребенных в сидячем положении, на коленях, как бы в молитвенной позе. Рядом со скелетом мужчины, лежал медный кинжал или наконечник копья, около женского костяка найдены разнообразные украшения — медные массивные спиральные подвески в полтора оборота, полусферические подвески и булавки для скрепления одежды, а также около 100 бусин от рассыпавшихся ожерелий. Подобные парные захоронения не являлись редкостью в условиях патриархального общества.

Миатлинское курганное поле приобретает значение одного из важнейших источников по истории северо-восточного Кавказа в эпоху бронзы. В целом, несмотря на разнообразие форм

погребальных сооружений и деталей ритуала, могильник представляет собой памятник одной эпохи. В этом его отличие от степных курганных могильников, где можно встретить курганы различных эпох и различных народов.

Миатлинские курганы очень близки друг другу не только по внешнему виду (небольшие размеры, обкладка насыпи камнями), но и по конструкции. Как для наиболее ранних, так и для самых поздних курганов типичны каменные ядра в центре и выкладки из плиток над массивными перекрытиями. В самой планировке могильника можно видеть известную закономерность. Выясняется, что расширение III группы курганов (исследованной более полно) шло в общем в одном направлении, от края террасы вглубь ее. Очевидно, население, оставившее более поздние курганы или впускные погребения, осознавало свою связь с населением предшествующего времени. В пользу такого предположения может говорить также постепенная эволюция погребального обряда и определенная последовательность в смене форм инвентаря.

Наблюдения, сделанные при раскопках, дают новый материал для работы в области периодизации и хронологии бронзового века Сев. Кавказа.

На Миатлинском курганном поле можно выделить 3 основных группы погребений, отвечающих последовательным периодам бронзового века. Первая, наиболее ранняя из них — погребения в каменных гробницах и грунтовых ямах. Здесь не было еще строго установившейся традиции в погребальном ритуале — встречались захоронения как в вытянутом, так и в сидячем положении, в ориентировке наблюдались восточное, юго-восточное, южное и юго-западное направления. В могилах встречалась охра, хотя и в небольшом количестве. В инвентаре имеется керамика со шнуровой орнаментацией.

Второй период представлен погребениями в грунтовых ямах. Погребальный обряд приобретает новые черты и становится более однообразным — все умершие похоронены в скорченном положении головой на юг (с некоторыми отклонениями). Еще встречается охра и керамика со шнуровой орнаментацией. В одном случае стена могильной ямы была образована каменной плитой. Позднее все погребальное сооружение стали составлять из плит — появились каменные ящики, являющиеся характерной чертой третьей и последней группы Миатлинского поля.

В этот период погребальные обычаи приобрели строго определенную форму. Все погребенные уложены в скорченном положении на боку, головой на юг. Исчезает обычай оставлять в могиле охру. Не встречается уже шнуровой орнаментации на керамике, появляются ранее не известные украшения из сурьмы.

Относительная хронология и культурная принадлежность

последней группы погребений сомнений не вызывает. Эта группа относится к типичным памятникам каякентско-хорочоевской культуры, особенно ее западного варианта¹. Инвентарь рассматриваемой группы погребений очень близок материалу из Хорочоя. Общими являются ряд украшений из бронзы и сурьмы, а также некоторые формы керамики.

Первую и близкую ей вторую группу можно сопоставить с памятниками катакомбной и северо-кавказской культур, а в Дагестане — с курганами в урочищах Каркома-хола и Ярти-тюбе² у Манаса (раскопки К. Ф. Смирнова в 1950—1951 гг) и каменными склепами в Чохе (раскопки Р. М. Мунчаева в 1954 г.).

В результате раскопок последних лет у Манаса и Миатли становится возможным выделение новой местной археологической культуры раннего бронзового века, с одной стороны, сохраняющей некоторые черты кавказского энеолита, а с другой, содержащей в себе уже элементы каякентско-хорочоевской культуры. Следует подчеркнуть, что данные раскопок Миатлинского курганного поля определенно свидетельствуют о близости культуры местного населения раннего бронзового века к культуре племен предгорий и степей Сев. Кавказа, оставшихся археологические памятники так называемого «среднекубанского» и катакомбного типов. Эта близость проявляется как в погребальных обычаях, являющихся важным этнографическим признаком, так и в материальной культуре, поскольку можно судить по инвентарю и, прежде всего, по керамике, в ряде случаев украшенной характерным орнаментом из отрисков шнура.

Более сложным оказывается вопрос об абсолютной хронологии Миатлинского курганного поля. Ранние погребения синхронны Эшерским дольменам в Абхазии и Сачхерскому могильнику в Имеретии. Датировка их первой половиной II тысячелетия до н. э. представляется достаточно обоснованной. Поздние погребения могут быть датированы второй половиной II тысячелетия до н. э.

О преемственности в культуре местного населения на протяжении эпохи бронзы можно судить по бескурганному могильнику каякентско-хорочоевской культуры, открытом в урочище Кабарты-Кутан у хутора Артель. Этот большой могильник, занимающий площадь около 2 га, состоит из прямоугольных или квадратных каменных ящиков, не отмеченных на поверхности. На этой площади заложено 4 раскопа и траншея, в которых открыто 12 каменных ящиков с индивидуальными погребениями. Кроме того, 2 подобных погребения

¹ А. П. Круглов. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. УЗ ЛГУ, сер. ист. наук, 1949, вып. 13.

² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КС ИИМК, XLV, 1952, стр. 86-88.

исследованы в другой группе каменных ящиков, находящейся приблизительно в 1 км к северу от первого могильника. Благодаря раскопкам сплошной площадью удалось выяснить, что погребения расположены отдельными группами. Вещественный инвентарь небогат и ограничивается керамикой и украшениями (бронзовые браслеты и височные привески, а также сердоликовые и пастовые бусы, близкие миатлинским).

К той же исторической эпохе (бронзовому веку), вероятно, относится бронзолитейная мастерская, следы которой открыты к югу от с. Верхний Чир-Юрт. На площади поселения, помимо керамики, найдены обломки бронзовых изделий и куски расплавленного металла.

Археологические памятники следующего тысячелетия — скифского, сарматского и аланского времени — на этой территории остались мало изученными. В отдельных пунктах, как, например, у с. Бавтугай и южнее с. Верхний Чир-Юрт открыты поселения сарматского времени (последние века до н. э. и начало н. э.). Обращают на себя внимание материалы, собранные на поселении у Бавтугая. В керамике, наряду с северными, сарматскими чертами, можно видеть технические приемы, характерные для Восточного Закавказья. Это явление уже было отмечено Е. И. Крупновым¹ и К. Ф. Смирновым² в материале Таркинского могильника.

В плане экспедиции 1956 г. предусмотрены раскопки памятников этого малоизученного на Сулаке периода.

Эпоха средневековья представлена большим числом городищ, открытых селищ и могильников. Прежде всего обращает на себя внимание густота расположения поселений в разные периоды средневековья. Так, на протяжении всего 15 км на левом берегу Сулака отмечено 9 поселений, а на правом — 6.

Из этих 15 поселений по крайней мере 4 были обитаемы очень продолжительное время в различные периоды средневековья. Создается впечатление, что в заселении исследованной территории не было длительных перерывов.

Одним из наиболее интересных поселений является селище к северу от с. Бавтугай. Оно располагалось над Сулаком и занимало площадь до 10 га. Здесь сохранились остатки землянок с очагами, огромное количество костей животных и различных культурных остатков. Из находок можно отметить большой (высотой до 1 м) хум, заполненный просом, обломок каменной зернотерки и костяной штамп. Весьма характерно, что жители поселения сеяли просо, которое в эпоху средневековья, являлось на Сев. Кавказе одной из самых распространенных сельскохозяйственных культур.

¹ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, с. 224.

² Е. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе с. Тарки. МИА, 23.

Еще более крупное поселение открыто на правом берегу реки у с. Верхний Чир-Юрт. Со стороны степи поселение было защищено валом из камней. Оба описанных поселения существовали продолжительное время, в частности в эпоху раннего средневековья (V—X в. н. э.).

На двух поселениях этого же времени, расположенных южнее, на противоположных берегах Сулака, наблюдались остатки прямоугольных жилищ — каменные фундаменты или нижние части стен. Раскопки таких памятников раскроют в деталях быт и хозяйственные занятия обитателей поселений. Достаточно сказать, что можно будет изучить план поселения, планировку двора и дома, архитектуру, хозяйственные постройки и т. д.

Это тем более важно, что археологические данные могут быть сопоставлены с письменными свидетельствами о Хазарском каганате и «царстве» Серир, граница между которыми проходила где-то неподалеку от исследуемого района.

Есть все основания думать, что в пределы Серира, помимо большей части нагорного Дагестана, входили и некоторые предгорные районы. Так сохранилось указание Иби-Даста о том, что граница Серира проходила всего в 2 фарсах от Семендера.

В этом году раскопки средневековых памятников были ограничены 3 объектами и в целом носили разведочный характер. На юг от сел. Миатли на высокой надпойменной террасе открыты остатки средневекового поселения. В его северо-восточной части исследован двухкамерный наземный дом размером 8×4,2 м и часть двора. Хорошо сохранился цоколь стен дома, тщательно сложенный из горизонтальных рядов плит песчаника. Этот небольшой дом состоял из комнаты и узкого, очевидно, хозяйственного, помещения перед ней. Стены изнутри оштукатурены известковым раствором розового оттенка. Пол земляной, также покрыт известковым раствором. В жилой комнате находились очаг, углубление, в котором обнаружены остатки лепного кухонного горшка, и лежанка, выложенная из камня и покрытая штукатуркой. Рядом с очагом во внутренней стене был оставлен проем, благодаря чему огонь освещал и обогревал оба помещения.

Вокруг дома обнаружены остатки вымостки из тонких плиток песчаника. Находки ограничиваются костью коровы и редкими обломками керамики двух типов (сравнительно хорошо изготовленной кружальной и слабо обожженной лепной).

Керамика, аналогичная найденной в доме, известна по памятникам IX—XII вв. на Северном Кавказе. Этим и определяется дата поселения.

Обращает на себя внимание, что в данном случае почти отсутствовали следы хозяйственной деятельности, остатки

пищи и керамики. Не исключена возможность, что описываемое здание имело не жилой или хозяйственный, а общественный характер.

Начато обследование позднесредневекового городища, расположенного в совершенно исключительных условиях — на вершине горы Малый Хадум, возвышающейся над террасой почти на 400 м.

У подножья горы, вблизи Миатли велись раскопки грунтового могильника XII—XIII в. в. Раскрыто 19 погребений, обычно отмеченных каменными кругами или выкладками из вадунов и покрытых досками. Как устройство могил, так и погребальный инвентарь очень скромны. Находки ограничиваются женскими украшениями — гладкими черными и зелеными стеклянными браслетами, бронзовым браслетом, кольцами, различными височными привесками и серьгами.

Специальной частью работ на Сулаке было изучение древних почв, погребенных под курганами. Как показывают предварительные наблюдения, во II тысячелетии до н. э. почвы на этом участке террасы Сулака мало отличались от современных и относились к типу каштановых. В одной из лабораторий Дагестанского филиала АН СССР производится пылецевый анализ образцов древних почв.

Горный отряд

Отряд продолжал начатые в предыдущем году раскопки и разведки в центральной части нагорного Дагестана. В 1955 году исследовались археологические памятники в Лакском, Акушинском, Кахибском, Хунзахском и Гунибском районах.

Важное место в работе горного отряда занимали раскопки стоянки каменного века у с. Чох, Гунибского р-на. Здесь, на берегу горного ручья под навесом скалы сохранился мощный (около 1,5 м толщины) культурный слой. В этом году на стоянке было заложено 2 раскопа общей площадью 18 кв. м, из которых полностью исследовано 12 кв. м.

Стоянка имела сезонный характер и неоднократно посещалась ее обитателями. Открыты разнообразные следы древнего обитания — очажные пятна с пеплом и углями, расколотые кости животных, комочки красной охры и большое количество кремневых орудий и отходов их производства.

Обращают на себя внимание большое количество расщепленного кремня и такие характерные орудия, как отбойники и ретушеры. Совершенно очевидно, что на стоянке производилась обработка кремня. В целом инвентарь характеризуется мелкими и микролитическими формами орудий. Среди находок представлены нуклеусы различных типов, тонкие правильные пластинки, нередко ретушированные, пластинки со скошенным краем, скребки, резцы, небольшие рубящие орудия, острия, многочисленные микропластинки, а также вкладыши геометри-

ческих очертаний. Часты находки небольших кремневых наконечников стрел. Костяные изделия представлены только одной находкой — острием из расколотой трубчатой кости. Немногочисленные находки керамики на этой стоянке происходят из нарушенных слоев и не могут быть с полной достоверностью связаны с кремневым инвентарем.

Значение этой стоянки заключается не только в том, что она документирует очень раннее заселение горных районов Дагестана, но и в том, что она является единственным памятником своего времени на Восточном Кавказе. Первые находки из Чоха были определены как неолитические, однако раскопки показали, что по крайней мере часть материала, судя по характерным микролитическим кремневым изделиям, может относиться в мезолиту.

Следующая эпоха — меди и бронзы в нагорном Дагестане изучена еще слабо, поэтому каждое новое открытие привлекает к себе внимание. К ранней поре бронзового века можно отнести могильник у хутора Гоно вблизи с. Урада, Кахибского района. Здесь на вымостках из каменных плит обнаружено около 10 поврежденных захоронений. Судя по расположению некоторых костей, погребенные находились в скорченном или сидячем положении. Большой интерес представляет инвентарь — своеобразная керамика, тонко отретушированные кремневые наконечники стрел с черешком, медные браслет и подвеска, костяные острия, бусы и т. д. Нужно отметить, что между памятниками нагорного и Северного Дагестана этой эпохи наблюдаются определенные отличия, что можно проследить, например, в формах погребальных сооружений и в керамике.

Как и у Чир-Юрта, в нагорном Дагестане остались почти совершенно не исследованными памятники последних веков до н. э. и начала н. э. Можно лишь предполагать, что к этому времени принадлежат 2 погребения, раскопанные к югу от с. Ругуджа, Гунибского р-на (в одном из них найдено ожерелье из глазчатых пастовых бус).

Средневековые здесь, как и на Сулаке представлено интересными памятниками. Особенно следует отметить склеп с коллективными погребениями середины I тыс. н. э. у с. Гапшима, Акушинского р-на. Эта гробница (размерами 2,6×1,7 м) сложена из сланцевых плит без применения скрепляющего раствора. Здесь обнаружено до 20 погребений и большое количество вещей, характеризующих материальную культуру того времени. Из железных изделий можно назвать более 20 ножей, наконечник копья, 3 наконечника стрел и шилья, из бронзовых — браслеты, поясные пряжки, около 20 височных подвесок, бляшки, пуговицы и зеркало, из серебряных — 3 височных подвески и т. д. Обращает на себя внимание привоз-

ное украшение — подвеска в виде жука-скарабея из голубой пасты. Очень разнообразны бусы из стекла, пасты, хрусталя, сердолика и других материалов.

К северу от Хунзаха в ур. Гала обследован ранне-средневековый могильник, по времени близкий Гапшиминскому. При осмотре полуразрушенных погребений в каменных ящиках и ямах собран подъемный материал (сосуды, серебряное зеркало, бронзовый браслет, железные ножи, шилья, удила и т. д.).

В глубине нагорного Дагестана у с. Урада, Кахибского района, производились раскопки уже известного ранее средневекового могильника. В 1955 г. на площади двух раскопов открыто 7 погребений, очевидно, конца I-го тысячелетия н. э. В отличие от Гапшиминских семейных склепов, погребальные сооружения в Ураде имели вид небольших каменных гробниц, предназначенных только для одного человека. В одном из погребений, очевидно, женском, обнаружены остатки кожаной обуви. Инвентарь представлен, главным образом, украшениями — бронзовыми браслетами, пряжкой и подвесками, бусами из раковин, стекла и сердолика.

Особый интерес вызывает находка на перекрытии одной из могил каменного креста из тонкой сланцевой плиты, в центре которой высечен знак креста. Неподалеку в земле обнаружен еще один подобный каменный крест. Этот факт позволяет сделать вывод, что местное население какое-то время исповедывало христианство. С другой стороны, в погребальном обряде сохранились ярко выраженные языческие традиции (остатки тризны и др.).

Значение новых исследований раннесредневековых памятников в нагорном Дагестане очевидно. Если за последние годы, благодаря раскопкам Агачкалинского могильника и поселения, были определены важные черты культуры хазарского времени в Северном Дагестане, то во внутренних районах республики раннее средневековье оставалось почти не изученным.

В целом, оценивая результаты экспедиции 1955 г., следует отметить увеличение удельного веса стационарных раскопок по сравнению с прошлыми годами. И в дальнейшем необходимо уделять стационарным раскопкам особое внимание. Только таким путем можно наметить основные вехи древней истории Дагестана.

До сих пор мало разработаны вопросы этногенеза многоплеменного населения Дагестана и сложения современных народностей. Археологические раскопки, которые ведутся теперь на территории республики в больших масштабах, явятся одним из важнейших источников для решения этих проблем.

ДОКУМЕНТЫ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ДАГЕСТАН В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Документы и материалы

В 1957 г. исполняется 40 лет со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции. Народы Дагестана, вместе со всеми народами Советского Союза и всем прогрессивным человечеством, готовятся отметить эту знаменательную дату, как дату мирового значения, как годовщину события, которое открыло новую эру во всемирной истории, эру крушения капитализма и торжества коммунизма во всем мире.

Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР также готовится к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. С целью наглядного показа героической борьбы трудящихся Дагестана совместно с русским народом и другими народами нашей страны за победу Советской власти, институт истории, языка и литературы совместно с Дагестанским филиалом института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Центральным Государственным архивом ДАССР готовит к печати сборник документов по истории гражданской войны и установления Советской власти в Дагестане. Наряду с этим ИИЯЛ настоящим начинает публикацию документов и материалов, освещающих этот важнейший период истории трудящихся Дагестана.

Публикуемые документы подготовили к печати научные сотрудники Института истории, языка и литературы А. С. Гаджиев и А. Э. Эльмураев.

№ 1

ГАЗЕТНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ОБСТАНОВКУ В ДАГЕСТАНЕ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

11 апреля 1917 г.

Организация власти в провинциях.

Из провинциальных городов нашего края и уездов получают тревожные известия. Власть на местах захватывают люди, ничего общего с новым строем не имеющие.

Бывшие уездные начальники, мировые посредники, приставы, которые при старом строе душили и грабили народ, являются и сегодня хозяевами положения.

И, что печальнее всего, они получают официальную санкцию от новых общественных организаций, их выбирают в местные исполнительные комитеты.

Еще хуже обстоит дело в Дагестанской области, где кучка чиновников при старом губернаторе захватила власть и держит в подчинении и неведении все население области.

«Известия Совета рабочих и военных депутатов», гор. Баку, 11 апреля 1917 года.

№ 2

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ДАГЕСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КОМИССАРУ ТАРКИНСКОГО УЧАСТКА ПО ПОВОДУ САМОВОЛЬНОЙ ПОТРАВЫ ОБЩЕСТВОМ сел. ТАРКИ КУТАНА «КАВТАР».

13 декабря 1917 года

Комиссару Таркинского участка.

Дагестанский областной земельный комитет отношением от 25 ноября с. г. за № 408 уведомил меня, что общество сел. Тарки с первых чисел октября учиняет самовольные потравы

на кутане «Кавтар», принадлежащем Муртузали-Беку Геллишскому и, несмотря на ряд предписаний, посланных им через Вас, своих бесчинств не прекращают. Вызванные два раза областным земельным комитетом по этому делу поверенные общества совершенно не явились, без объяснения каких-либо уважительных причин. Ввиду этого предлагаю Вам немедленно предложить обществу сел. Тарки прекратить свои бесчинства и объявить, что в противном случае для прекращения самовольных выступлений его будет послана вооруженная сила.

Вместе с тем, предлагаю Вам отправить ко мне поверенных названного общества.

Копия. ЦГА ДАССР, ф. 43, оп. 10, л. 240.

№ 3

ГАЗЕТНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ О СОБРАНИИ ГРУППЫ ДАГЕСТАНЦЕВ, СОСТОЯВШЕМСЯ В БАКУ.

10 января 1918 года.

Собрание группы рабочих лезгин состоялось 10-го января с. г., под председательством т. Салимхан Сулейман-Оглы. Порядок дня был следующий: 1) положение в Дагестане, 2) возобновление деятельности организации «Фарук»¹. 3) вопросы, могущие возникнуть на собрании.

По первому вопросу выступил докладчиком тов. Казимамед (Агасиев — Г. А., Э. А.). Докладчик ясно обрисовал, то печальное положение, в котором очутился Дагестан. Докладчик причину такого положения видит в Терско-Дагестанском правительстве, которое состоит из представителей местных помещиков. Это правительство не только не идет навстречу местным народным нуждам, но является явно контрреволюционным, которое являет так же, как николаевские генералы и чиновники. И все это делают они под флагом «самоуправления» и «автономии». После доклада собрание единогласно принимает резолюцию, предложенную докладчиком, где говорится: «Призывать дагестанскую революционную демократию к борьбе с этим контрреволюционным правительством помещиков, создать на местах советы рабочих и крестьянских депутатов, которые должны взять всю власть в свои руки в Дагестане, которые должны выделить из своей среды советское правительство, подчиненное и ответственное этим советам». Резолюция кончается приветствиями Рабоче-крестьян-

¹ Организация «Фарук» была создана в Баку в 1905—1907 гг. как филиал Бакинского Комитета РСДРП, куда входили работавшие в г. Баку рабочие-дагестанцы.

ской революции в России, Совету Народных Комиссаров и призывами к революционному свержению контр-революционного Терско-Дагестанского правительства.

Обсудив второй вопрос порядка дня, собрание решило возобновить деятельность организации «Фарук», которая будет действовать при Бакинском Комитете РСДРП (большевиков). Организация «Фарук» была создана еще в 1907 году и тогда же эта организация работала при комитете большевиков. Дальше собрание выбрало временный комитет группы из 3-х лиц, тов. Кази-Мамед, Мирза-Мамед и Кули-Мамед, которые должны организовать ряд собраний и сбор членских взносов.

Газета «Бакинский рабочий» 19 января 1918 года, № 14/130.

№ 4

РЕЗОЛЮЦИЯ СОБРАНИЯ РАБОЧИХ ПРОМЫСЛОВ МИРЗОЕВЫХ И СОСЕДНИХ ФИРМ г. БАКУ С ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННО- ШОВИНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЗАКАВКАЗСКОГО КОМИССАРИАТА.

21 января 1918 г.

Мы, рабочие промыслов Мирзоевых и соседних фирм, заслушав доклады гг. Микояна на русском и армянском языках и Муктадира на лезгинском языке о создавшемся положении на Кавказе и задачах интернационального пролетариата у нас, всей душой протестуем против всей шовинистической, по существу, контрреволюционной политики закавказского комиссариата, требуем немедленного роспуска его и передачи всей власти во всем крае Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые должны подчиниться и работать рука об руку с Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и немедленно проводить в жизнь декреты Совета Народных Комиссаров.

Протестуя против шовинистической политики кавказских правящих партий, обостряющих национальные отношения и распыляющих силы революционной демократии на Кавказе, громогласно заявляем, что мы рабочие-мусульмане, лезгины, грузины, армяне, русские, — мы все братья. Мы не поддадимся провокации имущих классов и националистов и не подыдем своей руки друг против друга.

Газета «Бакинский рабочий», 21 января 1918 года.

ВОЗЗВАНИЕ ДАГЕСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА О ПРОВОЗГЛАШЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ.

19 апреля 1918 года

Граждане Дагестанской области!

Царь и его приспешники, богачи-буржуи, жили за счет бедного люда: крестьян-земледельцев и рабочих, притесняли его и старались держать в темноте и невежестве.

27 февраля 1917 года, крестьяне, солдаты и рабочие возмутились несправедливостями самодержавного деспота и свергли его, но власти в свои руки захватить не успели — ее захватили богачи, — капиталисты, князья, дворяне, беки, фабриканты, торговцы и т. п. буржуи. Цель захвата власти богачами ясна — они хотят снова взять в свои руки бедных крестьян и рабочих и заставить их работать на себя.

Беки, князья, богачи, торговцы Дагестана, желая продолжать эксплуатацию трудового народа, выдвинули видного богача — землевладельца Нажмутдина Гоцинского в качестве духовного и светского главы (имама) и затеяли войну с выразителями воли трудового народа — большевиками — Петровским Военно-революционным комитетом, желая отвлечь внимание трудового народа от его прямых задач — классовой борьбы за улучшение своего существования; они преднамеренно лживо обвиняют большевиков в посягательстве на права самоопределяющегося Дагестана и придав этой борьбе национальный характер, они обманули земледельцев и рабочих и повели их на смерть в Петровск и Баку.

Но крестьяне и рабочие скоро поняли авантюру, зачинщиков и руководителей братоубийственной войны, протянули братскую руку истинным защитникам интересов земледельцев и рабочих, большевикам для общей борьбы против врагов всего трудового народа — беков, князей и богачей.

19 апреля 1918 года, в этот день величайший исторической важности, дагестанский трудовой народ берет власть в свои руки и образует Военно-Революционный Комитет, являющийся местным исполнительным органом власти Совета Народных Комиссаров и выразителем воли трудового дагестанского народа.

Ближайшей задачей военно-революционного комитета является: полное освобождение трудового народа от всякого гнета беков, князей и богачей, установление прочного мира между всеми национальностями на основах свободы, равенства и братства. Немедленная передача казенных, бекских,

чанкских, крупных и частновладельческих земель, пастбищных гор и лесов в руки трудового народа Дагестана.

Военно-революционный комитет не посягает, ни на основы ислама, шариата, ни на права и обычаи Дагестана, ни на честь и достоинства его и немедленно приступает к организации духовного правления шариатского суда во всем Дагестане.

Военно-революционный комитет не намеревается обезоружить мирное население Дагестана, он только имеет целью расформировать и обезоружить национальные конные полки и нажмутдиновскую милицию -- этот оплот беков, князей и богачей, их оружие будет передано красной гвардии, формируемой из местных людей, верных задачам своего народа.

Военно-революционный комитет, стоящий на страже интересов крестьян и рабочих, призывает всех трудящихся организоваться в местные советы и установить контакт с областным военно-революционным комитетом, чтобы с оружием в руках стать в нужный момент для подавления всякого контрреволюционного выступления.

**ЗНАЙТЕ ТОВАРИЩИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И РАБОЧИЕ,
ЧТО ЕДИНЕНИЕ НАШЕ СПАСЕНИЕ.**

Военно-революционным комитетом приняты все меры для охраны личной и имущественной безопасности граждан, воровство и грабежи будут строго преследоваться и караться вплоть до растрела на месте преступления.

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЛАСТЬ ТРУДЯЩЕГОСЯ НАРОДА—
ВЛАСТЬ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ!**

**Дагестанский Областной
Военно-революционный Комитет.**

Копия, машинописная. ЦГА ДАССР, ф. 43, д. 10, л. 3-4.

№ 6

**СООБЩЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ЭКСПЕДИЦИОННЫМ
ОТРЯДОМ МОРСКИХ И СУХОПУТНЫХ СИЛ БАКИНСКОГО
СОВЕТА ЕФРЕМОВА КОМИТЕТУ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ОБОРОНЫ г. БАКУ И ЕГО РАЙОНОВ
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ гор. ПОРТ-ПЕТРОВСКА.**

25 апреля 1918 года.

3/16 апреля с/г. согласно предписания Комитета Революционной обороны гор. Баку за № 326, вступил в командование экспедиционным отрядом Бакинского Совета. 4/17 апреля произвел посадку на транспорты 36 Туркестанский полк

и красную гвардию, гидропланы и в 22 часа того же числа вышел с отрядом к Петровску в составе: канонерской лодки «Ардаган» и транспортов «Казбек», «Анна Лукасова», «Восток», «Паризьен» и «Дагестанец». 6/19 числа в 9 часов утра поднял отряд судов к мысу «Турали» и сделав разведку двинул отряд судов выше к северу. В 9 с половиной часов утра, увидели пароход вблизи берега выше мыса «Турали» в 4-х верстах, который по моему распоряжению был захвачен и впоследствии служил для перевозки десанта на берег, как имеющий небольшую осадку и свободно подходивший к берегу. В 9 часов 45 минут был поднят сигнал всем транспортам подойти ближе к берегу и стать на якорь на 12-ти футовую глубину и начать высадку 36-го Туркестанского полка. В 14 часов вернул с разведки (берега, что севернее Петровска) транспорт «Дагестанец». Получив благоприятные сведения от командира транспорта «Дагестанец» и узнав от него, что вчера из Петровска штабом дагестанцев * выслан в разведку портовый катер «Ундина» по направлению к острову «Чечень» на предмет выяснения: высажен ли Астраханский отряд Советских войск на полуострове вблизи «Чечня». В 14 часов 30 минут, отдав приказание транспорту «Дагестанец» и транспорту «Паризьен» немедленно следовать к устью старого Сулака, высадить десант красногвардейцев севернее Петровска в 10 верстах и захватить портовый катер «Ундину», при возвращении с разведки. Одновременная высадка 36-го Туркестанского полка южнее Петровска к красной гвардии севернее — давали возможность стиснуть Петровск с двух сторон, занимаемой одной сотней 2 Дагестанского полка, одной сотней первого Дагестанского полка, горской милицией в 250 человек имама Нажмутдина Гоцинского и железнодорожной милицией из горцев в 65 человек и пеших Дагестанских отрядов, мало организованных, от 200 до 250 человек. При этих частях имелись: 2 горных орудия, установленное между маяком и собором и одно полевое, установленное на железнодорожной платформе, на случай боя за городом. Запас снарядов на 3 орудия было у противника 520 штук и кроме того на позициях, идущих с востока на запад, от моря к горам на протяжении 6 верст — южнее Петровска в двух верстах, имеются два пулемета с небольшим боевым запасом. Северная же сторона Петровска от станции Петровск-Кавказский совершенно спалена и штаб Дагестанцев, ни в коем случае, наступления с севера на Петровск не ожидает. Таковые ценные сведения были мною получены от офицера дагестанского полка ротмистра Вольского, который был арестован на возвращающемся с разведки портовом катере «Ундина».

* Имеется ввиду банды Гоцинского (Г. А., Э. А.)

В 12 часов ночи высадку экспедиционного отряда закончили: как 36-го Туркестанского полка и батареи из 2-х орудий южнее Петровска, так и красной гвардии севернее и в 1 час ночи двинул их на Петровск, дабы с рассветом сдвинуть противника с севера и юга. С 12 часов дня провода телеграфов и телефонов, идущие на Дербент и береговые промысла, были в наших руках и разведочные отряды, заняли станцию Уйташ и разобрали в двух местах железнодорожный путь и небольшой деревянный мост, чтобы пресечь движение поездов противника из Дербента. Одну роту (8-ю) 36-го полка оставил на станции Уйташ заслоном для предохранения тыла 36-го полка, наступающего на город Петровск.

По занятии станции Тарки (4 версты южнее Петровска) в 5 часов утра, 7-го числа, двумя ротами 36-го полка, восстановлена была связь полевыми телефонами со всем полком и штабом полка базировавшегося на ст. Тарки. В 7 часов утра были подтянуты к станции Тарки все роты, кроме 8-й, стоящей в Уйташе заслоном, и начато было походное положение на Темир-Хан-Шуринском шоссе.

Этим временем красная гвардия под командою тов. Попова, высаженная севернее Петровска, двинулась к ст. Петровск-Кавказский (Севернее Петровска 4 с половиной версты).

7 числа в 7 часов 45 минут утра снялся с лод. «Ардаган» по виде Петровска, имея с собой свободные транспорты «Казбек», «Анну» и «Хоросан», чтобы произвести демонстрацию и отвлечь внимание противника в Петровске на море.

В 9 часов утра подошел на 32 кабельтова (кабельт. — 100 сажень), оставив транспорт на 50 кабельт. когда, расстояние уменьшилось до 30 кабельт., услышали орудийный выстрел и снаряд упал от кан. лодки «Ардаган» в 200 сажнях, положили руль право на борт и стали отходить дальше.

Вместе с тем приказал следить за берегом откуда покажется дымок от выстрела, дабы возможно было определить батареи противника и проверить те сведения, которые дал при допросе ротмистр Вольский.

Не более как через 2—3 минуты последовал второй выстрел, дымок увидели на возвышенности между маяком и соборами и снаряд упал в воду по корме «Ардаган» в расстоянии 250 сажень. Приняв во внимание правдивые сведения ротмистра Вольского и определив дальноточность батареи противника по падающим снарядам в воду, отошел от берега на 40 кабельт., вне линии огня противника, легли на ком. кур и правым бортом, открыли огонь по батарее противника и казармам, где помещалась горская милиция..

В 2 часа дня огонь с «Ардагана» прекратил и послал ультиматум по радио о сдаче города к 3 часам дня и выезде делегации на катере в море, иначе будет обстрелян весь город.

Делегация прибыла на канон лодку «Ардаган» к 5-ти часам вечера, ввиду несвоевременной доставки телеграммы с береговой станции, а в 4 часа дня город был занят войсками экспедиционного отряда. Первым вошли в город и сбили дагестанцев * к горам с высот у маяка, КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ.

Таким неожиданным натиском с севера, с юга и моря дагестанцы очистили позиции у Тарки (две версты южнее города) и бросились бежать к Темир-Хан-Шуринскому шоссе.

36 полк опоздал с обходным движением и этим дал возможность дагестанцам использовать шоссе при беспорядочном бегстве, но неутомимые красногвардейцы настигли батарею противника из двух орудий на шоссе и отбили.

Таким образом было взято 3 орудия — два горных и одно полевое и большое количество снарядов (около двух тысяч).

Потери наши незначительные. Противник потерял свыше 100 человек. Действия Туркестанского полка были все время нерешительные и запаздывали, чем и объясняется неполный захват частей противника в походе.

Ночью с 7 на 8-е была редкая стрельба из некоторых домов, засевшими в них дагестанцами и не успевшими уйти в горы. Часть их 8-го числа перебита, а часть взята в плен. Эту ночь канон. лодка «Ардаган» стояла с транспортом на рейде.

8-го числа утром вошли в бухту и весь день оставались в боевой готовности.

... 9-го же числа был сконструирован Комитет Революционной Обороны, который к вечеру начал функционировать.

... В полдень 8-го числа, согласно моего приказания, находящийся при мне для особых поручений моряком Егорычевым, приступлено было к погрузке парохода «Меридиан» продуктами из складов, и вагонов, уцелевшими от массового вывоза дагестанцами в ближайшие туземные аулы. Работали почти всю ночь, посменно, две артели персов-амбалов и к вечеру 9-го числа пароход был нагружен.

Имея разрешение от Комитета Революционной Обороны гор. Баку, временно выехать в Баку вследствие болезни, я с пароходом «Меридиан» 9/22 числа в 9 часов вечера отбыл в Баку, куда и прибыли 11/24 числа в 6 часов утра.

Все, что возможно было наспех погрузили, ибо имел приказание из Баку, как можно быстрее двинуть имеющееся продовольствие из Петровска и этим спасти тяжелое положение гор. Баку.

Причем должен поставить в известность, что продукты большей частью мука, были вывезены по приказанию штаба дагестанцев в аулы.

* Имеются ввиду сторонники Гоцинского (Г. А., Э. А.).

9-го же числа подвозились туземцами из аулов обратно на склады, а потому, Комитет Революц. Обороны города Баку имеет возможность скорее получить продукты (муку) со следующими транспортами: «Казбек» и «Анна-Гукасова».

Взятием города Петровска штаб дагестанцев был ошеломлен и потерял голову и этим объясняется быстрое восстановление железнодорожного сообщения Петровск—Баку и взятие Дербента без кровопролития.

11 числа уже прибыл в Баку с Северного Кавказа бронированный поезд и как передавали мне в Петровске, на Северном Кавказе имеется нагруженных хлебом для Баку более 500 вагонов, а потому считаю долгом Вам напомнить, что ключ Дагестана Петровск необходимо закрепить прочно, ибо с падением Петровска в два дня было восстановлено движение и это надолго отобьет охоту у главарей контр-революционеров вести гнусную политику, обрекая население на голодную смерть.

Дабы вконец уничтожить их гнезда, необходимо теперь организовать отряды и двинуть на Темир-Хан-Шуру. Орудия привезенные повстанцами в Шуру из крепости Гуниб значительны, но стрелять они не будут, ибо нет у них подготовленных специалистов, а без них они не страшны.

Стрельба из оружия противника в Петровске была ниже всякой критики. Снаряды их ложились в городе, на Инженерной и других улицах, т. е. расстреливали самих же себя. Вот Вам яркая иллюстрация того, что мало их иметь, но нужно уметь и управлять ими.

Молодцы моряки Ардагановцы, сделали свое дело блестяще и третьим орудийным выстрелом носового орудия батареи противника была обезврежена, за что объявляю им товарищеское спасибо особо.

При сем прилагаю приказы за № 1, 2 и 3 и предписание о передаче отряда во временное командование командиру кан. лодки. «Ардаган» тов. Сенявину, вследствие моей болезни.

Командующий экспедиционным отрядом морских и сухопутных сил Бакинского совета — **ЕФРЕМОВ**.

Газета «Бакинский рабочий» от 27 апреля 1918 г., № 76/192.

№ 7

**«ИЗВЕСТИЯ ТЕМИР-ХАН-ШУРИНСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ,
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ»
О ПОЛОЖЕНИИ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ДАГЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ ИЮНЯ 1918 ГОДА.**

7 июня 1918 года.

Окончательный разгром имамских банд.

Три фронта в данный момент очищены от сил противника. Только на высотах Караная держатся банды, которые при-

крывают контрреволюционные Гимры от нашего разгрома. Двухдневный бой на Аркаском фронте дал блестящие результаты. Отбито три орудия, весь обоз, 80 пленных солдат и два офицера. Многочисленные банды были фактически разгромлены и рассеяны. В пятницу первый Дагестанский советский конный полк ночевал в Дженгутае и в субботу в 3 часа пополудни с трофеями вошел в город.

Газета «Известия Темир-Хан-Шурина Советов рабочих, земледельческих и красноармейских депутатов» 7 июня 1918 г.

№ 8

ТЕЛЕГРАММА СЪЕЗДА КОММУНИСТОВ И ГУММЕТИСТОВ ДЕРБЕНТСКОГО РАЙОНА БАКИНСКОМУ КОМИТЕТУ БОЛЬШЕВИКОВ

19 июня 1918 года.

Съезд коммунистов и гумметистов * Дербентского района приветствует бакинский пролетариат, революционный авангард на Кавказе, и бакинскую организацию нашей партии и выражает твердую уверенность, что с их помощью удастся в скором времени вызвать в Дагестане революционный пожар, в котором сгорят все пережитки старого мира, исчезнет национальная рознь и создастся новый, пролетарский строй.

Газета «Бакинский рабочий», 19 июня 1918 г.

№ 9

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА РАБОЧИХ, ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ ГОРОДА ТЕМИР-ХАН-ШУРА ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ КРЕСТЬЯНАМ ХАСАВЮРТОВСКОГО ОКРУГА.

19 июля 1918 г.

Слушали: Заявление делегатов Хасав-Юртовского округа от сел. Эндрей, Нуцал-Аула, Байрам-Аула, Ботаюрта, Темир-Аула пострадавшим от имамовской банды, не дающей им убрать поля и об оказании им помощи по уборке полей, как живой силой, так и вооружением.

---

* Гуммет — организация РСДРП мусульманских рабочих, которая была создана в 1904 году и являлась филиалом Бакинского комитета РСДРП. Эта организация издавала газету «Гуммет» на азербайджанском языке.

Постановили: Предложить как Темир-Хан-Шуринскому, так и Петровскому военным отделам оказать помощь т. т. хасав-юртовцам по уборке полей военной силой, а продовольственным отделам, как шуринскому, так и петровскому оказать помощь посильными средствами (жатвенными машинами) по уборке полей. Кроме того, предложить социалистическим партиям совместно с т. т. красноармейцами образовать мобилизационную компанию по трудовой повинности и всю буржуазию города Темир-Хан-Шуры его окрестностей послать на полевые работы к тов. хасав-юртовцам.

Копия, машинописная. ЦГА ДАССР, ф. 58, оп. 2, д. 7, л. 3.

№ 10

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ДАГЕСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСПОЛКОМА СОВЕТА РАБОЧИХ, ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ ГОР. ТЕМИР-ХАН-ШУРЫ.

4 августа 1918 года.

Слушали: Внеочередное заявление товарища Дахадаева о возмещении убытков жителям, потерпевшим от имамовских банд за счет имущества бежавших контрреволюционеров.

Постановили: 1. Предложить Военному отделу представить список всех активных, бежавших контрреволюционеров.

2. Всем потерпевшим предложить подать заявления о причиненных им убытках. 3. Всем советам объявить, что все недвижимое имущество контрреволюционеров национализируется в пользу общего достояния Дагестана, а движимое имущество распродать.

Исполнительному комитету возместить убытки потерпевших за счет денег от продажи и доходов обложенного имущества контрреволюционеров.

Копия, машинописная. ЦГА ДАССР, ф. 58, оп. 2, д. 12, л. 1.

№ 11

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЗАСЕДАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА РАБОЧИХ, ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ ГОР. ТЕМИР-ХАН-ШУРА О РЕШЕНИИ КАДАРСКОГО СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА О НЕДОПУЩЕНИИ НА ЖИТЕЛЬСТВО В СВОЕ СЕЛЕНИЕ ЧАНКОВ.

15 августа 1918 г.

Слушали: Постановление Кадарского Сельского общества о недопущении на жительство в своем селении ни одного чело-

века из рода чанков, так как часть их бежали з горы и совместно с контрреволюционерами воюют против нас.

Постановили: Предложить обществу выселить всех мужчин чанков. Что же касается имущества выселенных чанков, то такое определить обществу и оставить семьям выселенных лишь по трудовой норме, а остальное имущество конфисковать в пользу общего достояния общества.

Копия, машинописная. ЦГА ДАССР, ф. 58, оп. 2, д. 9, л. 21.

№ 12

СТАТЬЯ У. БУЙНАКСКОГО ОПУБЛИКОВАННАЯ В ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ» О ПОЛОЖЕНИИ В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ ВРЕМЕННОГО ПАДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СЕНТЯБРЕ 1918 ГОДА.

31 октября 1918 г.

Прибывший из Астрахани член Дагестанского Обл. Ис- полкома т. М. подтверждает падение Шуры*. И так, сейчас в свободолюбивом Дагестане, благодаря оторванности его от центра, господствуют два полковника: Диктатор Дагестана (как он именуется) князь Нух-Бек Тарковский и главнокомандующий сухопутными и морскими силами, изменник и контрреволюционер, наймит Бичерахов. Советский Дагестан поистине понес большие потери, достоверно известно о расстреле казаками на Терском берегу одного из лучших и первых петровских организаторов рабочих, бондаря товарища Никиты Ермошкина, о самоубийстве молодого, энергичного и самоотверженного товарища Ивана Котрова, ничего достоверного, но масса толков о судьбе т. т. Захарочкина и Тутышкина, т. т. Эрлиха и Канделаки — последние два товарища считаются растерзанными бакинскими дашнаками прибывшими в Дербент с Бичераховым...

Т. т. Дахадаев и Коркмасов старые, известные всему дагестанскому населению деятели. Если подтвердиться известие о гибели т. Дахадаева и арест т. Коркмасова, можно будет определенно сказать, что в одном отдаленном, чрезвычайно обездоленном уголке трудовые элементы города лишились руководителей, лишились подлинных вождей. Социализм, а в последнее время большевизм в крестьянских массах Дагестана неразрывно сливались с именами этих борцов, хотя ни тот, ни другой не были большевиками, но правильно понимали ход мировой революции и сделались решительными сторонниками Советской власти. Когда красноармейские части, агитаторы или вообще, кто либо имеющие отношение к советам являлся

* Темир-Хан-Шура (ныне г. Буйнакск, Дагестанской АССР).

в какой либо аул Дагестана, говорили: «пришли Махачи» (Махач — имя т. Дахадаева). И действительно, и Махач Дахадаев и Джелалэтдин Коркмасов еще с революции 1905 г. в глазах дагестанцев были олицетворением свободы и уничтожения всех проклятых устоев, вдвойне давивших дагестанцев. Иначе и не могло быть. Ведь оба эти товарища еще студентами в пятом году подняли крестьянское движение против местных помещиков; правда они были одиноки, и масса тогда еще не совсем пошла за ними, но она уже чувствовала в них своих настоящих друзей и истинных выразителей ее интересов. Я еще не верю, не хочется верить этому тягостному сообщению, но предполагаю, что это возможно, ибо горсть советских работников Дагестана, окруженная со всех сторон врагами — с гор имамовцами и турецкими агентами, со стороны Петровска англичанами и Бичераховцами, и только одна отдушина в чечню и кумыкскую плоскость, откуда возможен приход товарищей с севера и затем совместный натиск и уничтожение врагов, не могла долго держаться, еще повидимому, и потому, что некоторые оказались соглашателями. Своевременная помощь Советским отрядам, теперь скрывшимся в горах, в ожидании движения со стороны Кизляра и Грозного, есть залог утверждения Советов от Самура до Кубани, а затем и освобождения Баку; своевременная помощь Дагестанскому крестьянину, есть цементирование отсталого и заброшенного Дагестана с Советской Россией; все эти Юго-восточные союзы, против которых так неустанно боролись и т. Дахадаев и т. Коркмасов, дагестанцам разъяснены и ими смысл их хорошо усвоен, но без просвета, без ощутимых связей с центром, они могут быть раздавлены и в них на долго может быть убита революционная энергия. Будет совершена большая ошибка если промедлится движение на Терек и дальше на Петровск—Шуру солидно-увесистого, революционного «кулака». Я уверен, что выражу чаяние и интерес дагестанской бедноты, если скажу, «Побольше внимания Дагестану. Советская Россия не может и не должна нас забывать: мы ждем скорой и решительной поддержки».

Уллубий Буйнакский.

Газета «Известия ВЦИК» 31 декабря 1918 г.

№ 13

СООБЩЕНИЕ ГАЗЕТЫ «ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ»
ОБ АНГЛИЙСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ДАГЕСТАНЕ.

16 февраля 1919 г.

Недавно на съезде представителей дагестанских народов англичане предложили дать кадры своих войск для борьбы с «русскими» (читай с большевиками), обещая за это «полную

самостоятельность», снаряжение, вооруженную помощь и тому подобные блага. На съезде по этому вопросу возникли бурные разногласия, и в конце концов большинством голосов присутствующих предложение англичан съездом было отклонено. Англичане ушли ни с чем, но их сторонники — князья тарковские, гоцинские, и т. д. — не успокоились и решили с оружием в руках, путем посылки карательных отрядов в «крамольные аулы», проучить своих врагов. Но они встречали неожиданное сопротивление со стороны «крамольников». Разгорелась борьба, охватившая теперь всю территорию Дагестана.

Последнее решение дагестанских народов, т. е. объявление ими борьбы против своих «вождей», есть двойная помощь для терских горцев в их борьбе против контрреволюционного казачества; с одной стороны, слабеют силы противника, а с другой стороны, в лице дагестанцев терцы приобретают нового союзника. Надо, однако, быть уверенным, что и англичане, и их сторонники из числа дагестанцев и терцев примут все меры, чтобы помешать объединению трудовых горцев этих двух соседних областей. Поэтому очередной нашей задачей является именно оказание организационной помощи в деле достижения объединения между горцами Терской и Дагестанской областей для совместной борьбы против общего врага. И чем скорее, тем лучше, ибо объединение горцев Кавказа и Дагестана для совместной борьбы против врагов революции на Кавказе означает полное поражение последних и окончательное освобождение от них не только Кавказа с его богатейшими запасами хлеба, мяса, жиров и прочих съестных припасов, но и Петровска и Баку, имеющих огромное значение для Центральной России, с их колоссальными запасами нефти, керосина, бензина и прочих материалов, в которых сильно нуждаются центральные губернии.

Газета «Жизнь национальностей» 16 февраля 1919 года.

№ 14

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА УЛУБУИЯ БУЙНАКСКОГО НА СУДЕ НАД ЧЛЕНАМИ ДАГЕСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА РКП(б).

10 июля 1919 года.

... Я вырос в ущельях гор и хорошо изучил всю тяжесть положения горского крестьянина. Я с раннего детства посвятил свою жизнь всем обиженным массам и, в частности, дагестанскому народу. Для них я и учился, чтобы быть сильнее в борьбе с вами. Вы расстреляете меня и еще тысячи подобных мне, но ту идею, которая живет уже в нашем народе, ее

вы не сумеете расстрелять. Я смело иду навстречу палачам и твердо уверен, что возмездие близко и лучи освобождения проникнут в веками порабощенные ущелья гор Дагестана. Я не прошу снисхождения ко мне, освобожденный народ сам отомстит за всех погибших в этой пока неравной борьбе. Я твердо убежден в победе Советской власти и коммунистической партии и готов умереть за их торжество.

ЦГА ДАССР, ф. 175—р/64, оп. 3, д. 21, л. 20.

№ 15

ПРОТЕСТ БАКИНСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ ПО ПОВОДУ АРЕСТА И СУДА НАД ЧЛЕНАМИ ДАГЕСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА РКП(б).

8 июля 1919 г.

Арестованные еще 13-го мая т. н. горским правительством народные борцы за свободу Дагестана и победу трудящихся классов были проданы изменниками горских народов ген. Деникину вместе со всем Дагестаном. Сегодня они в цепких тисках деникинских палачей. Суд и следствие, назначенное для виду над горскими коммунистами, являются сплошной издевательской комедией. Участь их предрешена в кабинетах черных генералов. Как видно из обвинительного акта русские выделены из общего списка обвиняемых. Они переданы в непосредственное распоряжение добровольческих опричников. Какая участь ждет их — не приходится гадать. Но и дагестанцы — коммунисты, судимые «главным высшим военным шариатским судом» (т. е. дагестанскими предателями-лакеями Деникина), не избегнут той же участи революционеров, попавших в лапы реакции. Никого не может обмануть гнусная комедия холопско-«шариатского» суда. В подавляющем большинстве арестованные товарищи держатся с героическим достоинством истинных революционных борцов. Сердце всего дагестанского народа бьется в один такт с сердцами тех, кто не сегодня—завтра должен пасть жертвой за его освобождение. Но если реакция сегодня успеет до напора революционной волны справиться с ними, то завтра беспощадна будет месть за мучеников революции.

Газета «Молот», 8 июля 1919 г.

№ 16

СООБЩЕНИЕ БАКИНСКОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ГАЗЕТЫ «МОЛОТ» О ЗВЕРСТВАХ АНГЛИЙСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ В ДАГЕСТАНЕ.

3 августа 1919 г.

Английские аэропланы, при преступно-позорном молчании закавказских правительств, в помощь деникинским палачам истребили ряд селений и аулов в восставшем Дагестане.

Газета «Молот». 3 августа 1919 г.

№ 17

ПРИКАЗ ПРАВИТЕЛЯ ДАГЕСТАНА ПО ПОВОДУ АРЕСТА ШТАБА КУМЫКСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА И УБИЙСТВА ЕГО РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВО ГЛАВЕ С ЗАЙНАЛ-АБИДОМ БАТЫРМУРЗАЕВЫМ.

23 ноября 1919 г.

Начальник Чир-Юртовского участка, рапортом от 13 ноября с. г., за № 728, донес начальнику Т-Х-Шуринского округа, что сего октября, получив сведения от старшины селения Костек, Хасав-Юртовского округа, о появлении в этом селении партии большевиков, он начальник участка, совместно с письмоводителем своим Гаджиевым, стражниками и сельскими всадниками в числе 50 человек, немедленно отправился в сел. Костек, где по указанию старшины этого селения и при содействии сельских всадников, задержал 86 большевиков, из коих 9 русских, 5 кумторкалинцев, 1 шамхал-янги-юртовец и остальные из разных аулов.

Задержанные в тот же день были доставлены в Хасав-Юрт и сданы начальнику отряда.

Кроме того, в сел. Бата-Юрт был убит с четырьмя соучастниками главарь большевиков, он же, начальник их отряда, студент Зайнал-Абид Батырмурзаев.

За такую похвальную распорядительность и энергию, проявленную начальником участка Мамаевым в деле уничтожения и задержания большевиков, объявляю ему от лица службы благодарность.

Также благодарю письмовидителя и всех участников этого дела.

Особо отличившихся всадников представить к наградам.

Газета «Вестник Дагестана», 23 ноября 1919 года.

№ 18

СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «НОВЫЙ МИР» О ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ТРУДЯЩИХСЯ ДАГЕСТАНА В ТЫЛУ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ ДЕНИКИНА И ПОМОЩИ БАКИНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА ТРУДЯЩИМСЯ ДАГЕСТАНА.

21 января 1920 года.

Вот уже 7-й месяц, как горные орлы Красного Дагестана сражаются с черной реакцией Деникина, пытающегося вновь накинуть петлю на шею свободных горцев.

В невероятных условиях, при отсутствии продовольствия, одежды оружия и других необходимых припасов, Красный

Дагестан гордо отстаивает свою свободу от генеральской нагайки... Наша обязанность — притти на помощь дагестанским героям в их тяжелой борьбе всем, чем только можем.

27 января в городе устраивается специальный «День Красного Дагестана», в который будет сбор пожертвований вещами, деньгами и другими предметами в пользу борцов, сражающихся в Дагестане.

№ 19

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ОБОРОНЫ ДАГЕСТАНА С. С. КАЗБЕКОВА НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ОБОРОНЫ О НЕДОПУСТИМОСТИ СОГЛАШЕНИЙ С ВРАГАМИ ТРУДЯЩИХСЯ — ДЕНИКИНЫМ И АНГЛИЧАНАМИ.*

Ни о каком соглашении с врагами большевиков не может быть разговоров, ибо свобода дагестанской бедноты будет тогда отнята.

Входя в соглашения с добровольческими войсками, с нашими врагами — Деникиным и англичанами, мы этим самым явимся изменниками народа, который борется за свободу.

Рукоп. фонд ин-та ИЯЛ, дело 162, стр. 53.

№ 20

ПРИВЕТСТВИЕ ПЕРВОГО СЪЕЗДА РЕВКОМОВ ДАГЕСТАНА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

16 июня 1920 года.

Первый свободный съезд городских, окружных и участковых ревкомов Советского Дагестана приветствует в Вашем лице энергичного деятеля по восстановлению на Северном Кавказе Советской власти, внимательного защитника интересов обездоленной горской бедноты. Съезд пользуется случаем, чтобы указать на тяжелое экономическое состояние Дагестана и выражает уверенность, что Вы как всегда поможете бедноте Дагестана выйти из экономического кризиса. Вы же съездом избраны почетным председателем, что и просим принять.

Газета «Советский Дагестан», 16 июня 1920 г.

* В январе 1920 года некоторые члены Совета Обороны Дагестана вели тайные переговоры с деникинским командованием. Этот вопрос обсуждался на заседании Совета Обороны.

№ 21

ОТВЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ НА ПРИВЕТСТВИЕ ПЕРВОГО СЪЕЗДА РЕВКОМОВ ДАГЕСТАНА.

1920 г.

Прошу передать съезду Ревкомов красного Дагестана мое братское спасибо и мои пожелания. Передайте представителям трудящихся Дагестана, что Советская власть, сокрушая силой своей непобедимой Красной Армии врагов рабочих и крестьян и стремясь на Восток на помощь борющимся массам против угнетателей — англичан, гордится славными горцами Северного Кавказа и особенно дагестанцами с беззаветной храбростью сражавшихся против Деникина. Будьте уверены, что все возможное для облегчения политических нужд Дагестана будет сделано нами.

Орджоникидзе.

№ 22

ИЗ РЕЧИ Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ НА СЪЕЗДЕ БЕДНОТЫ В ЛЕВАШАХ.

9 октября 1920 года

...Церетели, бывший революционер, три года назад сказал. «Советская власть, если восторжествуют большевики, продержатся только две недели». И что же? Прошли годы. Советская Россия, во главе с коммунистической партией, является не только носителем революции в России, она несет высоко знамя социализма в мировом масштабе. Идея коммунизма сплотила вокруг себя всех трудящихся. И тут, в горах небольшие, считавшиеся дикими, племена Дагестана, осознав правду на знаменах большевиков, целый год отстаивали от казаков эту правду.

В этот момент, в этом ущельи под синевой дагестанского неба, я невольно вспоминаю слова Церетели.

Но вот вас, вольных горцев, вновь зовут на новые жертвы. Всплывшие на поверхность Нажмутдин Гоцинский, Кайтмас Алиханов и другие на казачьи деньги организуют предательское дело. Но вы вспомните прошлую борьбу, отзвуки которой вы ощутили на себе. В прошлом году вас наседали Эрдели, Колчак приближался к Волге, Юденич к Петрограду, Деникин к Москве. Казалось, все кончено, в России опять начинается господство кнута и насилия. Но совершается чудо. Колчак катится по огромной Сибири и расстреливается у стен Иркут-

ска, Деникин уплывает на английском пароходе, Юденич отбрасывается от красной столицы.

Уцелевшие от разгрома мелкие сошки, вроде Алихановых, Гоцинских, ищут спасения в меньшевистской Грузии и теперь всплывают вновь. Подкрепленные баронскими деньгами, они врываются в Дагестан, поднимают некоторые аулы.

Но нам не страшны эти искатели наживы и приключений. Мы побеждали и побеждаем великой правдой. И нет такой силы в мире, которая могла бы восторжествовать над нашей правдой.

Газета «Советский Дагестан», 9 октября 1920 г.

№ 23

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «КОММУНИСТ», ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ В ДАГЕСТАНЕ ПРОТИВ ВРАНГЕЛЯ В ОТВЕТ НА ПРИЗЫВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

21 октября 1920 г.

Вся горская беднота с большим порывом и энтузиазмом откликнулась на призыв Советской власти выступить против Врангеля. С первых же дней начался призыв добровольцев. В большинстве селений комячейки постановили поголовно явиться со своими знаменами в распоряжение Комитета Коммунистической Партии с тем, чтобы все были немедленно отправлены против царского генерала Врангеля. Многие являются с конями и вооружением. Подъем общий, картина напоминает дни восстания против Деникина.

Газета «Коммунист», 21 октября 1920 г.

№ 24

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОКЛАДА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ НА КАВКАЗСКОМ КРАЕВОМ СОВЕЩАНИИ РКП(б) О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

3 ноября 1920 г.

... Горцы идут за нами против Гоцинского, который идет с лозунгом «Долой всякую Русь». Дагестан дал 800 добровольцев. Значит, что наша линия была правильна. Мы имеем национальные исполкомы с чистым национальным составом. Это почти автономия.

После прений была принята резолюция тов. Кирова, которая будет оглашена дополнительно.

Газета «Коммунист», № 175, от 3 ноября 1920 г.

№ 25

БЛАГОДАРНОСТЬ ПОЛИТОТДЕЛА N-СКОЙ ДИВИЗИИ ЖИТЕЛЯМ сел. ХУНЗАХ И ХАРИКОЛО ЗА ГЕРОИЗМ, ПРОЯВЛЕННЫЙ В СОВМЕСТНЫХ БОЯХ С ЧАСТЯМИ КРАСНОЙ АРМИИ ПРОТИВ БАНД ГОЦИНСКОГО.

28 февраля 1921 г.

Темир-Хан-Шура, 28-2. Политотдел N дивизии. От имени всех своих частей выражаем глубокую благодарность жителям сел. Хунзах и Хариколо за их революционную стойкость и преданность Советской власти.

52 дня революционные селения бок о бок со своими братьями красноармейцами отбивали яростные атаки наседавших банд.

Но бригада с помощью красных партизан с честью выдержала осаду и с приближением подмоги рассеяла окружавшие банды.

Героический подвиг с. Хариколо и Хунзаха знает каждый боец дивизии и шлет братский привет и товарищескую благодарность скромным труженикам харикольцам и хунзахцам.

Газета «Коммунист» от 6 марта 1921 г. гор. Владикавказ.

№ 26

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА А. И. МИКОЯНА ДАГЕСТАНЦАМ ПО СЛУЧАЮ ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЫ УСТАНОВАЛЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

1 апреля 1925 года.

... Народы Дагестана проявили величайшую стойкость и самоотверженность в борьбе за освобождение от царского гнета. Они проявили чудеса героизма в годы гражданской войны, при Октябрьской революции против буржуазно-помещичьей контр-революции.

Те тяжелые дни, когда белые подчищали Деникина занимали один за другим подступы к пролетарской столице — Красной Москве, Дагестанские народы, эти славные горные орлы, оказали величайшую помощь зажатым в контрреволюционные тиски русским рабочим и крестьянам: они подняли знамя всенародного восстания в тылу Деникина, они открыли ему новый фронт, отвлекли его силой и помешали продвижению его банд вперед на Советскую Республику.

В день пятилетия Соввласти в Дагестане мы должны вспомнить славные годы революционной борьбы в горах Дагестана. Тем более я не могу забыть этого, ибо мне пришлось

волей партии близко наблюдать и помогать Дагестанским народам в борьбе за общее дело в тяжелые дни 1919 года. Поэтому особой радостью для меня является непоколебимая твердость Соввласти в горах Дагестана, имеющиеся крупные, ранее небывалые достижения на культурном фронте и в деле хозяйственного строительства Дагестанской Советской Республики.

От всей души горячо поздравляю трудящихся дагестанцев с праздником первого пятилетия победы Советской власти и горячо желаю, чтобы Дагестанские народы встретили второе пятилетие советизации Дагестана с еще более крупными хозяйственными и культурными достижениями.

Прошу от имени Северо-Кавказского Краевого Комитета партии передать трудящимся Дагестана братские поздравления.

Да здравствует Дагестанская Советская Социалистическая Республика.

Да здравствует культурное и хозяйственное процветание народов Дагестана.

Да здравствует Российская Федеративная Республика.

Да здравствует Советский Союз.

А. Микоян

Газета «Красный Дагестан», 1 апреля 1925 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ИСТОРИЯ

В. Г. Гаджиев. Присоединение Дагестана к России.	7
Х.-М. О. Хашаев. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в.	42
Г.-А. Д. Даниялов. Дагестан в период революции 1905—1907 гг.	79
Г. Г. Османов. Социально-экономические отношения в дагестанском ауле в 1921—1927 гг.	98
Г. А.-Д. Даниялов. К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля.	120

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Ш. И. Микаилов. О жизни и творчестве Гамзата Цадасы.	173
У. А. Мейланова. П. К. Услар — выдающийся ученый-кавказовед.	182
Ш. И. Микаилов. Цели и задачи исследования южно-аварских диалектов.	197

ХРОНИКА И СООБЩЕНИЯ.

В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г.	210
---	-----

ДОКУМЕНТЫ.

Дагестан в годы гражданской войны и установления Советской власти.	223
--	-----

instituteofhistory.ru

С 03565. Сдано в набор — 6/VII-1956 г. Подписано к печати — 29 IX-1956 г. Формат — 60×92₁₆. Заказ № 1252. Тираж — 1000. Цена — 9 руб. Переплет — 1 руб.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
г. Махачкала, ул. Ленина, 14